86.375
K66

ПРОВЕРЕН 93 г.

Т.Ц.Н.Б.
По хронологическому каталогу № 153.

История Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

86.375
К 66

М. С. КОРЕЛИНЪ.

по систематическ. каб. 94/Ю
К.66-в.

ВАЖНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ

ВЪ ИСТОРІИ

СРЕДНЕВѢКОВОГО ПАПСТВА.

Тоб. Окр. Б-ка № 16319

Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ".

08 02
Библиотека Тобольского Государственного историко-краеведческого музея № 53215

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.
1901.

1937 г.

K TM24112/608

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Русская литература по всеобщей исторіи особенно бѣдна общими пособіями, приноровленными къ цѣлямъ самообразованія и къ потребности большой публики въ научныхъ, но въ то же время небольшихъ по объему и общедоступныхъ по изложенію историческихъ книгахъ. Особенно мало у насъ общихъ трудовъ по исторіи отдѣльныхъ народовъ, равно какъ по исторіи отдѣльныхъ эпохъ или сторонъ жизни (культурной, политической, экономической и т. п.). Для устраненія этого важнаго недостатка многіе русскіе спеціалисты всеобщей исторіи, большею частью университетскіе профессора и приватъ-доценты, предприняли составленіе цѣлой коллекціи небольшихъ (отъ 10 до 12 листовъ) историческихъ книжекъ подъ общимъ заглавіемъ — «Исторія Европы въ средніе вѣка и новое время по эпохамъ и странамъ». Всѣхъ книжекъ предположено около сорока, причемъ все изданіе будетъ дѣлиться на двѣ серіи—эпохъ и странъ. Каждой эпохѣ или странѣ предполагается посвятить по одной книжкѣ, за исключеніемъ главнѣйшихъ странъ (Англіи, Германіи, Италіи и Франціи), которыя потребуютъ по двѣ и даже по три книжки. Отдѣльные выпуски этой коллекціи будутъ составлены учеными, болѣе спеціально занимавшимися тѣмъ или другимъ отдѣломъ всеобщей исторіи, и всѣми ими будетъ принято во вниманіе, что ихъ читателями явятся вообще лица, получившія образованіе не ниже средняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ желающія пополнить и расширить свои

знанія. Поэтому въ предполагаемыхъ книжкахъ на первый планъ будетъ выдвинута внутренняя, т. е. культурная и соціально-политическая исторія, и изъ изложенія будетъ устранено все, что можетъ имѣть интересъ только для спеціалистовъ. Общее веденіе изданія приняли на себя нижеподписавшіеся, участвовать же въ составленіи отдѣльныхъ книжекъ будутъ: П. Н. Ардашевъ, Г. Е. Аѳанасьевъ, В. П. Бузескулъ, А. С. Вязигинъ, В. И. Герье, И. М. Гревсъ, А. К. Дживелеговъ, Н. И. Карѣевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Лучицкій, Н. Н. Любовичъ, П. Г. Мижуевъ, П. Н. Милюковъ, Н. В. Молчановскій, В. А. Мякотинъ, Д. М. Петрушевскій, В. К. Пискорскій, С. Ѳ. Фортунатовъ, Е. В. Тарле, Ѳ. И. Успенскій и др.

Въ настоящее время уже изданы «Исторія крестовыхъ походовъ» Ѳ. И. Успенскаго, «Паденіе античнаго міросозерцанія» М. С. Корелина и «Исторія Италіи въ средніе вѣка» Е. В. Тарле. Ближайшими выпусками, имѣющими выйти въ свѣтъ въ скоромъ времени будутъ: «Исторія Италіи въ новое время» Е. В. Тарле и «Исторія Франціи въ XIX в.» Н. И. Карѣева.

Н. Карѣевъ.

И. Лучицкій.

II.

При составленіи предположительнаго списка отдѣльныхъ выпусковъ «Исторіи Европы по эпохамъ и странамъ» намѣчена была особая книжка, посвященная «Папству и монашеству въ средніе вѣка». Такое соединеніе въ одной книжкѣ весьма ограниченнаго размѣра двухъ столько крупныхъ темъ оказалось трудно осуществимымъ, и потому пришлось ихъ трактовать отдѣльно, причемъ для исторіи папства рѣшено было взять уже раньше бывшую напечатанною работу покойнаго проф. Московскаго университета М. С. Корелина.

«Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣкового папства» имѣютъ такое же происхожденіе, какъ и другая работа того же автора, уже появившаяся въ нашей коллекціи, «Паденіе античнаго міросозерцанія». Обѣ онѣ являются воспроизведеніемъ небольшихъ курсовъ публичныхъ лекцій, и обѣ же первоначально были напечатаны въ *Русской Мысли* («Важнѣйшіе моменты» въ 1890 г.).

«Задача курса, говоритъ объ этой работѣ въ некрологѣ М. С. Корелина проф. В. И. Герье, заключалась въ томъ, чтобы вложить въ рамки десяти лекцій данный отдѣлъ всеобщей исторіи и изложить его для весьма смѣшанной по составу и по возрасту аудиторіи, искавшей на лекціи не одинъ только учебный матеріалъ. Пробнымъ камнемъ достоинства этого курса можетъ служить сопоставленіе его съ книжкой извѣстнаго ученаго Ваттенбаха—«Geschichte des Römischen Papsthums». И эта книжка вышла изъ публичныхъ лекцій и обнимаетъ тотъ же періодъ въ исторіи папства отъ Льва I Великаго до Льва X, современника реформаціи. Ваттенбахъ заявляетъ, что изложилъ въ своей книгѣ

исторію римскаго папства согласно съ своимъ представленіемъ о немъ и своими *изслѣдованіями*. Кто знаетъ, что Ваттенбахъ самый ученый спеціалистъ и лучшій знатокъ источниковъ средневѣковой исторіографіи, тотъ пойметъ, какая сила заключается въ его выраженіи: по *моимъ* изслѣдованіямъ. Объ особыхъ изслѣдованіяхъ по источникамъ для публичнаго курса, задуманнаго и приведеннаго въ исполненіе менѣе, чѣмъ въ годъ—при усиленной работѣ надъ диссертаціей и преподаваніи—у Корелина не могло быть рѣчи. Вѣрнымъ руководителемъ его былъ знаменитый историкъ города Рима и художникъ Грегоровіусъ. И что же? Сочиненіе Ваттенбаха представляетъ собою въ 20 лекціяхъ полную и цѣльную *исторію папъ*—съ характеромъ учебной и справочной книги, гдѣ все основательно, все взвѣшено, но ничто не оставляетъ впечатлѣнія. Книжка Корелина есть изображеніе великой исторической драмы, на авансценѣ которой стоятъ живые образы ея главнѣйшихъ дѣятелей. Построеніе мастерское, и, какъ въ настоящей драмѣ, одинъ моментъ вытекаетъ послѣдовательно изъ другого до окончательной развязки, которую можно предвидѣть уже въ моментъ высшаго подъема драмы. Результатъ достигнутъ счастливымъ сочетаніемъ главныхъ элементовъ задачи: автору постоянно присуще универсальное значеніе папства, идея, лежавшая въ его основаніи и вызывавшая внутреннюю его эволюцію; *среда*, т. е. историческія условія и тенденціи времени, вліявшія на папство и опредѣлявшія его направленія, то благопріятствуя его развитію, то искажая его идеальный образъ; наконецъ, значеніе лицъ, руководившихъ его судьбой, осуществлявшихъ его призваніе или просто олицетворявшихъ его историческіе моменты.

Въ первой лекціи читателю открывается въ перспективѣ культурное значеніе, папства и онъ присутствуетъ при установленіи его авторитета въ римской средѣ—этотъ моментъ завершается и олицетворяется въ Львѣ I или Великомъ. Римская имперія исчезаетъ подъ наплывомъ варваровъ:

папство, становясь ихъ просвѣтителемъ, распространяетъ свой авторитетъ надъ сѣверной Европой и одновременно отбрасываетъ отъ себя остатки римской языческой культуры - Григорій Великій. Ошибки византійской политики и натискъ лангобардовъ вызываютъ необходимость искать свѣтской власти и побуждаютъ папъ возстановить Западную Римскую имперію. Первыя столкновенія съ свѣтской властью на Западѣ даютъ поводъ къ новому подъему папскаго авторитета — Николай I, по отношенію къ которому авторъ замѣчаетъ, что онъ «является нагляднымъ свидѣтельствомъ, какой яркій блескъ, какую существенную услугу можетъ оказать могучему институту могучая личность». Въ пятой лекціи изображается паденіе папства, бывшее слѣдствіемъ феодализаціи и анархіи въ Римѣ — жалкимъ представителемъ этой эпохи выставленъ Бенедиктъ IX. Хорошо изображены шедшее съ сѣвера движеніе къ реформѣ въ его двухъ теченіяхъ — аскетическомъ изъ монастырей и политическомъ - отъ германскихъ императоровъ, и послужившее на это отвѣтомъ *римское* движеніе, во главѣ котораго стоялъ Григорій VII, съ его теократическими притязаніями. Седьмая лекція изображаетъ борьбу, вызванную стремленіемъ къ осуществленію идеаловъ Григорія VII; въ связи съ торжествомъ папства хорошо освѣщена одна изъ причинъ движенія крестоносцевъ: «крестовый походъ, какъ спасительное средство», замѣнялъ для феодальнаго дворянства монастырь; въ рыцарскихъ орденахъ соединяются два противоположные идеала — Христова воина и монаха. Лишь въ этомъ мѣстѣ построеніе курса представляетъ значительный пробѣлъ: стѣсненный его рамками, историкъ не достаточно остановился на моментѣ высшаго торжества папства и едва упомянулъ объ Иннокентіи III.

Послѣднія три лекціи уже изображаютъ паденіе папства и борьбу противъ него. Причины этой послѣдней заключаются, по опредѣленію автора, „въ деспотизмѣ св. Престола, во внутреннемъ противорѣчіи аскетическаго идеала съ свѣтскою властью папъ, въ мірской жизни духовенства и въ черезчуръ

матеріальномъ пониманіи религіи". На переднемъ планѣ картины, въ которой изображены враждебныя папству новыя движенія, подробно описана борьба Фридриха II съ Иннокентіемъ IV, послѣднимъ побѣдоноснымъ папою изъ школы Григорія VII, но „по личному характеру представляющимъ собою злостную каррикатуру на своего знаменитаго предшественника". Не смотря на побѣду надъ Гогенштауфенами, папство утратило свою нравственную силу. Климентъ IV, жалуясь французскому королю, что его казна пуста, что никто не платитъ, а Италія поглощаетъ деньги, самъ сознается, что «какъ можетъ папа, не прибѣгая къ безбожнымъ средствамъ, доставить себѣ или другому войско или деньги»?

На первомъ планѣ девятой лекціи стоитъ Бонифацій VIII, «послѣдняя крупная личность между средневѣковыми намѣстниками Христа и типическій представитель учрежденія, которое утратило прежнее значеніе и извратило свой первоначальный смыслъ». Паденіе Бонифація въ борьбѣ съ Филиппомъ Красивымъ увлекло за собою и средневѣковое папство въ авиньонское плѣненіе, откуда папамъ пришлось завоевывать Римъ; по возвращеніи въ Римъ папы сдѣлались свѣтскими государями. Утрата ихъ вліянія на христіанскій Западъ вызвала эпоху соборовъ; хотя папы и восторжествовали надъ попыткой ограничить ихъ власть въ церкви—ихъ авторитету нанесло новый ударъ гуманистическое направленіе умовъ среди самой церкви. «Преемники Григорія VII сдѣлались не только послѣдователями Бокаччіо, но и друзьями Лоренцо Валлы, опровергавшаго Даръ Константина и считавшаго удовольствіе высшимъ благомъ». Съ большимъ тактомъ авторъ избралъ представителемъ эпохи «разложенія папства» не пресловутаго Борджіа, не воинственнаго Юлія II, а Льва X Медичи, «безусловно лучшаго изъ римскихъ епископовъ этого періода», за годъ до вступленія на престолъ котораго благочестивый монахъ Мартинъ Лютеръ съ средневѣковымъ восторгомъ цѣловалъ священную почву Рима» *).

*) *В. И. Герье.* Михаилъ Сергѣевичъ Корелинъ. Москва. 1900. Стр. 32—35.

Мы нарочно привели цѣликомъ общую характеристику работы покойнаго Корелина, сдѣланную проф. Герье, чтобы читатель сразу видѣлъ, что «Главнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣкового папства“ какъ нельзя болѣе подходятъ къ той цѣли, какую ставитъ себѣ «Исторія Европы по эпохамъ и странамъ». Нашъ выборъ былъ, кромѣ того, одобренъ проф. А. С. Вязигинымъ, который предполагалъ сначала одинъ составить общую книжку о папствѣ и монашествѣ въ средніе вѣка. «Печатаніе, пишетъ онъ намъ, очерковъ Корелина существенно облегчаетъ мою задачу и естественно переноситъ центръ тяжести моей работы на исторію монашества». Прибавимъ, что въ своей книжкѣ проф. Вязигинъ предполагаетъ «разсмотрѣть дѣятельность *зодчихъ средневѣковой теократіи* съ культурно-исторической точки зрѣнія, намѣтить пути, избранные ими для водворенія Божьяго царства на землѣ, воспроизвести вдохновлявшіе ихъ идеалы, отмѣтить ихъ просвѣтительныя заслуги, уяснить ихъ общественную роль, какъ представителей и проводниковъ опредѣленныхъ хозяйственныхъ формъ, стоящихъ въ ближайшей связи съ переживавшейся средневѣковьемъ экономической эволюціей». Книги М. С. Корелина и А. С. Вязигина, имѣя каждая самостоятельное значеніе, будутъ въ то же время только одна другую дополнять.

Н. Карѣевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе 1

I. Культурное значеніе папства.—Установленіе папскаго авторитета въ римской средѣ.—Левъ I 1

II. Нашествіе варваровъ и его вліяніе на усиленіе папства.—Паденіе античной культуры.—Монашество. Присоединеніе варваровъ къ церкви.—Григорій Великій. 17

III. Стремленіе западной церкви къ независимости отъ свѣтской власти.—Борьба папъ съ Византіей и лангобардами.—Начало свѣтской власти римскихъ епископовъ.—Установленіе средневѣковой имперіи 35

IV. Начало борьбы папъ за господство надъ церковью и государствомъ. — Установленіе папскаго авторитета въ варварской средѣ.—Лже-Исидоровы декреталіи.—Борьба свѣтской и духовной власти въ IX в.—Николай I 50

V. Причины политическаго и нравственнаго паденія папства въ IX—XI столѣтіяхъ.—Вліяніе на св. престолъ упадка имперіи и усиленіе феодализма.—Зависимость папъ отъ римскихъ бароновъ и ея моральныя послѣдствія.—Ослабленіе вліянія аскетическихъ идеаловъ.—Бенедиктъ IX 65

VI. Усиленіе папства въ XI вѣкѣ.—Безсиліе нѣмецкихъ императоровъ реформировать папство.—Оттонъ III и Сильвестръ II.—Вліяніе аскетическаго движенія на церковную реформу.—Генрихъ III и Григорій VII 77

VII. Осуществленіе іерархическихъ идеаловъ Григорія VII.—Борьба за инвеституру и ограниченіе свѣтской власти папъ городскимъ движеніемъ.—Крестовые походы и новыя силы католицизма.—Торжество средневѣкового папства и его историческая заслуга . 94

VIII. Начало паденія средневѣкового папства.—Оппозиція противъ него со стороны науки и религіи.—Инквизиція.—Борьба Григорія VII и Иннокентія IV съ Фридрихомъ II и значеніе ихъ побѣды 108

IX. Результаты борьбы папства съ имперіей.—Целестинъ V и Бонифацій VIII.—Состояніе св. престола въ Авиньонѣ.—Литературная и практическая оппозиція папству въ XIV столѣтіи.—Борьба папъ за свѣтскую власть въ Италіи.—Урбанъ VI.—Значеніе «Великой схизмы» 126

X. Соборная реформа и причины ея неудачи.—Констанцскій соборъ.—Дѣло Гуса.—Окончательное паденіе средневѣкового папства въ эпоху Возрожденія.—Левъ X 143

I.

Культурное значеніе папства.—Установленіе папскаго авторитета въ римской средѣ.—Левъ I.

Среди разнообразныхъ религіозныхъ и политическихъ формъ, которыя встрѣчаются на всемъ протяженіи всемірной исторіи, римское папство занимаетъ совершенно особенное мѣсто. Оно болѣе, чѣмъ церковь, потому что пытается подчинить себѣ всѣ сферы политической и экономической жизни народовъ. Оно болѣе, чѣмъ государство, потому что стремится господствовать надъ духовною жизнью личности и общества, старается поработить себѣ науку, искусство и литературу. И всѣ эти стремленія иногда, по крайней мѣрѣ, почти вполнѣ достигаютъ своей цѣли: народы платятъ подати папамъ и повинуются ихъ законамъ; по властному слову римскаго епископа, политическіе вожди народовъ, императоры, лишаются престола, а представители ихъ умственной жизни, философы, гибнутъ на кострѣ. Это могущество тѣмъ поразительнѣе, что въ эпоху господства грубой силы оно создано было идеей и долгое время было лишено всякихъ матеріальныхъ средствъ. Какъ всякое историческое явленіе, папство приспособлялось къ обстановкѣ и съ необычайнымъ искусствомъ извлекало всѣ выгоды, предоставляемыя данною средой и данною эпохой; но идея папства, требованія, предъявляемыя имъ обществу, оставались въ цѣломъ и общемъ неизмѣнными во всѣ времена. Левъ XIII стоитъ въ такой же неразрывной связи съ Григоріемъ VII, какъ послѣдній съ предшествовавшими ему основателями папскаго могущества. Вслѣдствіе этого, культурное значеніе папства зависѣло отъ состоянія окружавшей его среды. Было время, когда оно воспитывало общество, сдерживая разрушительные порывы и разгулъ страстей полудикихъ варваровъ. Въ другія эпохи оно задерживало общественный ростъ, ставя преграды и госу-

дарственному развитію, и философской мысли; иногда оно даже развращало общество, искажая и религію, и индивидуальную мораль, и политическую нравственность. Папство по временамъ вносило въ религію Христа совершенно языческій матеріализмъ, возмущавшій нравственное чувство, навязывало мораль, которая отрицала жизнь и тѣмъ ставила человѣка въ непримиримое противорѣчіе съ самимъ собою, возстановляла гражданъ противъ власти и закона и вызывала междуусобія для достиженія узко-эгоистическихъ цѣлей корыстной политики. Прослѣдить возникновеніе и ростъ средневѣкового папства и выяснить его культурное значеніе въ различные моменты его исторической жизни и составляетъ задачу этихъ очерковъ.

Ростъ папства начался задолго до торжества христіанства надъ язычествомъ: еще подъ властью языческихъ императоровъ оно подчинило себѣ часть римскаго общества и захватило нѣкоторыя функціи государственной власти. Древнѣйшая христіанская община была основана на строго-демократическомъ принципѣ: епископъ былъ только первый между равными относительно пресвитеровъ, которые избирались общиной, а между духовными и свѣтскими лицами не было такого различія, какое развилось позже. Опредѣленной организаціи эта община не имѣла: выборы происходили безъ всякихъ формальностей, права и обязанности духовенства и паствы не были точно разграничены. Но внутри общины царила строгая дисциплина. Окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, христіанская община образовала изъ себя каррэ, которое могло держаться только нравственною силой и тѣсною сплоченностью отдѣльныхъ членовъ. Вслѣдствіе этого, въ составъ ея принимали съ разборомъ: чтобы сдѣлаться христіаниномъ, недостаточно было внѣшняго признанія извѣстныхъ ученій, требовался нравственный переворотъ, поэтому вновь обращенныхъ подвергали предварительному испытанію, а неосторожно принятыхъ — строгому отлученію. Христіанамъ дозволялось вкушать пищу съ язычниками и вести съ ними разныя дѣла, но всякое сообщеніе съ отлученными было безусловно запрещено. И здѣсь, какъ повсюду, первоначальная церковь обращала вниманіе на душу, а не на форму. „Мы скорѣе можемъ терпѣть въ своей средѣ тѣхъ, —пишетъ Тер-

тулліанъ,—которые вынужденно отпали отъ основъ нашей религіи, чѣмъ тѣхъ, которые сдѣлали это добровольно". Отлученіе налагалось не только за антихристіанскія воззрѣнія, но и за дѣйствія, особенно непристойныя христіанину, за такъ называемые „смертные грѣхи"—убійство, воровство, обманъ и разныя формы нарушенія семейной нравственности. Этотъ строгій надзоръ за разумомъ и волей перешелъ потомъ къ лицу, признанному главой церкви; въ древней общинѣ онъ оправдывался ея положеніемъ среди враждебнаго язычества и высокою нравственностью ея членовъ; въ рукахъ папъ съ теченіемъ времени онъ утратилъ всякое оправданіе. Но это случилось не сразу.

Одновременно съ нравственною дисциплиной первоначальная община должна была присвоить себѣ и нѣкоторыя политическія права надъ своими членами. Христіане старались добросовѣстно исполнять заповѣдь—воздавать Божіе Богу, кесарево кесарю, но ее и позже всегда признавали какъ католики, подчинявшіе государство церкви, такъ и протестанты, вполнѣ поработившіе себя государству: разграничить обѣ области въ языческой средѣ было еще труднѣе. Христіанская община считала себя вправѣ не платить податей въ пользу языческихъ храмовъ, не допускать своихъ членовъ до отправленія государственныхъ должностей, связанныхъ съ языческимъ культомъ (а таковы были всѣ должности въ Римѣ), запрещало имъ заниматься скульптурой и архитектурой, потому что эти искусства служили идолопоклонству, сама чинила судъ и расправу и запрещала вѣрующему вступать въ бракъ съ язычницей и наоборотъ. Христіанская церковь противопоставляла себя языческому государству и, не порывая окончательно съ нимъ связи, считало себя вправѣ принимать по отношенію къ своимъ членамъ всѣ мѣры, какія казались нужными для ихъ спасенія. Это право позже присвоили себѣ папы и заявили на него притязаніе также и въ христіанскомъ государствѣ. Но это произошло постепенно.

Съ половины II вѣка демократическій принципъ въ христіанскихъ общинахъ замѣняется аристократическимъ: на первый планъ самою жизнью выдвигаются епископы. Количество членовъ общины увеличивалось, а ея положеніе въ государствѣ становилось все труднѣе,

потому что все болѣе и болѣе обострялись отношенія къ ней языческихъ императоровъ. Оба эти измѣненія создавали новыя потребности. Кромѣ того, вновь обращенные въ христіанство пытались примирить старыя вѣрованія съ новою религіей и впадали въ ересь. Бывшимъ евреямъ, привыкшимъ къ строгому единобожію, казалось непонятнымъ и подозрительнымъ ученіе о божественности Христа; они стали отрицать ее и образовали секту эбіонитовъ. Бывшимъ язычникамъ, проникнутымъ античною философіей, не нравился Ветхій Завѣтъ; они стали очищать Библію, прилаживать ее къ старымъ философамъ, и въ результатѣ получилась ересь гностиковъ и т. д. Появленіе такихъ лжеученій выдвигало на первый планъ чисто-богословскіе вопросы: необходимо было выработать опредѣленное догматическое ученіе, иначе общинѣ грозило внутреннее распаденіе. А для такого дѣла, для такихъ вопросовъ, какъ отношеніе между лицами Св. Троицы и т. п., нужна привычка къ философскому мышленію, которой не было у массы. Это было подъ силу только выдающимся людямъ, епископамъ, которые и сдѣлались единственно-авторитетными *учителями* простыхъ вѣрующихъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и гоненія: въ критическія минуты своего существованія христіанская община послушно шла за епископомъ, который остался ея *вождемъ* и въ мирное время. Ставши во главѣ паствы, епископы сдѣлались распредѣлителями богатствъ общины, происшедшихъ изъ добровольныхъ приношеній, и судьями вѣрующихъ не только по религіознымъ, но и по мірскимъ дѣламъ, если не было необходимости обращаться къ языческому трибуналу. Вожди и учителя заняли, такимъ образомъ, выдающееся экономическое и политическое положеніе. Уже въ III вѣкѣ эти права получили всеобщее признаніе и религіозную санкцію. Въ это время карѳагенскій епископъ св. Кипріанъ писалъ: „Епископы — преемники апостоловъ, на нихъ покоится церковь, имъ принадлежитъ управленіе христіанскимъ обществомъ“. Съ торжествомъ христіанства епископская власть еще усилилась. Церковная обособленность, утратившая raison d'être въ христіанскомъ государствѣ, казалась императорамъ божественнымъ учрежденіемъ, касаться котораго они не рѣшались, и церковь сдѣлалась государствомъ въ государствѣ. Такъ,

прежде всего, законъ 319 года освобождалъ духовенство отъ всѣхъ государственныхъ повинностей, что повлекло за собою чрезмѣрное увеличеніе клира, вслѣдствіе чего въ слѣдующемъ году знатнымъ и особенно богатымъ людямъ было запрещено принимать духовный санъ. Въ 321 году Константинъ Великій издалъ законъ, предоставлявшій церкви право получать наслѣдство и вообще имущественныя приношенія. Этимъ закономъ воспользовались такъ широко, что государство вынуждено было его ограничить, и блаженный Іеронимъ сожалѣетъ не объ ограниченіи, а о причинахъ, его вызвавшихъ, потому что обиліе матеріальныхъ средствъ, увеличивая вліяніе церкви, испортило нравы духовенства. Кромѣ обширнаго экономическаго вліянія, епископы играли важную политическую роль. Правда, государственныхъ должностей они не занимали, но тогда эти должности были не столько правомъ, сколько тяжелою обязанностью, потому что чиновники несли податную отвѣтственность передъ государствомъ за населеніе. Въ замѣнъ этого имъ предоставлена была весьма обширная юрисдикція, ихъ суду подлежали всѣ дѣла, имѣющія отношенія къ религіи и къ браку; они же разбирали процессы о наслѣдствѣ, причемъ ихъ рѣшеніе не подлежало апелляціи. „Судъ епископовъ долженъ имѣть такое значеніе,—говоритъ законъ Константина,—какъ если бы лично судилъ самъ Господь“. Кромѣ того, свѣтскіе сановники были подчинены извѣстному контролю епископа. Соборъ въ Арлѣ 314 года допустилъ христіанъ занимать должность въ тогда еще языческомъ государствѣ, но требовалъ разрѣшенія церкви для каждаго отдѣльнаго случая и прямо ставилъ должностное лицо подъ надзоръ мѣстнаго епископа. Послѣ торжества христіанства такой надзоръ сдѣлался обычаемъ и въ связи съ нимъ развилось такъ называемое intercessio, т.-е. иногда ходатайство, иногда протестъ, и, во всякомъ случаѣ, вмѣшательство въ государственныя дѣла. Въ какомъ направленіи шло это вмѣшательство и какихъ результатовъ оно достигало, можно видѣть изъ немногихъ примѣровъ. Въ 371 году императоръ Валентъ раздѣлилъ Каппадокію на двѣ провинціи, что было обременительно для жителей, и Василій, епископъ Цезареи, счелъ себя вправѣ протестовать противъ этой реформы. Въ 387 году жители

Антіохіи возмутились противъ чрезмѣрной тяжести налоговъ; но возстаніе было подавлено и ожидалась суровая репрессія.—Тогда населеніе обратилось съ просьбою къ епископу Флавіану ходатайствовать передъ императоромъ о смягченіи наказанія, и престарѣлый епископъ получилъ полное прощеніе для своей мятежной паствы. Болѣе рѣшительный и болѣе авторитетный современникъ Флавіана подвергъ, какъ извѣстно, формальному церковному наказанію императора Ѳеодосія за черезъ-чуръ жестокое подавленіе мятежа. Эта неожиданная смѣлость въ эпоху безпросвѣтнаго деспотизма показываетъ, что частный человѣкъ могъ найти надежную защиту только у представителя церкви. Вслѣдствіе этого, жертвы правительственнаго произвола всегда спасались у епископа, и вмѣшательство духовенства въ административныя дѣла доходило до того, что законъ 398 года формально запретилъ духовнымъ лицамъ избавлять осужденныхъ преступниковъ отъ заслуженнаго ими наказанія. Тѣмъ не менѣе, защита епископами угнетаемыхъ продолжала развиваться подъ другою формой: церковь сдѣлалась неприкосновеннымъ убѣжищемъ гонимыхъ, и ея настоятели умѣли охранять его святость передъ римскими чиновниками. Такъ, одинъ видный сановникъ въ Понтѣ и другъ намѣстника этой области хотѣлъ принудить знатную вдову выйти за себя замужъ. Та отдалась подъ защиту церкви въ Кессаріи. Тогда вмѣшался въ дѣло намѣстникъ, потребовалъ ея выдачи и приказалъ привести къ своему трибуналу епископа, когда тотъ отказался исполнить его требованіе. Но распоряженіе намѣстника вызвало столь сильное народное возстаніе, что слабыя власти вынуждены были просить того же епископа успокоить взволновавшуюся толпу. Иногда между свѣтскою и духовною властью начиналась принципіальная борьба изъ-за права церковнаго убѣжища, но она кончалась обыкновенно побѣдою епископа. Такъ, въ началѣ V вѣка намѣстникъ Птолемаиды Андроникъ приказалъ прибить къ церковнымъ дверямъ эдиктъ, въ которомъ объявлялъ, что изъ его рукъ не долженъ ускользнуть даже и тотъ, кто обнималъ бы ноги самого Христа. Тогда епископъ Синезій отлучилъ его отъ церкви, и намѣстникъ смирился. Такой исходъ борьбы показывалъ, что право убѣжища пустило глубокіе корни, и само правительство признало

его въ 431 году особымъ закономъ. Но на ряду съ этимъ правомъ сильное вліяніе на массу доставляли епископу обширныя церковныя имущества. Филантропія, которая впервые подъ вліяніемъ христіанства пріобрѣла значительные размѣры, получила отъ церкви правильную организацію, была поставлена подъ контроль епископа. Почти повсюду были устроены на церковныя средства страннопріимные дома, пріюты для бѣдныхъ, богадѣльни и сиротскіе пріюты, и неимущая толпа видѣла въ епископѣ не только заступника, но и кормильца. Фактическому положенію епископа соотвѣтствовалъ внѣшній блескъ его власти и почетъ, воздаваемый ему правительствомъ и обществомъ. Уже апостольскія постановленія предписывали христіанамъ „любить епископа, какъ отца, бояться, какъ царя, и почитать, какъ господина“, и духовенство умѣло настоять на исполненіи этого предписанія. Епископъ Леонтій требовалъ отъ императрицы Евсевіи, жены Констанція, чтобы при его пріемѣ она сошла съ трона, съ почтеніемъ стала передъ нимъ, склонила голову, прося благословенія, и проч. Только при этихъ условіяхъ соглашался онъ на аудіенцію. Неудивительно поэтому, что Амміанъ Марцелинъ называетъ штатъ римскаго епископа блестящимъ, его одѣянія роскошными, его пиры царскими, а блаженный Іеронимъ идетъ далѣе языческаго писателя, напоминая епископу, что народъ не находится у него въ рабствѣ. Вслѣдствіе всего этого, епископъ сталъ въ глазахъ населенія первымъ лицомъ въ городѣ, и его авторитетъ, имѣвшій своимъ основаніемъ и политическія привилегіи, и фактическую силу, и безграничное духовное вліяніе, проникалъ во всѣ сферы общественной жизни и оставлялъ далеко позади авторитетъ свѣтскаго начальства. А въ концѣ имперіи, когда на обветшавшій Римъ со всѣхъ сторонъ обрушивались варвары, когда въ государствѣ царила анархія, епископъ сдѣлался единственнымъ главою общества во всѣхъ отношеніяхъ. Но въ это время успѣла вырости и окрѣпнуть другая сила, которая замѣнила аристократическій принципъ монархическимъ и сдѣлала епископовъ простымъ орудіемъ своей единоличной власти. Этою силой было папство. Епископская власть въ Римѣ развивалась точно такъ же, какъ и въ другихъ городахъ. Уже въ концѣ I вѣка папа Кли-

ментъ I нашелъ неудобнымъ для церковныхъ цѣлей Августово дѣленіе города на 14 регіоновъ, раздѣлилъ Римъ на 7 частей и въ каждой изъ нихъ поставилъ особаго нотаріуса для описанія страданій мучениковъ и особаго діакона для наблюденія надъ церковною дисциплиной. Въ началѣ III вѣка папа Калликстъ I собственною властью разрѣшилъ свободно-рожденнымъ дѣвушкамъ вступать въ бракъ съ рабами и вольноотпущенниками. Словомъ, и въ Римѣ, какъ повсюду, епископскій авторитетъ не имѣлъ опредѣленныхъ ограниченій. Но когда въ отдѣльныхъ общинахъ обнаружилось стремленіе къ единству, папа выдвинулся изъ среды другихъ епископовъ, благодаря особенно благопріятнымъ историческимъ условіямъ, среди которыхъ находилась его епископская каѳедра.

Стремленіе христіанскихъ общинъ къ единству естественно вытекало какъ изъ идеальнаго воззрѣнія на церковь, какъ на религіозное братство вѣрующихъ, такъ и изъ критической потребности наиболѣе успѣшной борьбы съ ересями и язычествомъ. Уже въ III вѣкѣ св. Кипріанъ считаетъ единство необходимымъ условіемъ самаго существованія церкви. „Существуетъ одинъ Богъ, — пишетъ онъ, — одинъ Христосъ; поэтому должна быть одна вѣра, одна церковь; вѣрные составляютъ твердое тѣло, соединенное союзомъ согласія. Разрушить это единство значитъ разрушить самое христіанство“. Съ конца II и въ III вѣкѣ выраженіемъ этого объединенія былъ соборъ, члены котораго равны между собою. Тотъ же самый св. Кипріанъ, который требовалъ церковнаго единства, ратуетъ за равноправность всѣхъ епископовъ: „Никто изъ насъ не имѣетъ стремленія сдѣлаться епископомъ надъ епископами, ни ужасами тираніи принуждать къ повиновенію своихъ собратій, — говорилъ онъ на Карѳагенскомъ соборѣ. — Всѣ свободны и независимы въ своей власти; никто не можетъ быть судимъ другимъ, ни судить своихъ братьевъ. Будемъ дожидаться суда Христа, который одинъ имѣетъ власть ставить насъ во главѣ церкви и судить наши дѣйствія“. Но такая равноправность неодинаковыхъ силъ была иллюзіей въ обществѣ, построенномъ на иныхъ юридическихъ началахъ. Церковная организація такъ же безсознательно заимствовала свои формы изъ окружающаго политическаго строя, какъ христіанское искус-

ство изъ языческаго. И на Востокѣ провинціальные епископы стали въ фактическую зависимость отъ митрополитовъ. Еще сильнѣе проявлялась эта тенденція на Западѣ, во главѣ котораго стоялъ Римъ.

Превращеніе „вѣчнаго“ города въ „священный“ и переходъ языческаго цезаризма въ католическое папство были значительно облегчены и предшествовавшею исторіей, и современными политическими условіями. Господство Рима было уже старымъ, общепризнаннымъ фактомъ; была уже выработана и административня система для деспотическаго режима. Одновременно съ торжествомъ христіанства удалились изъ Рима и сами деспоты, оставивши послѣ себя невообразимую анархію. Единственною силой въ городѣ былъ епископъ, который взялъ въ свои руки наслѣдіе императоровъ и воспользовался ихъ политическою системой.

Первоначальною основой церковнаго первенства папы было не религіозное, а политическое и культурное значеніе Рима. Съ религіозной точки зрѣнія, столица античнаго міра, какъ центръ язычества, какъ источникъ гоненій, могла представляться скорѣе проклятымъ, чѣмъ священнымъ городомъ. Значеніе римской епископской каѳедры начинаетъ возрастать пока еще только въ Италіи, когда съ увеличеніемъ количества христіанъ явилась потребность въ болѣе прочной внѣшней связи. Въ половинѣ II вѣка епископы средней Италіи признаютъ уже авторитетъ папы. Когда христіанство сдѣлалось господствующею религіей, столичный епископъ естественно получилъ первенство, и не только почетное. Уже первый вселенскій соборъ сталъ на эту точку зрѣнія, признавши за митрополитами нѣкоторыя привилегіи, напр., право созывать соборы и утверждать епископовъ въ своей епархіи. Но онъ не дѣлаетъ еще никакой разницы между Римомъ и Константинополемъ. Константинопольскій соборъ 381 года сдѣлалъ шагъ впередъ въ пользу римской каѳедры. „Епископъ Константинополя,— гласитъ 3-е правило его постановленій,—имѣетъ почетное старшинство послѣ римскаго, потому что Константинополь – новый Римъ“. На этой чисто-политической точкѣ зрѣнія восточная церковь осталась и въ половинѣ V вѣка. Халкедонскій соборъ 451 года подтвердилъ рѣшенія кон-

стантинопольскаго на основаніи того же самаго принципа. „Отцы справедливо присудили старшинство каѳедрѣ старѣйшаго Рима,— говорится въ 28 правилѣ этого собора,—потому что онъ царственный городъ“. Но римскіе епископы рѣшительно отвергли политическое основаніе своего первенства и постарались найти для него религіозное оправданіе. Такая постановка вопроса имѣла огромное историческое значеніе.

Всякая власть, каковы бы ни были ея матеріальныя силы, можетъ разсчитывать на прочность только въ томъ случаѣ, если имѣетъ нравственный авторитетъ въ обществѣ. Для церковной власти это правило имѣетъ преимущественное значеніе. Поэтому построить первенство папскаго престола на политическомъ принципѣ значило бы сіять заимствованнымъ, чужимъ, а не своимъ блескомъ. Такое положеніе было тѣмъ менѣе удобно, что церковь считала себя „царствомъ не отъ міра сего“, тѣмъ менѣе цѣлесообразно, что политическое значеніе стараго Рима быстро клонилось къ упадку. Отказавшись отъ политической поддержки, папы выбрали себѣ болѣе могучую опору—религію, которой предстояло завоевать міръ. Исторія блестящимъ образомъ оправдала этотъ выборъ. Въ средніе вѣка не папы жили Римомъ, а Римъ папами, и не папа заимствовалъ свой блескъ отъ города, а прежняя міровая столица сіяла своимъ епископомъ.

Найти религіозное оправданіе церковному первенству Рима на Западѣ было нетрудно. По твердо установившейся традиціи, Петръ и Павелъ, пострадавшіе въ Римѣ, были основателями мѣстной церкви, и она одна только на всемъ Западѣ могла гордиться непосредственно апостольскимъ происхожденіемъ. Но по отношенію къ Востоку, гдѣ апостолы были основателями христіанства во многихъ городахъ, такое происхожденіе не давало Риму никакого права на первенство. Тогда явилось ученіе, что св. Петръ—первый между апостолами, что онъ намѣстникъ Христа на землѣ и что онъ же былъ первымъ епископомъ въ Римѣ. Психологическое основаніе этихъ легендъ весьма просто. Антихристіанское прошлое Рима позабылось, и казалось совершенно естественно, что въ столицѣ міра былъ первымъ епископомъ—если не самъ Христосъ, то Его намѣст-

никъ. *На этой легендѣ и основали папы свои притязанія.*

Ученіе о первенствѣ римской каѳедры въ силу ея апостольскаго происхожденія нашло многочисленные отголоски среди преимущественно западныхъ епископовъ. Уже въ половинѣ II вѣка св. Ириней признавалъ за ней особый авторитетъ, такъ какъ въ Римѣ наиболѣе прочно держится апостольская традиція. „Престолъ Петра—главная церковь; оттуда возникло священническое единство“, — говоритъ св. Кипріанъ, отрицавшій, однако, всякія привилегіи папы на этомъ основаніи. Но въ половинѣ IV вѣка появляются голоса, которые дѣлаютъ изъ легенды іерархическіе выводы. Такъ, Оптатъ изъ Милеве, писавшій противъ донатистовъ, требуетъ, чтобы папа былъ такимъ же главой всѣхъ епископовъ, какъ св. Петръ—апостоловъ. Помѣстный сардикійскій соборъ 347 года, „чтобы почтить ап. Петра“, по предложенію двухъ епископовъ, предоставилъ папѣ Юлію I весьма значительныя прерогативы. Во-первыхъ, осужденный соборомъ епископъ можетъ апеллировать къ папѣ, который вправѣ назначить новое слѣдствіе и новыхъ судей. Во-вторыхъ, назначеніе въ такомъ случаѣ новаго епископа на мѣсто низложеннаго можетъ быть сдѣлано только съ вѣдома и согласія папы. Но далеко не вся западная церковь раздѣляла такія воззрѣнія. Блаж. Августинъ толкуетъ слова Христа Петру о ключахъ отъ царствія небеснаго въ томъ смыслѣ, что они относятся ко всей церкви, и не видитъ никакой разницы между апостолами Петромъ и Павломъ; а бл. Іеронимъ не признаетъ за римскою церковью никакого особеннаго авторитета. По его мнѣнію, она ничѣмъ не отличается отъ всякой другой, и ея епископъ „такого же ранга, такого же священства“, какъ въ Регіумѣ или Александріи. „Если искать авторитета,—говоритъ онъ,—то земной кругъ выше города“. *Устранить эти разногласія, добиться всеобщаго признанія не только первенства, но и основаннаго на немъ господства, и составляло главную задачу папъ до конца V вѣка.* Сами римскіе епископы весьма рано стали смотрѣть на себя какъ на преемниковъ св. Петра со всѣми преимуществами своего предшественника. Уже папа Викторъ I въ концѣ II вѣка пытался от-

лучить отъ церкви христіанскія общины въ Азіи за то, что онѣ расходились съ нимъ въ вопросѣ о днѣ празднованія Пасхи. Папа Стефанъ II въ половинѣ III вѣка „гордо“ предписывалъ малоазіатской и африканской церкви свое рѣшеніе вопроса о крещеніи еретиковъ, „хвастаясь происхожденіемъ своего епископата отъ ап. Петра“, но встрѣтилъ рѣшительный и рѣзкій отпоръ отъ мѣстныхъ епископовъ (св. Кипріана и Фирмиліана). Такъ же рѣшительно отвергъ антіохійскій соборъ вмѣшательство въ дѣла восточной церкви Юлія I. Встрѣчая оппозицію со стороны епископовъ, папы рано пытаются дѣлать свѣтскую власть орудіемъ для осуществленія своихъ притязаній. Такъ, папа Дамазусъ выпросилъ у императора Граціана (въ 378 г.) подтвержденіе рѣшенія сардикійскихъ отцовъ, и необязательное постановленіе помѣстнаго собора получило принудительную силу по императорскому рескрипту. Но до начала V столѣтія папскія притязанія носили отрывочный, безсистемный характеръ. Ихъ основаніе и объемъ впервые ясно формулировалъ Иннокентій I. Онъ рѣшительно отвергъ политическое основаніе первенства своей каѳедры и рѣзко формулировалъ ученіе о верховенствѣ св. Петра между апостолами со всѣми его послѣдствіями. „Не человѣческій, а божественный авторитетъ основалъ римскую церковь, — пишетъ онъ одному епископу. — Мѣстныя церкви получили свое существованіе и свой авторитетъ отъ Петра и должны возвращать его Риму, какъ источнику своей власти; ихъ рѣшенія, чтобы имѣть законную силу, должны получить одобреніе отъ преемника св. Петра“. Но отъ провозглашенія принципа до его проведенія въ жизнь еще очень далеко, и эту печальную истину пришлось испытать на себѣ тремъ первымъ преемникамъ Иннокентія I. Папа Зосима, пытавшійся вмѣшаться въ дѣла гальской церкви, потерпѣлъ неудачу. Но особенно рѣзкій отпоръ встрѣтили папскія притязанія въ Африкѣ. Зосима предписалъ возстановить одного низверженнаго мѣстными епископами священника, причемъ сознательно или по невѣдѣнію привелъ подложныя основанія. Ссылаясь въ подтвержденіе своихъ требованій на необязательныя рѣшенія помѣстнаго сардикійскаго собора, онъ выдалъ ихъ за обязательныя постановленія вселенскаго собора въ Никеѣ. Африканскіе епископы, рѣшившись навести справки въ подлинномъ

текстѣ никейскихъ каноновъ, предварительно отвѣтили Зосимѣ, что они „не намѣрены терпѣть такого высокомѣрія“; а когда оказалось, что никейскій соборъ вовсе не далъ папѣ такихъ привилегій, то постановили отлучить отъ церкви всякаго, кто будетъ апеллировать на рѣшеніе представителей мѣстной церкви къ римскому епископу. Гораздо успѣшнѣе была дѣятельность Льва I.

Примѣръ Льва I съ полною ясностью показываетъ, какое значеніе имѣетъ выдающаяся личность, когда она стоитъ во главѣ движенія, имѣющаго широкую будущность. Итальянецъ по происхожденію, римлянинъ по рожденію и воспитанію, Левъ I рано проникся стремленіями каѳедры св. Петра. Еще будучи простымъ діакономъ, онъ игралъ видную роль въ римской церкви. Наступательная политика преемниковъ Иннокентія I находила въ немъ рѣшительную поддержку, а папа Сикстъ III прямо слушался его совѣтовъ. По его настоянію Сикстъ не допустилъ въ лоно церкви симпатичнаго ему еретика еп. Юліана; ему же поручилъ папа трудную миссію уладить опасную вражду двухъ римскихъ полководцевъ въ Галліи. Избранный на каѳедру св. Петра, Левъ I сдѣлался образцовымъ христіанскимъ епископомъ въ тогдашнемъ духѣ и примѣрнымъ папой. Обладая тонкимъ политическимъ тактомъ, непреклонною волей, обширною ученостью въ церковномъ духѣ и краснорѣчіемъ, онъ цѣликомъ посвятилъ всѣ свои способности на служеніе церкви. Когда въ 452 году въ сѣверной Италіи появился грозный Аттила, Левъ I съ неустрашимостью мученика явился передъ дикимъ варваромъ, и заступничеству папы приписывали спасеніе Рима отъ свирѣпыхъ гунновъ. Когда три года спустя передъ воротами вѣчнаго города стояли хищные вандалы, Левъ I съ такимъ же мужествомъ защищалъ Римъ передъ Гензерихомъ и вынудилъ у еретика обѣщаніе воздержаться отъ „огня, меча и мученій“. Варваръ не вполнѣ сдержалъ свое обѣщаніе, но три главныя церкви дѣйствительно были пощажены варварами. Въ память спасенія отъ гунновъ установленъ былъ праздникъ, и римскій народъ боготворилъ своего епископа.

Съ неменьшею ревностью стремился Левъ I и къ духовному воспитанію своей паствы. Въ проповѣдяхъ онъ ратуетъ противъ

представленій въ циркахъ и старается выяснить слушателямъ не только основныя истины религіозной нравственности, но и важнѣйшіе догматы христіанской религіи. За клиромъ онъ смотритъ весьма строго. По его постановленію, рабъ не могъ быть назначенъ священникомъ безъ согласія господина, чтобы духовный санъ не сдѣлался средствомъ для достиженія постороннихъ цѣлей; священникъ не смѣлъ заниматься ростовщичествомъ, чтобы не компрометировать своего положенія; въ монастырь нельзя принять дѣвушку моложе 40 лѣтъ, чтобы не навлечь подозрѣній и обвиненій на святую обитель. Но съ особеннымъ усердіемъ боролся онъ за чистоту христіанскаго ученія. Открывши еретиковъ въ Римѣ, онъ подвергъ ихъ торжественному суду, на площади сжегъ ихъ книги и осудилъ на изгнаніе самихъ авторовъ и читателей. Гдѣ бы ни появились еретики, а ихъ тогда было чрезвычайно много, на Востокѣ или на Западѣ, Левъ I борется съ ними всѣми средствами: пишетъ литературныя опроверженія, посылаетъ нужныя инструкціи епископамъ, обращается къ свѣтской власти. Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ его обширная переписка; многочисленныя письма не даютъ почти никакого матеріала для біографіи Льва I, потому что ихъ содержаніе исчерпывается богословско-іерархическими разсужденіями. Личная жизнь совершенно поглощена церковною дѣятельностью.

Религіозная полемика доставила Льву I обширную извѣстность на Востокѣ. Его предшественники не принимали почти никакого участія въ богословско-догматической дѣятельности вселенскихъ соборовъ, между тѣмъ какъ его формула ученія о двухъ естествахъ Христа была принята халкидонскимъ соборомъ 451 года. Вслѣдствіе этого, авторитетъ папы стоялъ одинаково высоко на Востокѣ и на Западѣ; Левъ I воспользовался имъ только для того, чтобы добиться всеобщаго признанія господства римскаго престола надъ всею церковью. Ученіе, что ап. Петръ намѣстникъ Христа и что римскій епископъ, какъ его намѣстникъ, глава и правитель всей церкви, было глубочайшею вѣрой Льва I, которою проникнуто было все его существо. Смиренный христіанинъ, какъ человѣкъ, онъ не признавалъ, какъ папа, никакихъ предѣловъ своей власти. Еписко-

памъ онъ прямо говорилъ, что имъ принадлежитъ „часть заботы“ по управленію церковью, а не часть власти, вся полнота которой исключительное достояніе римскаго епископа. Противныя этому постановленія вселенскихъ соборовъ не имѣютъ въ его глазахъ никакого значенія. Когда халкидонскій соборъ предоставилъ одинаковую власть патріарху константинопольскому, Левъ I не только отказался подчиниться этому рѣшенію, но и пригрозилъ патріарху Анатолію отлученіемъ отъ церкви за гордость. Благодаря личному авторитету и нѣкоторымъ историческимъ обстоятельствамъ, Льву I удалось временно добиться всеобщаго признанія. Непокорный епископъ арелатскій былъ низверженъ, африканская церковь, столь рѣшительно отстаивавшая свою равноправность, подчинилась Риму, когда въ Африкѣ получили господство аріане-вандалы. Даже патріархъ Анатолій написалъ покорное письмо, примирившее съ нимъ римскаго епископа. Первенство каѳедры св. Петра получило на время всеобщее признаніе. Но это было не все. Левъ I не только завершилъ стремленія своихъ предшественниковъ, но и приступилъ къ выполненію тѣхъ задачъ, которыя предстояли его преемникамъ — вытѣснить изъ обращенія языческую культуру и подчинить своимъ цѣлямъ свѣтскую власть. Ученость Льва I чисто-церковная, свободная отъ всякихъ вліяній языческой литературы, о которой папа отзывается съ презрѣніемъ, хотя еще и не вступаетъ съ нею въ открытую борьбу. Гораздо опредѣленнѣе отношеніе его къ свѣтской власти. Въ многочисленныхъ письмахъ къ византійскимъ императорамъ онъ проводитъ ту мысль, что на ихъ обязанности лежитъ истреблять еретиковъ и вообще приводить въ исполненіе церковныя постановленія. Дома, на Западѣ, Валентіанъ III говоритъ въ своихъ законахъ языкомъ Льва I. Папа отлучилъ отъ церкви еретиковъ - манихеевъ, а императоръ предписалъ не принимать ихъ въ военную службу и запретилъ имъ жить въ городахъ. Папа объявилъ подвластною себѣ всю церковь, а императоръ приказалъ свѣтскимъ чиновникамъ приводить въ исполненіе его предписанія. Но всемогущество римскаго епископа было непрочно и недолговременно. На Востокѣ сохраняли свою силу постановленія халкидонскаго собора, на Западѣ грозною тучей надвигались варвары ере-

тики или язычники. Начиналась новая культурно-историческая миссія папства.

Появленіе Льва I въ палаткѣ Аттилы — моментъ всемірно-исторической важности. Тамъ впервые встрѣтились двѣ силы, которымъ принадлежало будущее. Одна изъ нихъ выросла на развалинахъ античнаго государства, впитала въ себя всѣ его жизненные соки, безсознательно усвоила себѣ традиціи и стремленія имперіи. Это была сила идеальная, которая требовала себѣ первенства и господства во имя религіозно-нравственнаго принципа. Другая — новая, пока только разрушительная, только ищущая новыхъ политическихъ, соціальныхъ и культурныхъ формъ жизни. Это была грубая сила, которая требовала себѣ господства во имя себя самой. Первая должна была подчинить себѣ вторую, потому что таковъ законъ исторіи; вопросъ заключался только въ томъ, какими средствами будетъ выполнена задача. Историкъ Іорнандъ объясняетъ непонятное отступленіе Аттилы тѣмъ, что его испугала судьба Алариха, который жизнью заплатилъ за дерзкое завоеваніе столицы міра. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ умахъ варваровъ жило смутное благоговѣніе передъ Римомъ; но ближайшее будущее показало, что на этомъ неопредѣленномъ чувствѣ нельзя было основать культурнаго воспитанія варвара. Вандалъ Гензерихъ не испугался участи гота Алариха и не послѣдовалъ примѣру гунна Аттилы. Папы избрали болѣе вѣрное педагогическое средство—религію, и позднѣйшая легенда о свиданіи Льва I съ царемъ гунновъ наглядно воспроизводитъ ихъ политику. Аттила потому ушелъ изъ Италіи, что испугался ап. Петра, который стоялъ за папою невидимо для окружающихъ, и Левъ I, вернувшись въ Римъ, приказалъ перелить статую Юпитера Капитолійскаго въ изображеніе св. Петра. Дѣйствительно, самымъ вѣрнымъ средствомъ подчинить варварство культурѣ была религія, которая является единственною формой идеальной силы, способною дѣйствовать на первобытнаго человѣка. Ап. Петръ могъ спасти римскую цивилизацію, но для этого было необходимо, чтобы варвары увѣровали въ его Учителя, и было въ высшей степени полезно, чтобы они признали папу его намѣстникомъ. Преемникамъ Льва I удалось привести ихъ къ тому и другому вѣрованію.

II.

Нашествіе варваровъ и его вліяніе на усиленіе папства. — Паденіе античной культуры. — Монашество. — Присоединеніе варваровъ къ церкви. – Григорій Великій.

Въ концѣ VI столѣтія Григорій Великій сравнивалъ современный ему Римъ съ обезсиленнымъ орломъ, у котораго выщипаны перья и подрѣзаны крылья. Въ словахъ папы не было преувеличенія болѣе того, внѣшній упадокъ міровой столицы былъ только болѣзненнымъ симптомомъ окончательнаго паденія античной цивилизаціи.

VI вѣкъ — одна изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ всемірной исторіи. Классическое язычество окончательно умирало. По волѣ Юстиніана уничтожена послѣдняя его культурная опора на Востокѣ — Аѳинская академія; въ Италіи оно держалось только среди грубыхъ горцевъ и въ полудикомъ населеніи Корсики и Сардиніи, между тѣмъ какъ въ образованныхъ классахъ постепенно исчезали даже и культурныя традиціи античнаго міра. Такихъ христіанскихъ писателей, которые знали классическую литературу и противъ воли увлекались ея авторами, болѣе не встрѣчается. Культурный Западъ окутывается густымъ мракомъ варварскаго невѣжества. Одновременно съ этимъ окончательно распадается и нѣкогда грандіозное зданіе Римской имперіи. Ея восточная половина все болѣе и болѣе изолируется отъ западной: латинскій языкъ вытѣсняется греческимъ, императорскій деспотизмъ пріобрѣтаетъ восточную окраску, и вообще тамъ окончательно вырабатывается тотъ своеобразный строй, который Византія сохраняла въ теченіе всей средневѣковой исторіи. Съ другой стороны, латинскій Западъ дѣлается полнымъ достояніемъ варварскихъ народовъ... Античный міръ въ VI вѣкѣ отходилъ въ область исторіи, и на его развалинахъ тогда же зарождались новыя формы. На отдаленномъ Востокѣ Магометъ уже обдумывалъ свое ученіе, которое въ слѣдующемъ столѣтіи подчинило себѣ полъ-міра; на Западѣ Григорій I добился объединенія варваровъ подъ главенствомъ Римской церкви. Но обѣ новыя силы не порвали связей съ прошлымъ: цент-

Тоб. Окр. Б-ка № 16319
53215

ромъ магометанства осталась старинная Кааба, центромъ католичества — Римъ. Историческій процессъ продолжалъ развиваться органически. Послѣдній римлянинъ въ классическомъ духѣ, выдающійся писатель и замѣчательный государственный человѣкъ, Кассіодоръ, окончилъ жизнь монахомъ, завѣщавши своимъ послѣдователямъ въ монастырѣ посвящать время, между прочимъ, и научнымъ занятіямъ.

Переходныя эпохи всегда переживаются болѣзненно; но особенно тяжело страдалъ въ это время старый Римъ, и событія VI столѣтія составляютъ одну изъ самыхъ ужасныхъ эпохъ его исторіи. Уже въ началѣ V вѣка Римъ былъ захваченъ готами Алариха; но это пораженіе произвело, главнымъ образомъ, сильное моральное впечатлѣніе. Неслыханное покореніе горстью варваровъ города, который подчинилъ себѣ міръ, оказало подавляющее дѣйствіе на современниковъ, хотя между ними и находились люди, какъ блаж. Августинъ, которые безъ грусти и сожалѣнія смотрѣли на паденіе языческой славы. Значительныхъ практическихъ послѣдствій этотъ захватъ не имѣлъ: готы грабили, а не разрушали, отнимали имущество у жителей и не лишали безъ надобности ихъ жизни, хотя, по словамъ современниковъ, и тогда не доставало рукъ, чтобы своевременно похоронить убитыхъ. Прошло нѣсколько времени, и разбѣжавшіеся римляне вернулись въ городъ, который быстро оправился отъ нанесеннаго ему матеріальнаго удара, хотя и утратилъ нѣсколько историческое обаяніе. Послѣ Алариха варвары пришлые, какъ вандалы, и мѣстные, какъ Рицимеръ, еще нѣсколько разъ захватывали Римъ и подвергали его грабежу. Благосостояніе города падало, населеніе уменьшалось, жители бѣднѣли, но міровая столица все еще залѣчивала свои раны. Настоящія бѣдствія начались только въ VI вѣкѣ, когда на почвѣ Италіи произошла ожесточенная борьба византійцевъ съ остготами. Въ теченіе 16 лѣтъ Римъ 6 разъ былъ взятъ и разграбленъ съ небывалою жестокостью. Готскіе цари, чтобы удержать въ повиновеніи столицу, брали многочисленныхъ заложниковъ; но населеніе, ненавидѣвшее еретиковъ-варваровъ, тянуло къ православной Византіи, и заложники гибли. Такъ, одинъ разъ были избиты всѣ сенаторы, другой готы — казнили 300 молодыхъ людей изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Тѣмъ не менѣе, Римъ то по охотѣ,

то по неволѣ передавался византійцамъ, которые бывали не разъ вынуждены снова возвращать его готамъ. Начинались новыя невѣроятныя репрессаліи. Тотила, напр., избилъ значительную часть населенія, а остальныхъ жителей вывелъ изъ города и размѣстилъ по тюрьмамъ въ Кампаніи, такъ что въ міровой столицѣ цѣлыхъ 40 дней бродили одни только волки. Къ бѣдствіямъ войны присоединились ужасы голода и чумы, которые тянулись и послѣ паденія Остготскаго королевства. Византійское правительство съ презрѣніемъ относилось къ возсоединенной Италіи; солдаты хозяйничали въ ней, какъ во вновь покоренной странѣ; чиновники во время голода искусственно повышали цѣны на награбленные съѣстные припасы. Италія переживала неописуемыя страданія, которыя въ короткое время отняли у нея цѣлую треть населенія. Тѣмъ не менѣе, ей предстояли еще новыя бѣдствія: 13 лѣтъ спустя послѣ паденія Остготскаго королевства въ Италіи появились лангобарды. Это были самые дикіе изъ всѣхъ варваровъ. Одна ихъ наружность внушала ужасъ. Обритая сзади голова, спереди длинныя космы волосъ, соединяющіяся съ бородой и падающія на щеки, окрашенныя въ зеленый цвѣтъ, приводили въ трепетъ запуганное населеніе. Дикому виду соотвѣтствовали и нравы. Вожди лангобардовъ были свирѣпые аріане, а многіе изъ воиновъ оставались еще язычниками; православное населеніе Италіи было одинаково ненавистно и тѣмъ, и другимъ. Аріане разграбляли церкви, вырѣзывали священниковъ и въ особенности монаховъ и загоняли въ лѣса вѣрующихъ; язычники въ одномъ мѣстѣ убили 40 крестьянъ за то, что они отказались вкусить освященнаго мяса, въ другомъ зарѣзали 400 плѣнныхъ, которые не хотѣли поклониться головѣ жертвенной козы. Христіанскія поля опустошались безъ всякой пощады; неуспѣвшіе оправиться города подвергались новымъ и болѣе ужаснымъ опустошеніямъ, и въ Италіи твердо упрочивается вѣрованіе, что съ концомъ столѣтія наступитъ и кончина міра, потому что всѣ бѣдствія, которыя, по евангелію, должны предшествовать этому событію, казалось, уже осуществились.

Тяжелыя времена, которыя переживали Римъ и вся Италія, не прошли безслѣдно и для папства. Власть римскаго епископа, столь прочно установленная Львомъ I, потерпѣла теперь существен-

ныя перемѣны, и его фактическое положеніе значительно измѣнилось къ худшему. Первый ударъ папству нанесло паденіе Западной Римской имперіи, потому что оно повлекло за собою перемѣну въ отношеніяхъ между свѣтскою и духовною властью. По общему воззрѣнію той эпохи, церковь не свободна отъ государственнаго контроля, и за императорами признается право не только издавать законы, опредѣляющіе политическое положеніе духовенства, но также созывать вселенскіе соборы и предсѣдательствовать на нихъ. До сихъ поръ эта прерогатива свѣтской власти не имѣла практическаго значенія для римскихъ епископовъ. Жалкіе преемники могущественныхъ императоровъ фактически никогда ихъ не стѣсняли, а часто служили даже орудіемъ для достиженія ихъ личныхъ цѣлей. Теперь положеніе дѣла радикально измѣнилось. Новые властители желали видѣть на римской каѳедрѣ своихъ кандидатовъ, и еретикъ Одоакръ прямо предписалъ выбрать въ намѣстники Христа угоднаго себѣ человѣка. Въ первую половину царствованія Теодориха Остготскаго папскимъ выборамъ возвращена независимость. Великій варваръ отличался религіозною терпимостью. „Мы не можемъ предписывать религіи, — говоритъ онъ объ евреяхъ въ одномъ изъ своихъ эдиктовъ, — потому что никого нельзя принудить вѣровать противъ воли“. Будучи еретикомъ, онъ не только не преслѣдовалъ католиковъ, но и почиталъ ихъ святыни. Въ Римѣ онъ молился въ церкви св. Петра и пожертвовалъ апостолу два серебряныхъ канделябра въ 70 фунтовъ вѣсомъ. Римскому епископу онъ предоставилъ полную самостоятельность въ церковныхъ дѣлахъ. Когда противники папы Симмаха обратились къ нему съ жалобой на Христова намѣстника, Теодорихъ поручилъ было одному епископу произвести слѣдствіе; но папа протестовалъ противъ такого вмѣшательства свѣтской власти въ церковныя дѣла, и король предоставилъ разобрать дѣло православному собору. На этомъ, такъ называемомъ Пальмовомъ, соборѣ между православными партіями произошли смуты, сопровождавшіяся убійствами, грабежами, оскорбленіемъ монахинь и тому подобными насиліями. Представитель свѣтской власти прекратилъ безпорядки и оставилъ въ силѣ весьма важныя для папства постановленія собора. Но въ концѣ правленія Теодориха его отношеніе къ Римской церкви рѣзко измѣнилось.

Византійскій императоръ Юстинъ издалъ строгій эдиктъ противъ аріанъ; Теодорихъ выступилъ на защиту своихъ единовѣрцевъ и отвѣтилъ на новый законъ притѣсненіями католиковъ въ своихъ владѣніяхъ. Прежде всего, онъ послалъ въ Константинополь папу Іоанна I добиться тамъ отмѣны ненавистнаго закона; тяжелая для епископа миссія окончилась неудачей, и папа умеръ въ тюрьмѣ, куда онъ былъ заключенъ по приказанію короля. Начались новыя репрессіи: Теодорихъ не останавливается теперь передъ разрушеніемъ католическихъ церквей и прямо назначаетъ римскихъ епископовъ. Съ этихъ поръ независимость папскихъ выборовъ надолго исчезаетъ. Со времени готской войны вліяніе на замѣщеніе престола св. Петра переходитъ отъ еретическихъ королей къ православнымъ императорамъ; но папы ничего не выиграли отъ этой перемѣны. Представители восточной церкви давно уже находились въ полной зависимости отъ византійскихъ деспотовъ; той же участи подверглись и папы. Юстиніанъ Великій прямо „предписываетъ“ свою волю всѣмъ „блаженнѣйшимъ“ патріархамъ, включая сюда и римскаго, а назначеніе на епископскія каѳедры зависѣло отъ придворныхъ интригъ и весьма часто обусловливалось вліяніемъ женщинъ. Вслѣдствіе этого на престолѣ св. Петра иногда возсѣдали византійскія креатуры, добившіяся высокой должности самыми низкими средствами. Папа Вигилій былъ сдѣланъ намѣстникомъ Христа за крупную взятку императрицы, но послѣ утратилъ ея расположеніе и былъ убитъ по ея же приказанію. Возведеніе въ папскій санъ и низверженіе римскихъ епископовъ происходило съ крайнею безцеремонностью. Папа Сильверій душой и тѣломъ былъ преданъ православной Византіи; но его желали устранить двѣ распутныя женщины: бывшая наѣздница изъ цирка, императрица Ѳеодора, и жена Велизарія, Антонина, тоже прежняя актриса. Папу обвинили въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ ненавистными ему готами, и библіотекарь Анастасій, древнѣйшій историкъ старинныхъ папъ, съ художественною наивностью разсказываетъ сцену суда надъ римскимъ первосвященникомъ. Сильверія привели въ комнату недостойной жены великаго полководца. „Благородная Антонина лежала на постели; у ея ногъ сидѣлъ патрицій Велизарій“. Едва вошелъ

глава церкви, какъ Антонина, припомнивши прежнее искусство, мелодраматически воскликнула: „Скажи, господинъ папа, что сдѣлали мы тебѣ и римлянамъ, что ты хочешь предать насъ въ руки готовъ? Сильверій не успѣлъ произнести ни одного слова въ свое оправданіе, какъ присутствовавшій здѣсь иподьяконъ, единственный свидѣтель суда актрисы надъ апостольскимъ преемникомъ, сорвалъ съ него епископскій палліумъ и втолкнулъ въ сосѣднюю спальню, гдѣ папу переодѣли въ монашеское платье. Духовенству коротко объявили, что его глава низвергнутъ и сдѣлался монахомъ, а Сильверія сослали въ Малую Азію, гдѣ онъ и умеръ. Повидимому, паденіе Италіи увлекло за собою и папство, и преемникъ св. Петра, волѣ котораго еще недавно подчинялся весь христіанскій міръ казалось, навсегда утратилъ свое значеніе и сдѣлался жалкою игрушкой въ рукахъ грубыхъ варваровъ или византійскихъ деспотовъ. Въ дѣйствительности случилось какъ разъ наоборотъ. При всеобщемъ крушеніи папство не только спаслось, но и усилилось. Особенно благочестивые изъ католическихъ писателей видятъ въ этомъ чудесное доказательство божественности самого учрежденія; но ближайшее знакомство съ историческою дѣйствительностью эпохи показываетъ, что этотъ поразительный съ перваго взгляда фактъ вполнѣ объясняется тогдашними условіями и доказываетъ только могущество твердой организаціи въ общественномъ союзѣ.

Упадокъ папства обусловливался вліяніемъ на него внѣшней силы, которая въ глазахъ католическаго общества представлялась противозаконнымъ и нечестивымъ насиліемъ. Если король-еретикъ угнеталъ римскаго епископа, въ глазахъ католическаго населенія этотъ послѣдній пріобрѣталъ ореолъ мученичества. Лучше всего выразилось такое настроеніе въ легендѣ. Одинъ благочестивый отшельникъ на островѣ Липари собственными глазами видѣлъ какъ гнѣвный духъ папы Іоанна тащилъ въ жерло мѣстнаго вулкана обнаженную, босую, съ связанными руками душу Теодориха Великаго, и Григорій I, истинный сынъ своего времени, съ полною вѣрой разсказываетъ объ этомъ назидательномъ событіи. Такъ же относились и къ притѣсненіямъ папы отъ византійцевъ. Константинопольскія креатуры встрѣчали недовѣріе со стороны римскаго населе-

нія: въ папу Вигилія бросали камнями, потому что его считали виновникомъ бѣдствія Сильверія; его преемникъ, тоже византійскій приспѣшникъ, долженъ былъ торжественно оправдываться передъ народомъ и, тѣмъ не менѣе, просилъ Нарзеса отправить его въ Константинополь, какъ плѣнника, чтобы только избавиться отъ непопулярности. Между тѣмъ, независимый папа сдѣлался единственнымъ вождемъ католическаго населенія, и варварское нашествіе оказало ему большую услугу въ этомъ отношеніи. Единственный соперникъ римскаго епископа, старая аристократія почти вся была уничтожена послѣдовательными погромами; сенатъ и прежнія должности исчезли, и мѣста трибуна, претора и консула заняли діаконъ, священникъ и епископъ. Католическое населеніе, попавшее подъ власть еретическихъ варваровъ, естественно тянуло къ единовѣрнымъ спламъ и находило только папу, вліяніе котораго, къ тому же, весьма мало ограничивали поселившіеся въ Равеннѣ остготскіе короли. Въ эпоху византійскаго господства мѣстное вліяніе римскаго епископа было признано правительствомъ. Императоры желали только подчинить себѣ папу, сохранивши за нимъ все прежнее значеніе на Западѣ, и прагматическая санкція Юстиніана Великаго предоставляла римскому епископу широкое участіе въ администраціи и судѣ. Съ нашествіемъ лангобардовъ авторитетъ папы еще болѣе окрѣпъ и усилился. Своекорыстная политика Византіи, которая легко жертвовала интересами Италіи изъ-за выгодъ восточной имперіи, а иногда и по личнымъ соображеніямъ правителей, съ одной стороны, и ея безсиліе оказать существенную помощь противъ варваровъ, съ другой, заставляли мѣстное населеніе группироваться вокругъ папы, и римскій епископъ сдѣлался фактически единственнымъ политическимъ вождемъ своей паствы. Доходы съ обширныхъ церковныхъ владѣній тратились теперь, главнымъ образомъ, на защиту противъ варваровъ: церковь содержитъ солдатъ, помогаетъ пострадавшимъ, откупается отъ нападеній враговъ. Намѣстникъ ап. Петра не только судитъ, но ведетъ войны и заключаетъ мирные договоры: свѣтская власть папы фактически возникла гораздо ранѣе VIII столѣтія и вполнѣ оправдывалась обстоятельствами.

Менѣе замѣтно, но еще болѣе существенно увеличился духовный авторитетъ римскаго епископа. Католическая церковь подъ готскимъ владычествомъ оказалась въ томъ же положеніи, какъ во времена языческой имперіи, и должна была вступить въ борьбу за существованіе съ враждебною средой. Врагъ казался чрезвычайно опаснымъ, поэтому церковь приняла военную организацію и позаботилась объ усиленіи власти своего генерала-папы. Въ эпоху фактическаго безсилія римскаго епископа передъ свѣтскою властью западная церковь выработала тѣ принципы, во имя которыхъ папы требовали подчиненія отъ государей. Годъ спустя послѣ покоренія Италіи остготами папа Гелазій впервые формулировалъ столь богатое послѣдствіями ученіе о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтской. „Міромъ управляютъ, — писалъ онъ византійскому императору, — святой авторитетъ священниковъ и сила государей, и первая власть потому гораздо выше второй, что священники на небесномъ судѣ должны отдать отчетъ и за государей". Утвержденіе, а иногда и прямо назначеніе папы государемъ стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ этимъ принципомъ, и церковь ведетъ противъ него упорную борьбу. На вмѣшательство въ выборы Одоакра римскій соборъ 502 года отвѣтилъ анаѳемой свѣтскимъ лицамъ, вмѣшивающимся въ церковныя дѣла. Еретики не обращали вниманія на такія постановленія, поэтому папы старались достигнуть независимости другими средствами: одинъ изъ нихъ издалъ декретъ, чтобы римскій епископъ самъ назначалъ себѣ преемника, но самъ же былъ вынужденъ отмѣнить это постановленіе въ виду его рѣзкаго несогласія съ канонами. Нѣсколько позже римскій сенатъ, тогда еще не лишенный вліянія, запретилъ платить деньги за утвержденіе выборовъ. Это сенатское рѣшеніе было подтверждено королемъ и выставлено на мраморной доскѣ въ соборѣ св. Петра; но и оно не достигло своей цѣли. Всѣ попытки церкви сохранить независимость папскихъ выборовъ окончились неудачей; но онѣ имѣли важный нравственный результатъ: то, что государство считало своимъ правомъ, римская церковь признала насиліемъ и беззаконіемъ. Гораздо легче установлены были новыя преимущества папъ въ сферѣ чисто-церковной жизни. Подчиняясь Византіи въ политическомъ

отношеніи, римскіе епископы продолжаютъ требовать подчиненія себѣ восточной церкви и находятъ поддержку въ мѣстномъ духовенствѣ. Въ то время, когда папа Іоаннъ умиралъ въ тюрьмѣ, римскій аббатъ Діонисій Малый издалъ сводъ соборныхъ каноновъ, въ число которыхъ помѣстилъ и многіе папскіе декреты. Его книга вскорѣ сдѣлалась источникомъ каноническаго права на Западѣ, и за личными рѣшеніями папъ была признана, такимъ образомъ, одинаковая обязательность съ постановленіями вселенскихъ соборовъ. Мѣстные соборы идутъ еще дальше и ставятъ папу выше собора. Такъ называемый Пальмовый синодъ объявилъ, что папа не можетъ подлежать суду епископовъ, потому что онъ выше ихъ, и на этомъ соборѣ епископъ павіанскій Эннодій впервые формулировалъ другой основной принципъ католицизма, что судьей папы можетъ быть одинъ только Богъ. Итакъ, средневѣковый католическій церковный строй съ его основными принципами абсолютной силы папы въ дѣлахъ церкви и превосходства духовной власти надъ свѣтскою сложился въ самую ужасную эпоху итальянской исторіи. Удары варваровъ раздробили имперію и выковали средневѣковое папство.

Въ это же время заканчивается перевоспитаніе итальянскаго общества въ церковномъ духѣ. Античная цивилизація окончательно уступаетъ мѣсто средневѣковой культурѣ, и борьба съ варварами оказала весьма важное содѣйствіе этому переходу. Паденіе античной обстановки въ Римѣ началось уже давно, но шло медленно. Отдѣльные языческіе храмы обращались въ христіанскія церкви, металлическія статуи боговъ переливались въ изображенія святыхъ; но еще въ 408 году законъ Граціана объявилъ памятники старинной архитектуры и скульптуры государственною собственностью и этимъ охранялъ ихъ отъ разрушенія. Нашествія варваровъ и главнымъ образомъ готская война почти окончательно истребили остатки языческой матеріальной культуры и значительно изгладили античныя воспоминанія. Дѣло разрушенія довершила церковь: драгоцѣнныя кресла изъ развалившихся термъ были перенесены въ храмы и обращены въ епископскія мѣста; мраморныя ванны поставлены въ крестильняхъ и сдѣланы купелями. Но, уничтожая послѣдніе слѣды язычества, церковь давала въ замѣнъ ихъ новую пищу для

ума и сердца: старинныя зрѣлища замѣнилъ импозантный культъ съ грандіозными процессіями; занимательные миѳы были вытѣснены назидательною легендой. До конца V вѣка въ Римѣ держались языческіе Луперкаліи. Это празднество сопровождалось непристойнымъ обрядомъ. 15 февраля знатнѣйшіе юноши города, позже простолюдины и рабы, безъ стыда обнажались передъ народомъ и бѣгали по улицамъ съ ремнями въ рукахъ, слегка прикрытые кожанымъ поясомъ. Этими ремнями ударяли они по правому плечу встрѣчающихся женщинъ, которыя такимъ ударомъ избавлялись отъ безплодія. Папа Гелазій написалъ сочиненіе противъ этого языческаго остатка, запретилъ его и замѣнилъ новою церковною процессіей 2 февраля въ честь Богоматери, причемъ вѣрующіе съ зажженными свѣчами въ рукахъ могли принимать участіе въ религіозномъ торжествѣ. Новыя процессіи устанавливаются обыкновенно въ честь Богоматери и святыхъ, изъ жизни которыхъ беретъ свое содержаніе и легенда, что значительно выдвигаетъ ихъ впередъ въ христіанскомъ культѣ. Такимъ образомъ, въ эту же эпоху получаетъ окончательное развитіе еще новая сторона въ церковной жизни, которая играетъ столь важную роль въ средневѣковой культурѣ. Вполнѣ сложившійся церковный строй съ выработанными культурными формами изъ католической Италіи переходитъ и въ среду варваровъ, которые мало-по-малу отказываются одни отъ ереси, другіе отъ язычества. Важную роль въ этой религіозно-культурной миссіи папства играло монашество.

Аскетизмъ, подготовленный уже нѣкоторыми языческими философскими школами и культами, въ IV вѣкѣ, подъ вліяніемъ благопріятныхъ историческихъ условій, съ необыкновенною силой распространяется въ христіанскомъ обществѣ. Его существенныя черты сводятся къ двумъ основнымъ стремленіямъ: къ подавленію потребностей человѣческой природы, какъ перваго источника грѣха, и къ полному отреченію отъ міра и земной жизни, въ которыхъ видѣли второе орудіе діавола. Какова бы ни была этическая цѣна этихъ идеаловъ, въ началѣ средневѣковой исторіи аскетизмъ имѣлъ огромное культурное значеніе, потому что только подвижники могли взять на себя тяжелую миссію обращенія варваровъ и только ихъ

геройство могло производить должное впечатлѣніе на язычниковъ. Идеалы монашества, это—христіанскія добродѣтели, доведенныя до крайней степени. Евангеліе учитъ цѣломудрію: монахъ отрицаетъ семью, считаетъ женщину „вратами адовыми", „сосудомъ діавола". Василій Великій только въ случаѣ крайней необходимости разговаривалъ съ женщинами; а св. Іоаннъ Ликопольскій 48 лѣтъ не видалъ женскаго лица. Семейныя привязанности—величайшій грѣхъ, съ монашеской точки зрѣнія. Св. Муцій, очень богатый человѣкъ, рѣшившись отказаться отъ міра, роздалъ имущество и съ 8-милѣтнимъ сыномъ поступилъ въ монастырь. Аббатъ, прежде всего, сталъ подавлять въ немъ единственную мірскую привязанность—любовь къ сыну: на ребенка надѣли грязное платье, заставляли исполнять самыя трудныя работы, бросали его на землю, били, топтали ногами, и все это продѣлывалось передъ глазами отца. Муцій видѣлъ страданія сына и оставался спокойнымъ. „Онъ мало думалъ о слезахъ своего дитяти,—съ восторгомъ говоритъ его біографъ,—и заботился единственно о своемъ собственномъ спасеніи". Также непозволительна для аскета и любовь къ родителямъ. Одинъ монахъ ночью пошелъ навѣстить больного отца и не только былъ наказанъ за это немедленною смертью, но земля выбрасывала его гробъ до тѣхъ поръ, пока св. отшельникъ не прочелъ надъ нимъ молитвы и не положилъ ему на грудь св. дары. Такое отношеніе къ семьѣ не было только теоретическою добродѣтелью, но предписывалось какъ постоянное практическое правило. Бл. Іеронимъ писалъ одному молодому человѣку, котораго семья удерживала отъ монашества: „Пусть твой маленькій племянникъ обнимаетъ тебя своими рученками, пусть мать, разорвавши платье, указываетъ на грудь, которая тебя вскормила, пусть отецъ передъ дверями бросается къ твоимъ ногамъ—ты оставайся твердъ и перешагни черезъ тѣло отца. Въ этомъ случаѣ жестокость — единственная добродѣтель". Такъ же преувеличивало монашество и христіанское ученіе о борьбѣ со страстями и о подчиненіи плоти духу. Бл. Іеронимъ стригъ волосы только въ Пасху и постился до того, что глаза его становились мутными, а кожа отвердѣла, какъ кремень; св. Макарій 6 мѣсяцевъ спалъ въ болотѣ и боролся со страстями

тѣмъ, что давалъ свое тѣло кусать насѣкомымъ; св. Пахомій въ продолженіе 15 лѣтъ не спалъ лежа; св. Авраамій 50 лѣтъ не умывался; св. Евпраксія дрожала при мысли о купаньѣ, а св. Симеонъ 30 лѣтъ стоялъ на столбѣ, приковавъ себя къ нему цѣпью, и постоянно дѣлалъ земные поклоны. Одинъ изъ посѣтившихъ его попытался опредѣлить ихъ количество, насчиталъ 1,240 подъ рядъ и сбился со счету. Это были настоящіе герои въ чисто-варварскомъ вкусѣ, и лучшихъ проповѣдниковъ религіи духа среди чувственныхъ полудикарей нельзя себѣ и представить. Миссія была чрезвычайно трудная. Германецъ-язычникъ отличался необузданными страстями; онъ не только жилъ, но и шелъ на смерть изъ-за тѣхъ благъ, противъ которыхъ проповѣдовали миссіонеры. Возвышенная мораль Христа недоступна была въ чистомъ видѣ его грубому уму, и аскетъ дѣйствовалъ на его чувство изображеніемъ загробнаго возмездія. Трудно себѣ представить, съ какою страстною и живою наглядностью умѣли монахи рисовать картины адскихъ мукъ! Въ ихъ собственной фантазіи эти мученія непрерывно представлялись съ ужасающею ясностью, потому что они отчасти заставили ихъ отказаться отъ міра и они, главнымъ образомъ, укрѣпляли ихъ въ аскетическихъ подвигахъ; естественно, что монашеская проповѣдь производила глубокое впечатлѣніе. Германская миѳологія не знаетъ ада, тѣмъ не менѣе, сказанія о загробныхъ мукахъ—одинъ изъ самыхъ распространенныхъ сюжетовъ въ чистонародныхъ произведеніяхъ. Могучее слово проповѣди сопровождалось не менѣе дѣйствительнымъ примѣромъ. Германецъ на дѣлѣ видѣлъ, что осуществленіе новыхъ идеаловъ возможно, замѣчалъ, что проповѣдникъ умѣетъ умирать за свое дѣло не хуже его самого. Аскетъ охотно шелъ на мученичество, потому что оно только облегчало ему достиженіе трудной цѣли, и варваръ понималъ такое мужество и уважалъ проповѣдника. Когда на варварской почвѣ появились монастыри, германецъ увидѣлъ осуществленіе и соціальныхъ добродѣтелей христіанства. „Человѣкъ человѣку братъ“,—учили миссіонеры, и въ монастырѣ господствовало братское равенство, постоянная готовность на самоотверженную помощь ближнему и непрерывная забота объ облегченіи его страданій. Германецъ не сдѣлался аскетомъ; но монахъ сталъ

въ глазахъ его идеаломъ, для приближенія къ которому онъ старался господствовать надъ своими страстями и любить ближняго. Первоначальное монашество было великою культурною силой, потому что оно дало нравственное воспитаніе варвару.

Въ Италіи монашество появилось рано, въ половинѣ IV вѣка; но только въ концѣ V Бенедиктъ Нурсійскій далъ ему правильную организацію. Подъ вліяніемъ нашествія варваровъ количество монаховъ значительно возростаетъ, и папы двинули эту многочисленную армію на подчиненіе себѣ германцевъ. Въ концѣ V вѣка крещены франки, сто лѣтъ спустя англосаксы; въ VI столѣтіи отказались отъ ереси лангобарды и вестготы. Присоединеніе къ церкви трехъ послѣднихъ народовъ составляетъ заслугу Григорія I.

Григорій I заслуживаетъ свое названіе Великаго въ томъ смыслѣ, что въ немъ нашли выраженіе всѣ стремленія современнаго ему папства. Онъ пережилъ всѣ настроенія, какія испытывали его современники, превосходно изучилъ фактическое положеніе тогдашней церкви и на престолѣ св. Петра явился передовымъ бойцомъ за осуществленіе идеаловъ своего времени.

Григорій принадлежалъ къ роду Аниціевъ, къ одной изъ немногихъ сохранившихся аристократическихъ фамилій, которая давно уже стояла въ тѣсной связи съ церковью. Папа Феликсъ IV приходился ему дѣдомъ, св. Бенедиктъ былъ его родственникомъ. Отецъ Григорія обладалъ огромнымъ состояніемъ: у него былъ блестящій дворецъ на Целійскомъ холмѣ и масса помѣстій въ различныхъ провинціяхъ Италіи, что не мѣшало ему принять санъ діакона, съ которымъ связано было управленіе частью церковныхъ владѣній. Религіозное чувство было фамильною чертой Аниціевъ, и будущій папа съ ранней молодости отличался необыкновеннымъ благочестіемъ. Его дѣтство прошло среди ужасовъ готской войны, и самыя раннія впечатлѣнія опредѣлили направленіе его религіозности. Онъ получилъ отвращеніе отъ міра, гдѣ царитъ неправда и убійства, и сталъ стремиться къ монашеству съ его созерцательнымъ уединеніемъ, съ его умиротворяющими подвигами. Но жизнь сложилась иначе: Григорій вынужденъ былъ принять должность римскаго префекта и успѣлъ заслужить въ ней народное расположеніе. Тѣмъ не менѣе,

вскорѣ ему удалось освободиться отъ должности, а вмѣстѣ съ нею и отъ міра. Григорій поступилъ въ монастырь и сдѣлался образцовымъ монахомъ. Усиленные посты и молитвы разстроили его здоровье и довели до экстаза: во время чумы онъ видѣлъ, какъ ангелъ поражалъ стрѣлами грѣховный Римъ. Избранный аббатомъ своего монастыря, онъ съ неумолимою строгостью выполнялъ монашескіе уставы: найдя однажды 3 золотыя монеты въ одеждѣ умершаго монаха, онъ лишилъ его обычныхъ погребальныхъ почестей и назначилъ особыя молитвы за упокой его грѣшной души. Какъ всѣ аскеты, Григорій, отказываясь отъ христіанскаго міра, стремился расширить христіанскую церковь обращеніемъ язычниковъ. Встрѣча съ англійскими рабами вызвала въ немъ желаніе привести ко Христу ихъ соотечественниковъ. Но его удаленіе на проповѣдь произвело волненіе въ населеніи. Римляне, густою толпой окруживъ папу Бенедикта I, кричали ему: „позволяя уйти Григорію, ты оскорбилъ св. Петра и разрушилъ Римъ“. Папа вернулъ миссіонера, сдѣлалъ его діакономъ, а потомъ апокризіаріемъ, т. е. полномочнымъ министромъ папскаго престола при константинопольскомъ дворѣ. Изъ монашескаго послушанія Григорій принялъ и добросовѣстно исполнялъ церковныя должности, и въ теченіе 6-ти-лѣтняго пребыванія въ Византіи, гдѣ сходились всѣ нити тогдашней политики, отлично изучилъ современное положеніе дѣлъ и завязалъ дружественныя связи съ представителями церкви въ Галліи и въ Испаніи. Вернувшись въ Римъ, онъ въ 590 г. избранъ былъ папой.

Григорій искренно не желалъ папской тіары. Его попрежнему влекло въ монастырь. Въ своихъ письмахъ онъ сравниваетъ созерцательную жизнь съ безплодною сравнительно, но прекрасною Рахилью, а жизнь практическую съ Ліей, плодовитой, но постылой. Кромѣ того, онъ хорошо зналъ современное состояніе Рима и весьма краснорѣчиво изображалъ въ своихъ проповѣдяхъ его бѣдствія. Къ тому же, въ годъ его избранія на престолъ Римъ страшно страдалъ отъ чумы и отъ жестокаго наводненія. Григорій рѣшился уклониться отъ высокаго сана: онъ написалъ письмо императору Маврикію съ просьбою не утверждать выбора, но

письмо было задержано; тогда новый папа бѣжалъ изъ Рима, но черезъ три дня его нашли и съ тріумфомъ вернули въ городъ. Григорій подчинился, и отшельникъ отъ міра сдѣлался однимъ изъ самыхъ видныхъ міровыхъ дѣятелей. Новый папа и въ этомъ отношеніи былъ настоящимъ представителемъ католицизма. Средневѣковое папство представляло собой соединеніе двухъ противоположныхъ началъ: основываясь на аскетической идеѣ, отрицавшей міръ, оно стремилось къ его подчиненію; будучи силою духовной, оно желаетъ матеріальнаго, политическаго господства. Таковы же были тенденціи и Григорія: оставаясь идеальнымъ монахомъ, онъ сдѣлался образцовымъ и практическимъ политикомъ. „Власть должно вручать только тѣмъ,—писалъ объ епископахъ новый папа,—которые будутъ заботиться не только о спасеніи душъ своихъ подчиненныхъ, но и о ихъ защитѣ и временныхъ интересахъ“. Этотъ принципъ и сдѣлался практическою программой Григорія.

Забота Григорія Великаго о душахъ его паствы носитъ уже совершенно средневѣковый характеръ: онъ старается покончить съ культурными традиціями древности и замѣнить ихъ спасительнымъ церковнымъ просвѣщеніемъ. Въ средніе вѣка ему приписывали сожженіе Палатинской библіотеки, истребленіе сочиненій Ливія и Цицерона повсюду, гдѣ встрѣчались ихъ рукописи, а также послѣднихъ остатковъ языческаго искусства. Историческая достовѣрность этого извѣстія не доказана; но враждебное отношеніе Григорія къ древности видно уже изъ того, что онъ самъ не выучился греческому языку и запрещалъ духовнымъ лицамъ чтеніе языческихъ писателей, потому что, по его словамъ, „одними устами нельзя восхвалять Христа и Юпитера“. „Мы не можемъ вспомнить безъ стыда,—пишетъ онъ епископу,—что ты обучаешь кого-то грамматикѣ... Если ты докажешь, что не занимаешься вздорною свѣтскою наукой, то мы прославимъ Господа, который не допустилъ оскверниться твоимъ устамъ богохульственною хвалою“. Въ своихъ сочиненіяхъ папа открыто заявляетъ, что онъ не боится варваризмовъ и ошибокъ, потому что считаетъ недостойнымъ подчинять божественныя слова грамматическимъ правиламъ. Вытѣсняя языческую литературу, Григорій старается дать паствѣ новое чтеніе. Ни одинъ папа не оста-

вилъ послѣ себя болѣе многочисленныхъ сочиненій, чѣмъ Григорій Великій. Его считаютъ послѣднимъ отцомъ западной церкви, но онъ не былъ исключительно богословомъ. Онъ оставилъ рядъ дидактическихъ произведеній; но особенною извѣстностью пользуются его знаменитые Діалоги, гдѣ разсказаны подвиги и чудеса святыхъ. Это было то занимательное чтеніе, которое должно было замѣнять вѣрующимъ грѣховныя метаморфозы Овидія и сказки Апулея. Діалоги пользовались чрезвычайною популярностью: въ VIII вѣкѣ они появились на арабскомъ языкѣ, и въ томъ же столѣтіи Альфредъ Великій перевелъ ихъ на англо-саксонскій. Популярная книга, доставляя благочестивое и занимательное чтеніе, усиливала культъ святыхъ, о развитіи котораго такъ заботился Григорій. Римъ гордился обиліемъ мощей и костей праведниковъ, въ которыхъ видѣли залогъ благополучія города, и тщательно ихъ охраняли. Благочестивые пилигримы тихонько по ночамъ производили раскопки на святыхъ мѣстахъ, чтобы дабыть священныхъ реликвій, потому что иначе пріобрѣсти ихъ было нельзя. Самъ папа стоялъ на стражѣ мѣстной святыни. Византійская императрица просила у него часть мощей апостола Павла; въ отвѣтъ на это Григорій разсказываетъ нѣсколько современныхъ ему чудесъ, изъ которыхъ видно, какое страшное наказаніе постигаетъ тѣхъ, кто осмѣливается недостойно прикасаться къ святому тѣлу. Царственные корреспонденты папы должны были довольствоваться лоскутомъ ткани отъ покрова апостольской гробницы, кольцомъ отъ цѣпи св. Петра или кускомъ желѣзной рѣшетки, на которой былъ сожженъ св. Лаврентій. Усиленіе культа святыхъ придавало болѣе разнообразія богослуженію, о благолѣпіи котораго особенно заботился папа. Никогда не устраивали такихъ грандіозныхъ процессій, какъ при Григоріи: объ одной изъ нихъ, въ которой принимало участіе почти все населеніе зачумленнаго тогда города и во время которой умерло 80 человѣкъ, сохранилось воспоминаніе и въ потомствѣ. Въ слѣдующемъ столѣтіи составилась легенда, что участники этой процессіи видѣли ангела, влагающаго мечъ въ ножны, надъ мавзолеемъ Адріана, и гробница императора получила названіе замка св. Ангела. Кромѣ чрезвычайныхъ процессій, Григорій увеличилъ составъ посто-

яннаго богослуженія и ввелъ въ него музыку, учредивши для этого спеціальную школу.

Какъ истинный пастырь церкви, папа заботился о расширеніи своего стада. Онъ принималъ самое живое участіе въ возсоединеніи съ церковью еретиковъ-вестготовъ и лангобардовъ, а обращеніе въ христіанство Англіи было исключительно его заслугой. Но и въ миссіонерской дѣятельности Григорій полагаетъ начало тому направленію въ католицизмѣ, которое придавало слишкомъ большую важность формальной принадлежности къ церкви. Папа не противъ того, чтобы евреи принимали христіанство изъ-за выгоды: „ихъ дѣти уже будутъ настоящими христіанами". Своимъ миссіонерамъ въ Англіи онъ даетъ слѣдующую инструкцію: „Должно остерегаться разрушать храмы идоловъ; ихъ нужно очищать и посвящать на служеніе истинному Богу, ибо когда народъ увидитъ, что прежнія святыя мѣста существуютъ, онъ по естественной привычкѣ будетъ болѣе склоненъ именно на нихъ почитать истиннаго Бога... Говорятъ, что люди этой націи имѣютъ обычай приносить въ жертву быковъ; нужно, чтобы это измѣнилось въ христіанское торжество. Въ день освященія церквей, передѣланныхъ изъ капищъ, точно также и въ праздники въ честь святыхъ, которыхъ мощи тамъ покоятся, пусть они строятъ, какъ прежде, шалаши вокругъ церкви, пусть собираются тамъ, пусть убиваютъ животныхъ, но не для жертвы діаволу, а для христіанскаго пира во имя и въ честь Бога истиннаго". Но для великаго папы формальная принадлежность къ церкви только первый шагъ къ совершенному христіанству. „Тотъ, кто хочетъ достигнуть вершины горы,—говоритъ онъ въ той же инструкціи,—долженъ подниматься не прыжками, а шагъ за шагомъ". Преемники Григорія были менѣе требовательны и въ настоящихъ христіанахъ довольствовались тѣмъ, что онъ считалъ только первымъ шагомъ къ истинной религіи.

Какъ преемникъ св. Петра, Григорій высоко держитъ свое знамя. Епископы у недавно обращенныхъ въ христіанство народовъ Запада безусловно признаютъ его авторитетъ. Тѣмъ не менѣе, папа чувствуетъ ихъ могущество и ослабляетъ ихъ силу тѣмъ, что предоставляетъ значительную независимость мѣстнымъ монастырямъ. На

Востокѣ онъ защищаетъ, хотя и безъ особеннаго успѣха, независимость римской церкви отъ императора и ея главенство надъ греческой. Константинопольскіе патріархи не желаютъ подчиняться Риму; Григорій протестуетъ, ведетъ съ ними ожесточенную полемику, кассируетъ ихъ приговоры; но ихъ поддерживаетъ императоръ, и папа не можетъ добиться ихъ подчиненія и еще не рѣшается порвать съ Востокомъ. Вѣрный своей программѣ заботиться о свѣтскихъ интересахъ паствы, Григорій I является образцовымъ хозяиномъ обширныхъ церковныхъ владѣній. Какъ монахъ, онъ презиралъ собственность; какъ глава церкви, онъ отлично понимаетъ важность экономическихъ средствъ для ея вліянія и въ многочисленныхъ письмахъ къ управляющимъ входитъ въ самыя мелкія подробности хозяйства. Онъ заботится объ увеличеніи стадъ, устраиваетъ конскіе заводы и т. д. Какъ епископъ, онъ требуетъ, чтобы плѣнные выкупались на церковныя средства; какъ хозяинъ, онъ настаиваетъ, чтобы на это не тратили слишкомъ много. Своихъ фермеровъ онъ прикрѣпляетъ къ землѣ и запрещаетъ имъ жениться на сторонѣ, что также мало соотвѣтствовало христіанскимъ идеаламъ. Тогдашнія историческія условія значительно расширяли мірскую и свѣтскую дѣятельность папы. Италію тогда громили лангобарды, и слабая Византія отчасти не могла, отчасти не хотѣла какъ слѣдуетъ защитить населеніе. Забота о земныхъ интересахъ паствы заставляла папу взять на себя чисто-государственныя обязанности, и Григорій I не остановился передъ этою задачей. Онъ самъ считаетъ себя свѣтскимъ правителемъ, называетъ Римъ — „моя страна“ и принимаетъ соотвѣтственныя мѣры. Церковныя средства онъ тратитъ не только на помощь бѣднымъ, но и на жалованье солдатамъ, на контрибуцію лангобардамъ. Онъ не только контролируетъ византійскихъ чиновниковъ, но и назначаетъ своихъ. Какъ настоящій государь, онъ ведетъ войну съ лангобардами и заключаетъ съ нимъ миръ даже противъ желанія византійскаго намѣстника. Не полагаясь на Византію, а, можетъ быть, желая отдѣлаться отъ нея, Григорій ищетъ поддержки у франковъ и, такимъ образомъ, указываетъ своимъ преемникамъ вѣрный путь для пріобрѣтенія независимости. Но заботы о свѣтскихъ интересахъ паствы и предварительная узурпація свѣт-

ской власти создавали цѣлый рядъ новыхъ противорѣчій, изъ которыхъ не могъ выбраться благополучно и Григорій Великій. Какъ глава церкви, онъ считалъ духовную власть выше свѣтской; какъ политическій правитель, онъ долженъ былъ подчиниться деспотической Византіи, которая была его единственною опорой въ борьбѣ съ лангобардами. Поэтому намѣстникъ Христа называетъ себя „прахомъ и червемъ“ въ письмѣ къ императору; чтобы, въ то же время, найти себѣ другую опору, ревнитель нравственности и аскетъ пишетъ самыя льстивыя письма знаменитой Брунегильдѣ, у которой съ трудомъ можно найти зародыши какихъ-нибудь добродѣтелей. Болѣе того: преемникомъ на византійскомъ престолѣ Маврикія, друга папы, былъ Фока, одинъ изъ кровожаднѣйшихъ тирановъ, какихъ знаетъ исторія. Онъ достигъ власти самымъ звѣрскимъ убійствомъ своего предшественника и его пятерыхъ сыновей; тѣмъ не менѣе, Григорій Великій изъ политики написалъ тирану привѣтственное письмо, въ которомъ до небесъ превозноситъ его добродѣтели и жестоко порицаетъ убитаго имъ своего друга. Фальшивое положеніе вызвало поступокъ, который чернымъ пятномъ лежитъ на памяти величайшаго изъ папъ перваго тысячелѣтія. Единственный выходъ изъ такихъ затрудненій папы думали найти въ свѣтской власти, объ утратѣ которой и теперь такъ напрасно сожалѣетъ Левъ XIII.

III.

Стремленіе западной церкви къ независимости отъ свѣтской власти.—Борьба папъ съ Византіей и лангобардами.—Начало свѣтской власти римскихъ епископовъ.—Установленіе средневѣковой имперія.

Основнымъ и существеннымъ стремленіемъ папства въ VII и VIII столѣтіяхъ было установленіе независимости римской церкви отъ свѣтской власти, и въ данномъ случаѣ старанія преемниковъ ап. Петра вполнѣ совпадали съ интересами культуры и прогресса. Какъ ни глубоко пало просвѣщеніе въ Римѣ, какъ ни враждебно относились папы ко всѣмъ элементамъ свѣтской цивилизаціи, все-таки церковь въ первую половину среднихъ вѣковъ стояла несравненно выше въ умственномъ и, главнымъ

образомъ, въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ окружавшее ее варварское общество. Христіанство, воспитанное германцами чисто-внѣшнимъ образомъ, мало измѣняло нравы въ духѣ Евангелія, и ожиданія Григорія Великаго, что дѣти формально присоединившихся къ церкви родителей будутъ истинными христіанами, были еще очень далеки отъ исполненія. Варвары, утративши языческія доблести, не успѣли пріобрѣсти христіанскихъ добродѣтелей, и эпическій, спокойный разсказъ Григорія Турскаго о невѣроятныхъ злодѣйствахъ меровингскихъ франковъ способенъ привести въ ужасъ современнаго читателя. Благочестивый историкъ франкской церкви такъ привыкъ къ вопіющимъ преступленіямъ, что совершенно спокойно разсказываетъ, какъ одинъ знатный человѣкъ приказалъ зарыть живымъ въ землю своего слугу за то, что тотъ женился безъ его позволенія, какъ король Лотарь приказалъ сжечь своего сына и его семью, какъ знаменитая Фредегонда собственными руками хотѣла задушить своихъ дочерей и т. д. Такіе властители произвольно распоряжались церковными мѣстами и часто назначали на нихъ своихъ клевретовъ сообразно съ своими нравственными наклонностями. Поэтому даже на высшихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы появлялись совершенно невозможные люди. Архіепископъ Каутинъ Клермонскій, наприм., былъ такой пьяница, что его съ пира всегда приводили четверо слугъ, и отличался такою жадностью и жестокостью, что приказалъ зарыть въ землю одного священника за то, что тотъ не хотѣлъ отдать ему своего имущества. Фредегонда изъ духовенства по преимуществу выбирала орудія для своихъ преступленій: двумъ духовнымъ лицамъ вручила она отравленные кинжалы, чтобы убить Хильдеберта; задумавши убить одного епископа при алтарѣ во время богослуженія, она посвятила въ свое намѣреніе двухъ епископовъ и архидіакона. Общественная грубость проникала въ церковь и угрожала подорвать ея нравственный авторитетъ. Кромѣ того, вмѣшательство свѣтской власти грозило большими опасностями и со стороны богословской. Малообразованному королю Хильпериху не нравилось ученіе о троичности божества; онъ созвалъ епископовъ и объявилъ имъ, чтобы они отмѣнили этотъ догматъ и вѣровали, какъ онъ прикажетъ. Мѣстные соборы отстаи-

вали церковную независимость, но безуспѣшно. Не могли имъ оказать сильной поддержки и римскіе епископы, потому что сами они не пользовались свободой и самостоятельностью.

Въ VII вѣкѣ папы находились не только въ теоретической, но и въ практической зависимости отъ греческихъ императоровъ, которые, попрежнему, утверждали выборы и устраняли неугодныхъ имъ намѣстниковъ Христа. Византійцы были слишкомъ слабы, чтобы защитить Италію отъ варваровъ, но достаточно сильны, чтобы угнетать ввѣренную ихъ защитѣ церковь. Уже Григорій I говорилъ, что раввенскій экзархъ и другіе византійскіе чиновники приносятъ болѣе вреда Риму, чѣмъ мечъ лангобардовъ. При его преемникахъ греки грабятъ церкви самымъ наглымъ образомъ. Одинъ кандидатъ на папскій престолъ обѣщалъ экзарху крупную взятку въ случаѣ своего избранія; но побѣду на выборахъ одержало другое лицо, тѣмъ не менѣе, византійскій чиновникъ не пожелалъ отказаться отъ своей добычи, и новый папа вынужденъ былъ заложить церковныя драгоцѣнности, чтобы выплатить взятку, обѣщанную его соперникомъ. Другой экзархъ поступилъ еще проще: съ толпою солдатъ напалъ на церковную казну, захватилъ ее, треть взялъ себѣ, треть роздалъ солдатамъ, а треть отослалъ императору. Съ чисто-религіозной стороны зависимость отъ свѣтской власти здѣсь была еще опаснѣе, чѣмъ у варваровъ. Еретическія движенія все еще бушевали въ Византіи, и представителямъ свѣтской власти не было возможности не вмѣшиваться въ церковныя дѣла и оставаться въ сторонѣ отъ движенія, глубоко захватывавшаго все общество. Иногда еретики возсѣдали и на византійскомъ престолѣ. Авторитетъ римскаго епископа въ церкви стоялъ слишкомъ высоко, чтобы императоры могли оставаться равнодушными къ его мнѣнію. Поэтому на папскомъ престолѣ утверждаютъ только такихъ людей, какіе кажутся наиболѣе подходящими византійскому правительству, и въ VII столѣтіи во главѣ западной церкви стоятъ по большей части греки и сирійцы. Но папскія традиціи настолько сильны въ Римѣ, что обыкновенно и чужеземцы на престолѣ св. Петра держались той же политики, какъ и природные римляне. Тогда императоры прямо предписывали извѣстное отношеніе къ догмату, и нельзя не

признать, что римскіе епископы мужественно защищали отвлеченныя религіозныя истины: одного только папу Гонорія прокляли его преемники, какъ еретика, всѣ прочіе не шли на уступки, а нѣкоторые даже пострадали за свои религіозныя убѣжденія. Такъ, императоръ Констансъ II издалъ эдиктъ, запрещавшій спорить о естествахъ Христа и поручилъ экзарху во что бы то ни стало добиться его признанія въ Римѣ; но папа Мартинъ I рѣшительно отказался. Тогда вышло повелѣніе смѣстить непокорнаго епископа, и экзархъ съ толпою солдатъ ворвался въ церковь, гдѣ думалъ найти себѣ безопасное убѣжище папа. Больной Мартинъ I лежалъ на постели противъ главнаго алтаря, окруженный священниками, и когда экзархъ снова прочелъ извѣстный эдиктъ, священники отвѣтили на него анаѳемой. Солдаты бросились на папу, вытащили его изъ церкви, и намѣстникъ Христа былъ сосланъ въ Крымъ, гдѣ, какъ говорили тогда, его уморили голодомъ. Такое положеніе было тѣмъ нестерпимѣе, что къ насилію присоединилось еще и униженіе. Преемникъ Мартина I вынужденъ былъ устроить самую пышную встрѣчу виновнику его страданій Констансу II, когда тотъ вздумалъ осчастливить Италію своимъ посѣщеніемъ. Византійскій императоръ отвѣтилъ на всѣ почести тѣмъ, что разграбилъ Римъ, увезъ съ собою не только всѣ металлическіе памятники, сохранившіеся отъ варварскихъ нашествій, но и крышу съ Пантеона, которая была сдѣлана изъ позолоченной бронзы. Естественно, что папы напрягали всѣ усилія, чтобы освободиться отъ невыносимаго ига. Это имъ удалось, отчасти благодаря крупнымъ ошибкамъ византійской политики.

Византійскіе императоры видѣли въ своихъ итальянскихъ владѣніяхъ только доходную статью; а къ мѣстному населенію, о защитѣ котораго отъ лангобардовъ они и не думали, они относились съ глубокимъ презрѣніемъ. Византійской арміи въ Италіи не было; греческіе генералы командовали войскомъ, которое было набрано изъ мѣстнаго населенія и только жалованье получало отъ византійскаго правительства. Къ концу VII столѣтія эта армія пріобрѣла характеръ городской милиціи, въ составъ которой входили болѣе или менѣе обезпеченные горожане, и подъ вліяніемъ визан-

тійскаго гнета въ ней развилось національное чувство. Итальянское войско стало относиться съ враждою къ своимъ греческимъ вождямъ и стало смотрѣть на папу, какъ на единственнаго главу не только Рима, но и всей нелангобардской Италіи. Власть Византіи была окончательно подорвана, и этотъ переворотъ произошелъ замѣчательно быстро: спустя около 50 лѣтъ послѣ печальнаго конца Мартина I, византійскій императоръ приказалъ продѣлать то же самое съ однимъ изъ его преемниковъ; но времена измѣнились, и несчастный экзархъ долженъ былъ спрятаться подъ папскую кровать отъ ярости римскаго войска, ополчившагося на защиту своего епископа. Спустя 20 лѣтъ, въ 710 году, когда на византійскій престолъ вступилъ еретикъ Варданъ, отъявленный монофелитъ, Римъ и Равенна открыто возстали противъ Константинополя. Появленіе новой силы на защиту папы противъ Византіи было очень кстати. Наступали весьма серьезныя времена. На византійскій престолъ вступилъ Левъ I исавріецъ,—императоръ, какихъ тамъ давно не бывало. Превосходный полководецъ и крутой деспотъ, Левъ былъ способенъ и къ грандіознымъ планамъ и къ энергичному ихъ проведенію. Византійскій абсолютизмъ его не удовлетворялъ; онъ стремился къ болѣе широкой власти, хотѣлъ, оставаясь императоромъ, сдѣлаться такимъ же главой церкви, какимъ считали себя папы. Передъ глазами византійскаго деспота носился идеалъ болѣе совершеннаго деспотизма—арабскій халифъ, неограниченный властитель государства и абсолютный глава религія. „Я—царь, и я—священникъ“,—писалъ Левъ I римскому епископу. Такого опаснаго соперника въ полномъ смыслѣ этого слова никогда еще не имѣли папы. Первымъ проявленіемъ новой точки зрѣнія византійскаго императора былъ эдиктъ 728 года, запрещавшій иконопочитаніе. Сознательно или безсознательно Левъ I хотѣлъ порвать самую твердую тогда связь папы съ варварскимъ Западомъ, самую прочную его опору въ тогдашнемъ загрубѣломъ Римѣ. Иконы и реликвіи были главною, если не единственною стороной христіанства, доступною тогдашнимъ народамъ. Недавніе язычники на нихъ сосредоточивали свое религіозное чувство, и вѣра въ яхъ чудотворную силу составляла единственную охрану храмовъ, единственную за-

щиту духовенства. Такія святыни обогащали церковь, сказанія объ ихъ чудесахъ спасали отъ разграбленія церковное имущество. Самый Римъ видѣлъ въ статуѣ св. Петра, которая, по преданію, была перелита изъ изображенія Юпитера Капитолійскаго, палладіумъ своей независимости, священную охрану своего существованія, а авторитетъ міровой столицы въ варварскомъ мірѣ основывался теперь, главнымъ образомъ, на костяхъ мучениковъ и преподобныхъ, которыми такъ богаты были ея кладбища. Эдиктъ Льва I не только шелъ въ разрѣзъ съ священнымъ преданіемъ, но и грозилъ подорвать самое основаніе тогдашняго авторитета римской церкви. Къ счастію для папства, въ годы самой тяжелой опасности престолъ св. Петра послѣдовательно занимали два достойныхъ противника Льва I, Григоріи II и III. Григорій II, первый римлянинъ послѣ многихъ грековъ и сирійцевъ на папскомъ престолѣ, обладалъ политическимъ тактомъ и энергіей своего великаго тезки. На эдиктъ Льва I онъ отвѣтилъ вѣскимъ словомъ и еще болѣе рѣшительнымъ дѣломъ. Соборное посланіе папы рѣшительно осуждало вмѣшательство свѣтской власти въ церковныя дѣла, и, въ то же время, Григорій организовалъ и сталъ во главѣ народнаго возстанія противъ Византіи. Вся Италія, кромѣ юга и лангобардскихъ владѣній, взялась за оружіе, явилась даже мысль низвергнуть Льва I, выбрать новаго императора и провести его въ Константинополь. Но папа былъ далекъ отъ крайностей и умѣлъ во-время остановить увлеченія. Адресуя императору рѣзкія письма, въ которыхъ онъ называетъ его грубымъ и невѣжественнымъ солдатомъ, Григорій II не хочетъ окончательнаго отпаденія Италіи отъ Византіи, хотя это было теперь вполнѣ возможно. Такая рѣшительная мѣра не обѣщала никакой выгоды и навлекала новыя опасности. Фактически папа былъ уже полный властитель Рима и его области; слабая Византія не казалась опасной, но ее, все-таки, можно было противопоставить, если не теперь, то впослѣдствіи, другому, не менѣе страшному врагу — лангобардамъ. Уже почти два столѣтія, съ самаго нашествія Альбоина, папство находилось между Сциллой и Харибдой. Лангобарды и Византія были одинаково опасны престолу св. Петра, и его преемники, начиная съ Григорія Великаго, постоянно лавировали между ними. Со вре-

мени присоединенія къ церкви, лангобарды нѣсколько поуспокоились. Ревностные христіане въ варварскомъ духѣ, они помогали даже одно время папамъ противъ иконоборцевъ, но въ общемъ далеко еще не отказались отъ стремленія взять Римъ или, по крайней мѣрѣ, время отъ времени пограбить его окрестности. Еще Григорій I вынужденъ былъ откупаться отъ ихъ нападеній и называлъ себя съ горькою ироніей лангобардскимъ казначеемъ; этой политики держались и его преемники. Защита съ этой стороны нѣсколько облегчалась тѣмъ, что у лангобардовъ господствовали почти непрерывныя смуты, и могущественные герцоги Сполето и Беневента рѣдко ладили съ своимъ королемъ. Но во время борьбы за иконы и на престолѣ лангобардовъ появился величайшій въ ихъ исторіи государь — Ліутпрандъ. Законодатель и политикъ, Ліутпрандъ хотѣлъ пойти по стопамъ Теодориха Великаго и основать итальянское королевство. Моментъ казался чрезвычайно благопріятнымъ. Раздоры папы съ императоромъ разъединяли силы противниковъ; защита иконъ — основательная причина для захвата византійскихъ владѣній, которыя, къ тому же, со времени возстанія были почти res nullius, ничьимъ владѣніемъ. Ліутпрандъ могъ думать даже, что и со стороны папы не будетъ противодѣйствія. Римъ нѣкогда подчинявшійся еретику Теодориху, признаетъ власть такого же еретика Льва I, — почему же откажетъ онъ въ повиновеніи благочестивому и католическому государю? Такой ходъ мыслей былъ тѣмъ возможнѣе, что Григорій II открыто не стремился къ свѣтской власти и былъ союзникомъ лангобардскаго короля. Ліутпрандъ занялъ Равенну, подарилъ ап. Петру городъ Сутри, который сдѣлался первымъ зерномъ свѣтскихъ владѣній его преемниковъ, и намѣревался захватить Римъ.

Но папа понялъ страшную опасность, которая грозила независимости церкви отъ замѣны номинальнаго подчиненія слабой Византіи реальнымъ господствомъ лангобардскаго короля, и не остановился передъ такими мѣрами, какія мало подходили къ его епископскому сану. Въ письмѣ къ венеціанскому дожу, у котораго онъ просилъ помощи противъ Ліутпранда, Григорій II называетъ своихъ недавнихъ союзниковъ, правовѣрныхъ лангобардовъ, постыд-

нымъ племенемъ, а недавняго врага — византійскаго еретика — своимъ сыномъ и господиномъ. Въ то же время, папа возмутилъ сполетскаго и беневентскаго герцоговъ противъ ихъ законнаго государя. Ліутпрандъ долженъ былъ оставить Равенну; но онъ усмирилъ возмутившихся вассаловъ и, чтобы наказать вѣроломнаго папу, заключилъ союзъ съ Львомъ I и явился съ войскомъ подъ стѣнами Рима. Казалось, долговременная борьба за независимость должна была окончиться пораженіемъ папства, и, дѣйствительно, беззащитный Римъ былъ спасенъ почти чудомъ. Григорій II явился въ станъ короля, какъ нѣкогда Левъ I къ Атиллѣ, и силой своего краснорѣчія заставилъ оскорбленнаго Ліутпранда броситься на колѣни передъ оскорбившимъ его папой. Пользуясь благочестивымъ увлеченіемъ короля, Григорій II повелъ его къ гробу св. Петра, и Ліутпрандъ, при торжественномъ пѣніи духовенства, сложилъ къ ногамъ апостола свою мантію, и свои доспѣхи, и свое оружіе, и золотую корону, и серебряный крестъ. Это было явное торжество, если не правды, то, по крайней мѣрѣ, духовной силы надъ физической. Одушевленіе продолжалось недолго; между тѣмъ, Григорій II умеръ, оставивъ въ наслѣдство своему преемнику, тоже Григорію, и Льва I, и Ліутпранда. Положеніе новаго папы, который по своимъ способностямъ не уступалъ предшественнику, сдѣлалось еще труднѣе. Энтузіазмъ Ліутпранда прошелъ, а его грандіозные планы не измѣнились; въ то же время, борьба за иконы возгорѣлась съ новою силой. Григорій III формально на соборѣ произнесъ проклятіе всѣмъ иконокластамъ, а Левъ I въ отвѣтъ на это конфисковалъ церковныя патримоніи въ Неаполѣ и Сициліи и двинулъ грозный флотъ противъ Рима. Положеніе сдѣлалось крайне критическимъ, и папа принялъ новую мѣру, имѣвшую впослѣдствіи результаты громадной исторической важности. Онъ обратился къ франкамъ въ лицѣ ихъ знаменитаго майордома Карла Мартелла, и старѣйшіе сыны римской церкви не только спасли ее отъ порабощенія, но помогли ей достигнуть всемірнаго господства, хотя это случилось нѣсколько позже.

Идея искать помощи у варваровъ уже давно приходила въ голову папамъ. Ее лелѣялъ еще Григорій Великій, искавшій союза

у своихъ германскихъ сосѣдей. Но тогда было невозможно ея осуществленіе; испанскіе вестготы и лангобарды были еретики, англосаксы и заальпійскіе германцы — язычники, а силу могущественныхъ франковъ парализовали внутреннія смуты. Великій папа присоединеніемъ къ церкви варваровъ только приготовилъ возможность такого союза въ будущемъ. Но и въ началѣ VIII вѣка приведеніе въ исполненіе задушевнаго желанія Григорія I встрѣчало крупныя затрудненія. Правда, авторитетъ христіанскаго Рима и его епископа стоялъ высоко среди варваровъ: нѣкоторые англійскіе короли оставляли престолъ, чтобы надѣть монашескую рясу у гроба св. Петра; одинъ лангобардскій принцъ былъ также римскимъ монахомъ, и примѣръ Ліутпранда показываетъ, что значилъ папа въ глазахъ благочестиваго короля. Но набожная Англія лежала слишкомъ далеко и не могла подать быстрой помощи; лангобарды были слишкомъ близкими сосѣдями и Римъ былъ слишкомъ завидною добычей, чтобы можно было думать о прочномъ союзѣ; государство вестготовъ разрушили арабы, которые помѣшали и Карлу Мартеллу исполнить просьбу Григорія III. Папѣ удалось собственными средствами уладить дѣло съ Ліутпрандомъ, а византійскій флотъ былъ уничтоженъ бурею. Но при его преемникахъ положеніе дѣлъ у франковъ измѣнилось чрезвычайно благопріятно для папства. Римскій епископъ, не разъ возмущавшій вассаловъ противъ сюзерена, позволилъ Пипину Короткому низвергнуть законнаго государя и самому занять его мѣсто и извлекъ изъ этого разнообразныя выгоды не только для настоящаго, но и для будущаго. Въ этомъ дѣлѣ папы впервые выступили посредниками между народомъ и государемъ, а позже объявили такое посредничество своимъ правомъ, которымъ чрезвычайно широко пользовались въ своихъ интересахъ. Имѣть обязательныя политическія воззрѣнія римскіе епископы считали ниже своего достоинства и, смотря по надобности, защищали то идею народовластія, то святость королевской власти. На такую точку зрѣнія они стали съ самаго начала. Папа Захарій I, одобрившій узурпацію Пипина, призналъ народъ источникомъ королевской власти; его преемникъ, Стефанъ II, помазавшій на царство узурпатора, его жену и дѣтей, подъ угрозой проклятія запретилъ франкамъ выбирать королей изъ другой ди-

настіи. Король и папа заключили между собой клятвенный договоръ, по которому первый долженъ былъ защищать церковь, второй— новую династію. Римскій епископъ оказалъ важную услугу Пипину, и тотъ щедро за нее заплатилъ; когда преемникъ Ліутпранда захватилъ византійскія владѣнія въ Средней Италіи, Пипинъ въ два похода отнялъ ихъ и подарилъ ап. Петру Равенскій экзархатъ и Пентаполисъ, т. е. все побережье отъ Римини до Анконы. Свѣтская власть папы окончательно установилась.

Функціи свѣтскаго государя не были новостью для римскихъ епископовъ; но на фактическое пользованіе властью они смотрѣли еще въ началѣ VIII вѣка только какъ на результатъ временныхъ политическихъ условій. По крайней мѣрѣ, еще Григорій II въ письмѣ къ императору Льву настаиваетъ на необходимости раздѣленія властей и, грозя призвать на помощь варваровъ, заявляетъ, что епископы не должны вмѣшиваться въ политическія дѣла. При его преемникахъ эта точка зрѣнія сильно видоизмѣняется: въ папахъ проснулась жадность къ свѣтскимъ владѣніямъ. Это была эпоха теократическихъ стремленій.

На магометанскомъ Востокѣ свѣтская и духовная власть объединялись въ однѣхъ рукахъ, и Левъ I старался, хотя и тщетно, добиться того же самаго; но что не удалось византійскому императору, то выпало на долю римскому епископу. Христіанскимъ халифомъ на Западѣ сдѣлался папа. Такой перемѣнѣ стремленій весьма способствовали тогдашнія обстоятельства. Тяжелое положеніе папъ между Византіей и лангобардами заставляло особенно желать фактической силы, чтобы отражать насиліе, а возможность захватить новыя владѣнія и подачки отъ лангобардовъ разжигали жадность. Особенно повиненъ былъ въ этомъ соблазнѣ благочестивый Ліутпрандъ, который, кромѣ Сутри, подарилъ церкви еще нѣсколько второстепенныхъ городовъ. Поэтому уже въ прелиминарномъ договорѣ съ Пипиномъ папа выговорилъ себѣ, или ап. Петру, какъ тогда говорили, всю Италію, кромѣ Ломбардіи на сѣверѣ и Калабріи на югѣ, т. е. гораздо больше, чѣмъ онъ получилъ въ дѣйствительности. До какой страстности доходило стремленіе папъ къ свѣтской власти, показываетъ письмо Стефана II къ Пипину, когда

новымъ владѣніямъ угрожали лангобарды. Въ этомъ замѣчательномъ посланіи къ королю обращается не папа, а самъ ап. Петръ, который то проситъ, то грозно требуетъ помощи противъ лангобардовъ. Болѣе того, на защиту папскихъ владѣній воздвигаются всѣ небесныя силы. „Вмѣстѣ съ нами,—говоритъ въ папскомъ письмѣ апостолъ,—наша Владычица, Богородица и Приснодѣва Марія самымъ настоятельнымъ образомъ заклинаетъ, протестуетъ, убѣждаетъ и предписываетъ тебѣ оказать помощь, и, въ то же время, вмѣстѣ съ нею Престолы, Господства и вся сила небеснаго воинства, а также мученики, Христовы исповѣдники и всѣ угодники Божіи,—всѣ вмѣстѣ съ нами убѣждаютъ, заклинаютъ и требуютъ отъ тебя этого“. Объемъ свѣтской власти папы пока еще не опредѣленъ съ точностью и предѣлы его владѣній сравнительно скромно обозначены даже въ неосуществившемся договорѣ съ Пипиномъ. Но церковныя мечты въ этомъ отношеніи заходили гораздо дальше дѣйствительности. По всей вѣроятности, къ этой эпохѣ относится замѣчательный образецъ католическихъ подлоговъ, такъ называемый „Даръ Константина“. По этому фальшивому документу, сфабрикованному крайне грубо и невѣжественно, Константинъ Великій при перенесеніи столицы въ Византію уступаетъ будто бы папѣ Сильвестру I, кромѣ высшаго духовнаго авторитета, власть надъ Римомъ, Италіей и островами и предоставляетъ клиру права римскаго сената, а папскому штату всѣ права соотвѣтствующихъ высшихъ чиновниковъ. До XI вѣка папы, по крайней мѣрѣ, открыто не ссылаются на подложную грамоту, можетъ быть, потому, что выраженныя тамъ идеи были еще очень далеки отъ осуществленія. Свѣтская власть римскаго епископа еще не окрѣпла, и папы продолжаютъ признавать номинальное главенство надъ Римомъ за византійскимъ императоромъ и предоставляютъ Пипину довольно неопредѣленныя права римскаго патриція и защитника церкви.

Но какъ ни скромны были владѣнія св. Петра, установленіе свѣтской власти папъ существенно измѣнило весь характеръ западной церкви, потому что теократическая идея изъ Рима распространилась по всему Западу. Коренное противорѣчіе между аскетическимъ принципомъ, на которомъ основывалось духовное главенство римскаго

епископа и его положеніемъ, какъ свѣтскаго государя, теперь закрѣпилось окончательно и должно было повлечь за собою крайне печальныя послѣдствія для западной церкви. Свѣтская власть, полезная для охраны независимости церкви въ некультурной средѣ, сдѣлалась изъ средства цѣлью, для возможно полнаго достиженія которой своекорыстно и недостойно стали пользоваться духовнымъ авторитетомъ. Благодаря этому, преемники Христа быстро деморализировались. Ихъ положеніе, какъ свѣтскихъ государей, заставляло ихъ вмѣшиваться въ политическія отношенія сосѣдей, въ борьбу партій въ самомъ Римѣ, прибѣгать къ интригамъ, на каждомъ шагу нарушать тѣ ученія, которыя они проповѣдовали въ церкви, и оскорблять даже требованія элементарной нравственности. Поэтому чѣмъ болѣе развивалась культура въ свѣтскомъ обществѣ, тѣмъ гибельнѣе становилась свѣтская власть папы для его духовнаго авторитета. Деморализующее вліяніе новаго положенія папы сказалось немедленно послѣ Пипинова дара. Занятые политикой папы не обращаютъ вниманія на обученіе и воспитаніе паствы, просвѣщеніе падаетъ въ Римѣ: сами епископы послѣ Григорія I долгое время не принимаютъ никакого участія въ литературной и научной дѣятельности, и христіанская наука процвѣтаетъ, главнымъ образомъ, за предѣлами Италіи. Въ то же время, въ политическихъ пріемахъ преемниковъ Петра обнаруживается нравственная порча. Мы видѣли, какимъ кощунственнымъ языкомъ говорилъ Стефанъ II изъ-за свѣтскихъ интересовъ; его преемники открыто лицемѣрятъ и, не стѣсняясь, лгутъ ради такихъ же цѣлей. Когда, напримѣръ, затѣвались брачные проекты между королевскими фамиліями франковъ и лангобардовъ, папа увидалъ въ этомъ опасность для своего положенія. Поэтому онъ отправилъ грозное посланіе къ сыновьямъ Пипина, въ которомъ объявляетъ этотъ проектъ „дьявольскимъ внушеніемъ“, называетъ благочестивыхъ лангобардовъ „вѣроломною и вонючею породой, которую нельзя отнести къ числу націй и которая порождаетъ прокаженныхъ“, и подвергаетъ формальной анаѳемѣ всѣхъ, кто будетъ покровительствовать этому проекту. Для большей дѣйствительности посланія папа заявляетъ, что онъ предварительно положилъ его на гробъ св. Петра.

Нравственныя потери, связанныя съ установленіемъ свѣтской власти, не искупались спокойствіемъ и независимостью святого престола. Сдѣлавшись свѣтскимъ государемъ, папа получилъ новаго врага въ римской аристократіи, которая еще недавно почти обоготворяла своего епископа и оказывала ему постоянную поддержку въ борьбѣ съ Византіей и лангобардами. Политическій строй священнаго города теперь совершенно измѣнился. Сенатъ, повидимому, совсѣмъ исчезъ; о прежней магистратурѣ и судьяхъ тоже ничего не слышно. Теперь папа назначаетъ судей и чиновниковъ, и вообще папскій дворецъ у Латеранской базилики сдѣлался центромъ всей общественной жизни, средоточіемъ самой разнообразной дѣятельности: тамъ рѣшаютъ дѣла церковныя, оттуда же исходитъ внѣшняя политика; тамъ и кормятъ нищихъ, и налагаютъ подати, и чинятъ судъ и расправу. Всѣ эти разнообразныя дѣла распредѣлены между семью главными сановниками папы, которые являются настоящими министрами съ правомъ суда въ сферѣ своего управленія. Кромѣ того, при папскомъ дворцѣ обширный штатъ разнообразныхъ должностныхъ лицъ, которыя имѣли приблизительно то же значеніе, что и византійскіе придворные. Это была аристократія клира, первое сословіе римскаго соціальнаго строя, имѣвшее огромное вліяніе на папскіе выборы. Слѣдующее мѣсто занимало второе сословіе — свѣтская аристократія, повидимому, военнаго происхожденія. Въ эпоху борьбы съ лангобардами римское населеніе получило военную организацію и во главѣ его стояли герцоги (duces) сначала греческіе, потомъ мѣстные. Военныя должности сдѣлались наслѣдственными и положили начало дворянству. Третье сословіе, тоже участвовавшее въ выборахъ, былъ народъ, городская милиція, распредѣленная по раіонамъ, т.-е. кварталамъ, и цехи, на которые она опиралась. Когда папы сдѣлались свѣтскими государями, въ высшихъ сословіяхъ тотчасъ обнаружилось стремленіе къ власти и появились попытки сдѣлать папу простою игрушкой въ рукахъ дворянства или клира. Въ 767 году, 12 лѣтъ спустя послѣ установленія свѣтской власти папъ, герцогъ Тото насильственно посадилъ на престолъ св. Петра своего брата, который въ одинъ день прошелъ для этого всѣ степени священства. Но эта революція встрѣтила рѣзкое противодѣйствіе со стороны

клира. Два министра бывшаго папы съ помощью лангобардовъ свергнули съ страшными жестокостями узурпатора, потомъ побѣдили лангобардскаго кандидата и канонически возвели на престолъ Стефана III. Но новый папа только съ помощью лангобардовъ освободился отъ своихъ покровителей, которые стремились вполнѣ подчинить себѣ преемника св. Петра. Опасность зависимости святого престола отъ свѣтской и духовной аристократіи чрезвычайно усиливалъ непотизмъ, одно изъ многочисленныхъ золъ, связанныхъ съ свѣтскою властью папы. Будучи не наслѣдственными, а избирательными государями, папы естественно стремились сдѣлать что-нибудь для своихъ родственниковъ и награждали ихъ и церковными должностями, и церковными имуществами. Совершенно естественно также, что эти принцы папской крови желали сохранить свое положеніе и при преемникѣ своего благодѣтеля и, въ случаѣ надобности, подчинить его своему вліянію или даже низвергнуть съ трона. Всю тяжесть этого положенія испыталъ на себѣ уже Левъ III, тотъ самый папа, который короновалъ императоромъ Карла I. Племянники его предшественника составили заговоръ противъ новаго папы; Льва III схватили во время религіозной процессіи и израненнаго, искалѣченнаго заключили въ монастырь. Только чудо, по однимъ извѣстіямъ, и гуманность палача, по другимъ, спасли папу отъ ослѣпленія и потери языка, а его сторонники помогли ему спастись изъ заключенія бѣгствомъ. Такое положеніе дѣлъ лишало свѣтскую власть папы половины ея значенія. Римскіе епископы чувствовали себя безсильными противъ внутреннихъ враговъ; а кромѣ нихъ, были и внѣшніе. Защитникъ за предѣлами Италіи былъ необходимъ, и папы нашли его въ средневѣковомъ императорѣ.

Идея имперіи никогда не исчезала совершенно въ Римѣ. Хотя Григорій III былъ послѣдній папа, утвержденный византійскимъ императоромъ, тѣмъ не менѣе, его номинальное главенство все еще признавалось. Знаменитый договоръ папы съ Пипиномъ Короткимъ былъ сплошною узурпаціей: король уступалъ папѣ непринадлежавшія ему области, папа давалъ королю титулъ, который могъ дать только императоръ. Притомъ, уступка того, что не принадлежало никому изъ уступавшихъ, сопровождалась взаимнымъ недоразумѣніемъ: папа

и далъ больше, и получилъ меньше, чѣмъ думалъ, - это зависѣло отъ различнаго пониманія титула патриція. Франкскіе короли, уступая завоеванныя ими области, имѣли въ виду только доходы съ нихъ и администрацію, связанную съ ихъ собираніемъ, а судъ и суверенитетъ сохраняли за собой. Карлъ въ этомъ духѣ и дѣйствуетъ: онъ принимаетъ апелляціи на мѣстные суды, смотритъ на папскихъ пословъ какъ на своихъ подданныхъ и изъявляетъ готовность судить самого папу. Папы пытаются противодѣйствовать и прибѣгаютъ, какъ всегда, къ апостолу Петру. Они напоминаютъ Карлу, что истинный патрицій въ Римѣ св. Петръ, а король только исполнитель его воли; въ то же время, собранные имъ для суда надъ папою епископы заявляютъ, что они не могутъ судить Христова намѣстника. Въ отдѣльныхъ случаяхъ Карлъ уступаетъ, но въ цѣломъ и общемъ папы признаютъ его точку зрѣнія. Левъ III при вступленіи на престолъ послалъ Карлу не только ключи отъ гроба св. Петра, но римское знамя, причемъ просилъ короля послать кого-нибудь изъ знатныхъ, чтобы принять отъ римлянъ присягу въ вѣрности и подданствѣ. Коронованіе Карла императоромъ только закрѣпило эти отношенія. При его дворѣ выдавали эту революцію за дѣло папы, неожиданное для новаго императора; въ дѣйствительности она была, вѣроятно, результатомъ договора. Съ новымъ актомъ, повидимому, ничего не измѣнялось: мѣсто далекаго византійскаго императора занялъ болѣе близкій король франковъ. Въ сущности же произошла глубокая перемѣна: въ лицѣ императора церковь, ничего не теряя, пріобрѣтала впервые могущественнаго защитника своихъ интересовъ. Обѣ стороны понимали новое положеніе весьма серьезно и нѣсколько мечтательно. „На насъ лежитъ внѣшняя защита католической церкви оружіемъ, - говоритъ Карлъ,—а вы, святой отецъ, обязаны поднятыми къ небу руками поддерживать насъ въ нашемъ служеніи“. Весьма возвышенно смотрѣлъ на дѣло и Левъ III. Въ парадномъ триклиніумѣ Латеранскаго дворца, предназначенномъ для угощенія самыхъ знатныхъ посѣтителей, была замѣчательная мозаичная картина. Въ центрѣ Христосъ на вершинѣ горы, окруженный апостолами; въ лѣвой Его рукѣ книга, гдѣ написано: „Миръ вамъ“, а правою, какъ видно изъ

надписи, Онъ посылаетъ учениковъ на проповѣдь ученія любви и правды; кругомъ надпись: „слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ". На правой сторонѣ изображенъ Христосъ на престолѣ; направо отъ него папа Сильвестръ, которому Онъ вручаетъ ключи, налѣво императоръ Константинъ, которому Онъ даетъ знамя. На лѣвой сторонѣ такая же картина; только мѣсто Христа занимаетъ ап. Петръ, а около него Карлъ I и Левъ III. Смыслъ картины понятенъ: свѣтская и духовная власть одинаково божественнаго происхожденія и, будучи совершенно самостоятельны, стремятся къ одной цѣли—къ установленію вѣчнаго мира на землѣ. Искусство отразило въ данномъ случаѣ два великихъ идеала въ исторіи человѣчества: идеалъ независимой церкви въ свободномъ государствѣ и всеобщаго мира подъ эгидой евангельскаго ученія любви и правды. Къ сожалѣнію, эти идеалы начала IX вѣка еще весьма далеки отъ осуществленія и въ концѣ XIX.

IV.

Начало борьбы папъ за господство надъ церковью и государствомъ.—Установленіе папскаго авторитета въ варварской средѣ.—Лже-Исидоровы декреталіи.—Борьба свѣтской и духовной власти въ IX в.—Николай I.

Какъ ни далеки были отъ осуществленія тѣ идеалы христіанскаго единства, которые лежали въ основаніи средневѣковой имперіи, ея установленіе оказало важную услугу папству. Свѣтская власть папы подъ эгидой благочестивыхъ императоровъ давала столь желанную независимость церкви, и римскіе епископы, безопасные въ своихъ владѣніяхъ, могли успѣшно защищать церковную самостоятельность за предѣлами Италіи. Но возвышенный идеалъ независимой церкви въ свободномъ государствѣ при самомъ началѣ своего осуществленія оказался несовмѣстимымъ съ стремленіями папства. Намѣстники Христа, едва достигши независимости, начинаютъ стремиться къ господству не только надъ церковью, но и надъ государствомъ. Прошло только полстолѣтія со времени коронованія Карла I, и папа Николай I пытается уже провести въ жизнь выработанные его предшественниками принципы абсолютной власти рим-

скаго епископа и надъ церковью, и надъ государствомъ. Не успѣвши окрѣпнуть, папство уже вступаетъ ради этого въ ожесточенную борбу съ епископами, королями и императорами.

Не будучи въ состояніи добиться полнаго подчиненія восточной церкви, папы стараются распространить свой авторитетъ на Западѣ. Христіанскіе миссіонеры, вышедшіе изъ западной церкви, проповѣдуютъ варварамъ новую религію въ обработанной папами формѣ, и римскіе епископы очень озабочены, чтобы ихъ авторитетъ былъ въ глазахъ варваровъ неразрывно связанъ съ авторитетомъ Евангелія. Противъ стремленія къ національной самостоятельности въ мѣстныхъ церквахъ были заранѣе приняты всѣ мѣры. Григорій Великій, заподозривши въ архіепископѣ Августинѣ, просвѣтителѣ англосаксовъ, честолюбивыя стремленія, краснорѣчиво убѣждаетъ его въ необходимости христіанскаго смиренія для спасенія души, а въ то же время посвящаетъ для Англіи на ряду съ нимъ другого архіепископа. Григорій II беретъ съ германскаго апостола св. Бонифація слѣдующую клятву: „Я обѣщаю св. Петру, князю апостоловъ,—говорилъ Бонифацій, его преемнику Григорію и его преемникамъ жить всегда въ единеніи съ католическою вѣрой, не дѣлать ничего противнаго всемірной церкви, получившей отъ Бога власть связывать и разрѣшать“. Въ такой же зависимости отъ папы стоялъ Ансгаръ, обратившій въ христіанство въ первой половинѣ IX в. Скандинавскій сѣверъ. Вообще миссіонеры добросовѣстно исполняли свои обязательства къ каѳедрѣ св. Петра. На первомъ же соборѣ германскіе епископы пришли къ такому рѣшенію: „Мы постановили и объявляемъ,—говорили они,—что будемъ сохранять до конца нашей жизни единство католической вѣры, подчиненіе римской церкви, св. Петру и его намѣстнику, что мы будемъ канонически исполнять всѣ предписанія св. Престола, чтобы быть причисленными къ его стаду. Мы по общему согласію предписали это исповѣданіе и посылаемъ его къ тѣлу св. Петра“. Такое отношеніе къ папѣ вновь основанныхъ церквей продолжается весьма долго. Пришлые миссіонеры были чужды своей паствѣ и видѣли въ Римѣ свою единственную опору, и ихъ мѣстные преемники твердо усвоили себѣ эту традицію. Даже сравнительно старая франкская цер-

ковь крѣпко держалась св. Престола до IX столѣтія. Но послѣ смерти Карла Великаго въ ней обнаруживаются слѣды стремленій къ независимости отъ Рима, хотя и не особенно значительные. Причины появленія такихъ тенденцій весьма разнообразны и очень интересны. Прежде всего, въ варварской средѣ духовенство также выдвигается на первый планъ, какъ нѣкогда въ Римѣ. Благочестіе уживалось тамъ съ грубостью и, несмотря на господство физической силы, сохранялъ нѣкоторое значеніе и духовный авторитетъ. Вслѣдствіе этого, церковь и тамъ богатѣла, духовенство и тамъ занимало выдающееся положеніе. Уже въ варварскихъ правдахъ духовное лицо стоитъ выше свѣтскаго. Такъ, законъ Рипуарскихъ франковъ налагаетъ за убійство клирика такую же виру, что за королевскаго дружинника, а за епископа—на половину больше. Какъ въ римской средѣ, церковь и у варваровъ служитъ убѣжищемъ, духовенство вмѣшивается въ судъ, епископы являются королевскими совѣтниками, исполняютъ дипломатическія миссіи, а въ Англіи и Испаніи принимаютъ участіе въ выборахъ короля. Совершенно естественно, что и у варварскихъ епископовъ проявляются тѣ же тенденціи и въ той же послѣдовательности, какъ и въ Римѣ. Сначала они стремятся къ церковной независимости; но ихъ положеніе несравненно хуже, чѣмъ римскихъ епископовъ, потому что они фактически въ полной власти у грубыхъ, а главное—жадныхъ королей. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь идетъ то борьба, то дипломатическое заискиваніе. Чтобы охранить отъ хищничества церковныя имущества, документы на ихъ владѣнія были наполнены самыми ужасными проклятіями противъ нарушителей ихъ святости. Кромѣ того, благочестивая легенда удостовѣряла, что всѣ силы небесныя неустанно караютъ того, кто осмѣлится захватить церковную собственность, и что дьяволъ немедленно овладѣетъ его душой.

По отношенію къ королямъ, особенно опаснымъ своею свирѣпостью, епископы, подобно папамъ, держались деликатной политики. Такъ, Гундебальдъ Бургундскій убилъ двухъ своихъ братьевъ съ ихъ женами и дѣтьми, и св. Авитъ написалъ ему письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ваша любовь къ ближнимъ, которая выше всякихъ похвалъ, заставляетъ васъ оплакивать смерть ва-

шихъ братьевъ. Всѣ ваши подданные сокрушались вмѣстѣ съ вами въ этомъ случаѣ, который Провидѣніе желало сдѣлать орудіемъ радости. Для блага государства уменьшилось число принцевъ королевской семьи и осталось ровно столько, сколько нужно для того, чтобы управлять нами". Стремленія варварскихъ епископовъ, пока они направлены были къ освобожденію отъ свѣтской власти, усердно поддерживались папами; но при слабыхъ преемникахъ Карла Великаго они принимаютъ крайне опасное для св. Престола направленіе. Освободившись отъ подчиненія королямъ, франкская церковь начала стремиться и къ освобожденію отъ римскаго авторитета. Преемники ап. Петра ранѣе всего нашли себѣ подражателей въ старшей дочери римской церкви: франкскіе епископы заразились папскими идеалами. Кромѣ того, здѣсь должна была дѣйствовать и другая причина.

Космополитическая тенденція, свойственная христіанству, съ особенною рѣзкостью была выражена средневѣковымъ папствомъ, стремившимся къ одинаковому господству надъ всѣми національностями. Но до начала IX в. она оставалась только въ религіозной сферѣ, гдѣ она была вполнѣ умѣстна, потому что передъ Христомъ, по ученію апостола, нѣтъ ни эллина, ни іудея. Съ установленіемъ имперіи эта тенденція была перенесена и въ политическую сферу: на ряду съ христіанскою церковью, не знавшею національностей, попытались создать такое же государство. Но какъ разъ въ эту эпоху германцы, попавшіе въ различную среду, принявшіе въ свой составъ различные элементы, распадаются на народности, въ каждой изъ которыхъ съ большею или меньшею силой развивается національное чувство. Это новое теченіе разрушило космополитическую монархію Карла и должно было отразиться въ церковной сферѣ: какъ національные короли не хотѣли повиноваться космополитическому императору, такъ мѣстные епископы желали быть независимыми отъ универсальнаго папы. Съ новымъ положеніемъ вещей преемники св. Петра, прежде всего, столкнулись у западныхъ франковъ. Папа Григорій IV попытался лично вмѣшаться въ борьбу Людовика Благочестиваго съ сыновьями, но встрѣтилъ энергическій отпоръ со стороны мѣстныхъ епископовъ, которые объявили, что,

„если онъ пришелъ отлучить ихъ отъ церкви, то самъ вернется домой отлученнымъ“, и обнаружили даже намѣреніе низвергнуть съ престола Христова намѣстника. „Папа вернулся въ Римъ, — разсказываетъ современникъ,—безъ чести и съ раскаяніемъ въ своемъ путешествіи“.

Но, къ счастію для римскихъ епископовъ, стремленія мѣстныхъ церквей къ независимости встрѣчали много препятствій, которыя въ корнѣ подрывали ихъ силу. Прежде всего, на Западѣ, кромѣ Рима, не было другого центра, съ которымъ связывались бы религіозныя традиціи. Единственный городъ, который съ конца VII вѣка дѣлалъ время отъ времени попытки освободиться отъ римскаго вліянія въ церковномъ отношеніи, была Равенна, служившая долгое время резиденціей свѣтскихъ властителей Италіи. Но и здѣсь тенденціи къ независимости обнаруживалъ только архіепископъ, котораго прежде поддерживало византійское правительство. Населеніе оставалось чуждо такимъ стремленіямъ и прошлое Равенны, гдѣ жили нѣкогда жалкіе императоры, потомъ варварскіе короли-еретики, а еще позже хищные представители византійскихъ деспотовъ, не внушало ни малѣйшаго авторитета христіанскому Западу, и папы безъ большого труда усмиряли непокорныхъ архіепископовъ. У франковъ не было и такого центра, и выраженіемъ единства національной церкви были только помѣстные соборы, которые могли собираться помимо папы. При такой слабой связи франкское духовенство не могло успѣшно отстаивать свою независимость отъ римскаго престола, а, кромѣ того, его силы разъединяла внутренняя борьба. Подобно тому, какъ національное чувство, подорвавшее Карлову монархію, вызвало въ франкской церкви стремленіе къ независимости отъ Рима, точно также процессъ феодализаціи, раздробившій государственную власть и предоставившій слабаго на произволъ сильному, нашелъ соотвѣтствующее выраженіе въ церковныхъ отношеніяхъ. Франкскіе митрополиты желаютъ освободиться отъ власти папы и подчинить себѣ мѣстныхъ епископовъ, которые, въ свою очередь, стремятся къ независимости отъ митрополитовъ и къ подчиненію себѣ монастырей, энергично защищающихъ свою самостоятельность. Между представителями различныхъ слоевъ духовенства происходила непрерывная

борьба, и совершенно естественно, что противники искали себѣ союзника въ папѣ и за его поддержку готовы были жертвовать независимостью національной церкви. *На ряду съ слабымъ движеніемъ противъ Рима возникаетъ несравненно болѣе сильное въ интересахъ преемниковъ св. Петра.* Въ то время, когда противники папы грозили ему отлученіемъ отъ церкви, его сторонники уже сфабриковали такъ называемые Лже-Исидоровы декреталіи, одинъ изъ самыхъ важныхъ подлоговъ средневѣкового католицизма.

Въ половинѣ IX в. литературная фальсификація сдѣлалась почти обычнымъ явленіемъ и подлоги церковными грамотѣями производятся съ удивительною безцеремонностью. Политикѣ грубаго насилія въ государствѣ соотвѣтствовалъ въ церковной сферѣ до наивности нахальный обманъ. Одинъ клирикъ задумалъ жениться и представилъ своему архіепископу подложное разрѣшеніе отъ св. Престола. Знаменитый архіепископъ Гинкмаръ прислалъ однажды Николаю I фальсифицированное письмо его предшественника, а два другихъ архіепископа доставили тому же папѣ постановленія Мецскаго собора, предварительно подчистивши въ нихъ кое-что „ножичкомъ". Въ документахъ прошлаго такая фальсификація была еще привлекательнѣе, потому что она, оставаясь совершенно безнаказанною, могла давать основанія для новыхъ правъ друзьямъ и для новыхъ обязанностей противникамъ. Въ тотъ некритическій вѣкъ не умѣли отличать фактъ отъ выдумки, а воспитаніе исключительно на церковной литературѣ пріучало слѣпо вѣрить всему написанному, какъ бы ни мало вѣроятнымъ казалось его содержаніе. Поэтому собиратели старыхъ церковныхъ постановленій, какъ, наприм., Бенедиктъ Левита, не дѣлали никакого различія между подлиннымъ и неподлиннымъ и спокойно передѣлывали дѣйствительные документы, иногда даже безъ опредѣленной тенденціи, просто потому, что ихъ содержаніе почему-нибудь не нравилось собирателю. Инымъ характеромъ отличались Лже-Исидоровы декреталіи: ихъ составитель имѣлъ опредѣленную цѣль, ради которой сочинилъ цѣлыхъ 90 писаній старинныхъ папъ. Авторъ этого сборника, приписаннаго испанскому епископу IV в., неизвѣстенъ;

до сихъ поръ еще остаются спорными и нѣкоторыя подробности относительно мѣста и времени его происхожденія. Но несомнѣнно, что эта фальсификація произведена во франкской церкви не позже половины IX в. и стоитъ въ тѣсной связи съ мѣстными стремленіями. Ея основная цѣль — создать легальную основу для независимости епископовъ какъ отъ свѣтской власти, такъ и отъ митрополитовъ и соборовъ. Наилучшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли авторъ призналъ созданіе новыхъ правъ для папы. Содержаніе декреталій можно свести къ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) духовное лицо, осужденное соборомъ, можетъ апеллировать къ папѣ; 2) помѣстный соборъ не можетъ быть созванъ безъ согласія римскаго епископа, и 3) епископъ не можетъ быть смѣщенъ безъ разрѣшенія папы. Самостоятельность національныхъ церквей подрывалась въ самомъ корнѣ этими постановленіями; они не давали желанной свободы и епископамъ, которые могли прочно занимать свои мѣста только подъ условіемъ полнаго подчиненія папѣ. Этотъ сборникъ подложныхъ документовъ не возбудилъ никакого сомнѣнія ни у современниковъ, ни даже у потомства, и былъ положенъ въ основаніе церковнаго права. Только въ XVI столѣтіи доказана была его подложность, но до тѣхъ поръ онъ успѣлъ сослужить большую службу преемникамъ св. Петра: съ его помощью папы одержали побѣду надъ церковнымъ сепаратизмомъ.

Одновременно съ торжествомъ папскаго авторитета въ церковной сферѣ на Западѣ одержаны были и первыя побѣды римскихъ епископовъ надъ государями. Борьба и здѣсь началась во имя церковной независимости, а потомъ вступила въ новый фазисъ: папы потребовали подчиненія свѣтской власти во имя нравственнаго идеала, во имя той религіозной морали, воплощеніемъ которой считали себя Христовы намѣстники. Полное и побѣдоносное выраженіе всѣ эти стремленія впервые нашли въ папѣ Николаѣ I (858—867 гг.), но его побѣды подготовлены были до извѣстной степени его предшественниками IX в.

Грандіозная идея христіанскаго единства подъ эгидой папы и императора, вполнѣ не зависимыхъ другъ отъ друга въ своей сферѣ, оказалась практически неприложимою, прежде всего, въ томъ самомъ

Римѣ, гдѣ она возникла. Только на картинѣ, нарисованной по приказанію папы, императоръ и римскій епископъ получали свою власть прямо отъ Христа или апостола безъ всякаго посторонняго посредничества, а въ жизни дѣло стояло совершенно иначе. Папы непремѣнно хотѣли короновать императоровъ и вполнѣ пользоваться свѣтскою властью во владѣніяхъ св. Петра; императоры не раздѣляли этихъ желаній, требовали права утверждать папскіе выборы и имѣли въ виду предоставить римскимъ епископамъ только пользованіе доходами съ свѣтскихъ владѣній. Къ открытой борьбѣ эти недоразумѣнія пока еще не приводили. Обѣ стороны благоразумно избѣгали столкновенія и останавливались на временныхъ соглашеніяхъ, причемъ большее число уступокъ дѣлаетъ не папа, а императоръ. Такъ, въ 824 г. папа и императоръ вырабатываютъ конституцію для церковной области, въ которой свѣтская власть раздѣлена между ними обоими. Римскому епископу, какъ владѣтелю страны, принадлежитъ непосредственная власть надъ нею во всѣхъ сферахъ государственнаго управленія; императору—суверенитетъ, высшая судебная инстанція и общій надзоръ надъ администраціей. Размежеваніе весьма неопредѣленное и легко допускавшее всяческіе захваты со стороны сильнаго. Ясно одно, что папа взялъ больше, чѣмъ давалъ ему на картинѣ ап. Петръ, и что онъ могъ взять у императора и все остальное. Римскіе епископы стремятся сдѣлать императорскую власть въ Римѣ только отвлеченнымъ принципомъ, а себя полными государями. Но къ этой цѣли шли медленно и осторожно. Въ Римѣ все усиливалось стремленіе къ власти дворянства, а извнѣ грозили арабы, которые уже захватили нѣкоторые города на югѣ Италіи, опустошали церковныя владѣнія и однажды разграбили самый храмъ св. Петра. При такомъ положеніи дѣлъ дружба съ императорами имѣла большую цѣну. Преемники Карла были достаточно сильны, чтобы оказать дѣйствительную помощь, но слишкомъ слабы, чтобы ограничить папскую самостоятельность, и слишкомъ благочестивы, чтобы соединиться съ ея врагами. Всего нагляднѣе проявляется эта осторожная политика въ деликатномъ вопросѣ объ императорскомъ коронованіи и о папскихъ выборахъ. Сынъ Карла не желалъ допустить, чтобы и на него, какъ на его отца, возло-

жилъ корону папа, и сдѣлалъ это самъ; такъ же поступали и его преемники. Но римскіе епископы не хотѣли отказаться отъ столь выгоднаго прецедента и непосредственно помазывали императоровъ, хотя для этого имъ приходилось иногда совершать необычное путешествіе за Альпы. Но если помазаніе можно было истолковывать какъ проявленіе зависимости свѣтской власти отъ духовной, то утвержденіе императорами папскихъ выборовъ несомнѣнно имѣло обратный смыслъ. Поэтому папы послѣдовательно избѣгаютъ этой непріятной формальности, но всякій разъ извиняются за ея неисполненіе и находятъ уважительныя препятствія. Императоры негодуютъ за нарушеніе важнаго для нихъ обычая: одинъ разъ двинуты были даже войска для наказанія виновныхъ; но папѣ удалось успокоить гнѣвъ императора, и римскіе епископы продолжали держаться той же политики. Возможность полной побѣды надъ все слабѣющею свѣтскою властью болѣе не подлежала сомнѣнію въ Римѣ, а въ раздробившемся Франкскомъ государствѣ побѣда была уже одержана. Карлъ Лысый заявлялъ на мѣстномъ соборѣ, что у него нельзя отнимать трона безъ суда епископовъ, но ихъ приговору онъ всегда готовъ подчиниться. Въ томъ же смыслѣ выражался и его племянникъ Лотарь. Вообще, идея о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтской въ эту эпоху сдѣлалась во франкской церкви общепризнанною истиной.

Итакъ, въ IX столѣтіи давно уже выработанные принципы абсолютной власти папы не только въ церковной, но и въ политической сферѣ впервые переходятъ изъ теоріи въ практику и одерживаютъ первыя побѣды, благодаря подходящимъ историческимъ условіямъ. Многовѣковое церковное воспитаніе подготовило къ воспріятію этихъ идей умы, а расшатанная дѣйствительностью королевская власть открыла имъ доступъ и въ жизнь. Всѣ условія для побѣды папства были налицо: недоставало только выдающагося вождя. Эта роль и выпала на долю Николая I.

Исторія папства до половины IX вѣка съ полною наглядностью выясняетъ отношеніе между институтомъ, обладающимъ великою жизненною силой, и стоящею во главѣ его личностью. Римскіе епископы послѣ Григорія Великаго до Николая I ясно пока-

зываютъ могущество традицій учрежденія и непреодолимое вліяніе этихъ традицій на поведеніе его главы. Почти всѣ папы держатся одной политики, несмотря на разнообразіе характеровъ, наклонностей, способностей, воспитанія и происхожденія. Римлянинъ и сиріецъ, крупный умъ и жалкая посредственность, убѣжденный аскетъ и лицемѣрный честолюбецъ неуклонно идутъ къ одной цѣли и пользуются приблизительно одинаковыми средствами для ея достиженія. Грандіозность учрежденія какъ будто подавляетъ личность, дѣлаетъ безразличными съ исторической точки зрѣнія ея духовныя свойства. Но примѣръ Николая I указываетъ и на другую сторону вопроса, является нагляднымъ свидѣтельствомъ, какой яркій блескъ, какую существенную услугу можетъ оказать могучему институту могучая личность. Положеніе этого папы было ничѣмъ не лучше того, въ какомъ находились его предшественники послѣ смерти Карла Великаго; его противниками являются самыя выдающіяся личности его эпохи: императоръ Людовикъ II, настоящій Каролингъ въ пониманіи прерогативъ своей власти; архіепископъ Реймсскій Гинкмаръ, самый даровитый и вліятельный изъ защитниковъ самостоятельности мѣстныхъ соборовъ и митрополитовъ; патріархъ Фотій, самый ученый человѣкъ своего времени. Тѣмъ не менѣе, Николай I съумѣлъ придать такой блескъ папству, какого оно не имѣло цѣлыхъ 500 лѣтъ, со времени Льва I, а блестящее прошлое имѣетъ огромное значеніе въ жизни всякаго учрежденія. За такой успѣхъ своей дѣятельности Николай I былъ обязанъ тѣмъ личнымъ свойствамъ, которыми одарила его природа, и тому направленію, какое придавали имъ папскія традиціи.

Николай I обладалъ желѣзною волей и независимымъ характеромъ, а тогдашнее, сравнительно независимое положеніе св. Престола не препятствовало полному проявленію его самостоятельности. Ему не было унизительной необходимости противъ совѣсти восхвалять злодѣевъ и противъ убѣжденія ставить на недосягаемую высоту свѣтскую власть, какъ это приходилось дѣлать великому Григорію. Гордые идеалы папства, которые теперь не сокрушались неумолимою дѣйствительностью, были по натурѣ Николаю I, и онъ вполнѣ ими проникся. Всякія теоретическія сомнѣнія и колебанія, и во-

обще крайне рѣдкія на св. Престолѣ, были совершенно недоступны этому папѣ. Его мало интересовали даже отвлеченные богословскіе вопросы. Это былъ умъ практическій, къ тому же, весьма неглубоко затронутый образованіемъ. Когда греческіе противники папы называли латинскій языкъ варварскимъ, то Николай I нашелъ только одинъ аргументъ въ защиту родной рѣчи, именно, что на крестѣ Спасителя была сдѣлана надпись и по-латыни. Зато необширный кругъ тогдашнихъ церковныхъ идей папа усвоилъ умомъ и сердцемъ и на проведеніе ихъ въ жизнь посвятилъ всѣ свои выдающіяся способности и всю могучую энергію.

Дѣятельность Николая I сводится къ достиженію двухъ главныхъ цѣлей: къ господству папы надъ христіанскою церковью и къ господству духовной власти надъ свѣтской. Главными его противниками въ первомъ случаѣ являются архіепископы и соборы, и папа одерживаетъ надъ ними блестящую побѣду. Николай I не признаетъ никакого самостоятельнаго значенія за соборомъ. „Выше папы нѣтъ авторитета, – пишетъ онъ византійскому императору,—и никто не можетъ его судить... Привилегіи апостольскаго престола даны ему Богомъ, а не соборомъ". „Соборъ,—по его словамъ,—получаетъ свою силу только отъ власти и санкціи св. Престола". Если же его постановленія не подтверждены папой или если онъ созванъ безъ его согласія, то такое собраніе не можетъ быть и названо соборомъ. Соборъ, по мысли Николая I, ничто иное, какъ простое орудіе папы, одинъ изъ органовъ его власти. „Если ваши рѣшенія сообразны съ справедливостью,—пишетъ онъ членамъ собора въ Метцѣ, – мы возблагодаримъ Бога; въ противномъ случаѣ мы прикажемъ вамъ снова возобновить обсужденіе дѣла". Совершенно естественно и послѣдовательно держался папа такихъ же воззрѣній на значеніе митрополитовъ. Они должны быть только истолкователями и исполнителями постановленій римской церкви. „Продолжайте просвѣщаться свѣтомъ апостольскаго престола, — пишетъ Николай I одному архіепископу, — будьте всегда соединены съ нимъ мыслью, идите путями его и считайте преступнымъ всякое другое направленіе". Такія воззрѣнія не оставались въ устахъ папы теоріей,—онъ съумѣлъ провести ихъ въ жизнь. Архіепископъ Равенн-

скій пытался возобновить притязанія своихъ предшественниковъ. Николай I, несмотря на ходатайство императора, отлучилъ его отъ церкви и лично отправился въ Равенну, чтобы привести въ исполненіе свой приговоръ. Прелатъ вынужденъ былъ смириться, и папа приказалъ ему ежегодно являться въ Римъ и не посвящать безъ особаго разрѣшенія ни одного епископа. Такъ же энергично провелъ свою волю Николай I при столкновеніи съ знаменитымъ на всемъ сѣверѣ Гинкмаромъ Реймсскимъ. Этотъ архіепископъ на соборѣ въ Санлисѣ лишилъ каѳедры епископа Ротада. Тотъ апеллировалъ папѣ, но Гинкмаръ, несмотря на это, заключилъ его въ монастырь. Тогда Николай I потребовалъ къ себѣ весь процессъ; противники Ротада не явились и не пускали въ Римъ осужденнаго. Папа принялъ вызовъ и началъ борьбу. Въ цѣломъ рядѣ писемъ онъ убѣждалъ епископовъ и Карла Лысаго свято сохранять привилегіи св. Престола, безъ которыхъ, по его мнѣнію, не могли существовать ни церковь, ни государство. Споръ все разгорался; въ дѣло вмѣшалась жена Карла. Въ двухъ письмахъ убѣждала она папу предоставить Ротада его судьбѣ. Отвѣтъ Николая I даетъ понять, въ чемъ заключался отчасти успѣхъ этого папы. „Если въ вашемъ государствѣ,— писалъ онъ королевѣ, — какой-нибудь несчастный, называя себя жертвой несправедливости, будетъ просить у васъ помощи, то вы не отвергнете его просьбы. Какъ же думаете вы убѣдить насъ остаться глухими къ голосу нашего брата?“ Гинкмаръ смирился, и Ротадъ былъ возстановленъ на своей каѳедрѣ.

Стремленіе къ духовному господству приводило къ столкновенію съ свѣтскою властью, и папа не остановился передъ новою борьбой. Вопросъ объ утвержденіи императорами папскихъ выборовъ, который причинялъ столько хлопотъ предшественникамъ Николая I, былъ рѣшенъ имъ очень просто: папа возобновилъ анаѳему, которая была наложена за такое вмѣшательство еще при Одоакрѣ. Общая точка зрѣнія Николая I на отношеніе свѣтской и духовной власти съ необычайною ясностью и смѣлостью была формулирована имъ въ письмѣ къ одному епископу: „Хорошо изслѣдуйте, что тѣ короли и князья, подданными которыхъ вы себя называете, дѣйствительно ли короли и князья? Изслѣдуйте, хорошо ли они управляютъ, прежде всего, самими

собой, а потомъ своими народами, и царствуютъ ли они по праву, потому что иначе на нихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на тирановъ, и мы должны не подчиняться, а сопротивляться имъ. Не возставать противъ нихъ значило бы поблажать ихъ порокамъ". Но если повиновеніе государю поставлено въ зависимость отъ личнаго усмотрѣнія епископа, простого орудія папы, то само собою разумѣется, что намѣстникъ св. Петра выше этой обязанности. Такому взгляду Николай I остался вполнѣ вѣренъ въ знаменитомъ дѣлѣ Вальдрады.

Лотарь, король лотарингскій, братъ императора Людовика II, удалилъ отчасти изъ политическихъ, отчасти изъ личныхъ соображеній свою жену Теутбергу и взялъ вмѣсто нея нѣкую Вальдраду, отъ которой раньше имѣлъ сына. Соборъ въ Аахенѣ, гдѣ главную роль играли архіепископы Кельнскій и Трирскій, по постороннимъ побужденіямъ одобрилъ совершившійся фактъ, возвелъ на Теутбергу небывалыя преступленія и объявилъ ея соперницу законною супругой Лотаря, а ея сына наслѣдникомъ престола. Такіе эпизоды происходили тогда часто, но оскорбленная королева обратилась за помощью къ папѣ, и Николай I во имя справедливости горячо вступился за обиженную женщину. Старый приговоръ былъ отмѣненъ, и дѣло перенесено на новый соборъ, куда отправлены были папскіе легаты. Но королева, благодаря подкупу, проиграла и здѣсь. Тогда Николай I отлучилъ отъ церкви и Вальдраду, и своихъ легатовъ, и двухъ архіепископовъ. Эти послѣдніе обратились съ жалобой къ императору, и Людовикъ II съ войскомъ двинулся на Римъ, чтобы заставить папу отмѣнить свое рѣшеніе. Но страхъ и уступчивость были незнакомы Николаю I: онъ не выслалъ обычной торжественной встрѣчи императору, не пошелъ къ нему, когда тотъ поселился въ Римѣ, а назначилъ цѣлый рядъ церковныхъ процессій, чтобы громко на улицѣ умолять Бога о защитѣ праваго дѣла противъ неправильно поступающаго императора. Такое поведеніе раздражало Людовика II и его свита стала позволять себѣ насилія. Сторонники отлученныхъ архіепископовъ силою ворвались въ храмъ св. Петра, чтобы положить на алтарѣ проклятіе папѣ, императорская свита нападала на процессіи, топтала иконы, разбила, между прочимъ, чудотворный крестъ, въ которомъ, по пре-

данію, заключена была часть подлиннаго животворящаго креста. Но оскорбленіе святыни только болѣе выдвигало безкорыстную справедливость папы. Заговорили о чудесахъ, оправдывавшихъ поведеніе Николая I, объясняли болѣзнь захворавшаго императора божественною карой... Людовикъ II наружно, по крайней мѣрѣ, примирился съ папой; упорные архіепископы смирились, и легатъ Николая I торжественно ввелъ Теутбергу въ домъ ея мужа и вывелъ изъ дворца ея соперницу.

Приложеніе принциповъ своей политики Николай I не ограничивалъ Западомъ и по поводу извѣстнаго дѣла Фотія громко провозгласилъ ихъ на Востокѣ. Византія простила папамъ средневѣковую имперію и императоръ Михаилъ III подарилъ предшественнику Николая I драгоцѣнное евангеліе. Эти отношенія совершенно измѣнились, когда Михаилъ самовольно замѣнилъ патріарха Игнатія Фотіемъ и обратился къ папѣ за подтвержденіемъ перемѣны. Николай I послалъ на мѣстный соборъ своихъ легатовъ; но ихъ легко подкупили въ Константинополѣ. Тогда папа потребовалъ дѣло въ Римъ и здѣсь оправдалъ Игнатія и проклялъ Фотія, когда онъ отказался подчиниться его рѣшенію. Борьба и въ этомъ случаѣ не ограничилась взаимными проклятіями и богословскими спорами, хотя эти послѣдніе имѣли важное значеніе, выяснивши замѣтно выросшую разницу между обѣими церквами. Николай I дѣйствовалъ рѣшительно: византійскіе миссіонеры были вытѣснены папскими изъ Болгаріи, а славянскіе просвѣтители, по папскому приказанію, отправились въ Римъ. Въ свою очередь Фотій задумалъ грандіозный планъ. Онъ вошелъ въ сношеніе съ недовольными папой западными архіепископами, чтобы совмѣстно осудить Николая I, и формально призналъ Людовика II императоромъ, чтобы заставить его выгнать папу изъ Рима. Но затѣя Фотія разбилась о твердый авторитетъ римскаго епископа на Западѣ, и самъ онъ былъ низвергнутъ преемникомъ Михаила III, льстивое письмо котораго къ папѣ не застало уже въ живыхъ Николая I.

Біографъ Николая I называетъ этого папу „Божьимъ атлетомъ“; дѣйствительно, это былъ борецъ, блестящія побѣды котораго были одержаны, главнымъ образомъ, благодаря его могучимъ

духовнымъ и преимущественно нравственнымъ силамъ его личности. Свѣтская власть не оказала, да и не могла оказать ему существеннаго содѣйствія, потому что ея было недостаточно для борьбы съ политическими противниками. Его единственнымъ оружіемъ было отлученіе отъ церкви. Правда, самый обрядъ этого церковнаго дѣйствія производилъ сильное впечатлѣніе. Отлученіе произносилъ епископъ, окруженный 12 священниками, или самъ папа съ 12 епископами, которые держали зажженныя свѣчи. Когда проклятіе произнесено, священники бросали на полъ свѣчи и топтали ихъ ногами. Сама формула составлена была въ чрезвычайно сильныхъ выраженіяхъ, весьма мало соотвѣтствовавшихъ, впрочемъ, ученію любви и милосердія. „Да будетъ проклятъ во имя Отца, Сына и Св. Духа, во имя всѣхъ ходатаевъ,—такъ начиналась формула.—Да будетъ проклятъ, гдѣ бы ни находился, въ домѣ или въ полѣ; да будетъ проклятъ, что бы ни дѣлалъ, живой или мертвый, во время сна или бодрствованія, въ трудѣ и отдыхѣ (далѣе перечисляются всевозможныя дѣйствія человѣка); да будетъ проклятъ во всѣхъ силахъ своей души, во всѣхъ органахъ своего тѣла; да будетъ проклятъ отъ темени головы до подошвы ногъ“. Ужасныя слова, сопровождаемыя импозантнымъ обрядомъ, должны были дѣйствовать на религіозныхъ людей; но это оружіе всегда было въ рукахъ у римскаго епископа и имъ однимъ нельзя объяснить успѣховъ Николая I: наряду съ религіей ему помогалъ высокій нравственный авторитетъ. Защита Теутберги показываетъ, на какую опасную и тяжелую борьбу способенъ былъ этотъ папа во имя одной любви къ справедливости, безъ всякихъ корыстныхъ разсчетовъ. И это былъ не единственный случай. Нравственный характеръ Николая I внушалъ глубочайшее уваженіе: къ нему смѣло обращался всякій обиженный, всякій, кто потерпѣлъ несправедливость, и голосъ римскаго епископа получалъ въ глазахъ большинства значеніе безапелляціоннаго нравственнаго приговора. Побѣды Николая I одержала та сила, которою въ наше время обладаетъ неизвѣстное среднимъ вѣкамъ общественное мнѣніе.

V.

Причины политическаго и нравственнаго паденія папства въ IX—XI столѣтіяхъ.—Вліяніе на св. Престолъ упадка имперіи и усиленія феодализма.—Зависимость папъ отъ римскихъ бароновъ и ея моральныя послѣдствія.—Ослабленіе вліянія аскетическихъ идеаловъ.—Бенедиктъ IX.

Вторая половина IX вѣка, весь X и половина XI составляютъ позорнѣйшія страницы въ исторіи „непогрѣшимыхъ" намѣстниковъ Христа. Это было время такого паденія папства, какого оно еще никогда не переживало. Ужасы варварскихъ нашествій, бѣдствія византійскаго господства были только внѣшними несчастіями, отъ которыхъ страдали римскіе епископы, но росло и крѣпло папство. Теперь при недостойныхъ папахъ на краю гибели находилось самое учрежденіе. Съ Григорія I до Николая I геройская защита папскихъ принциповъ была традиціей св. Престола; въ эту эпоху одичалый развратъ римскихъ епископовъ подрывалъ авторитетъ самой церкви. Благочестивые католики называютъ ее такимъ именемъ, которое нельзя употребить въ печати, и это названіе въ историческихъ изслѣдованіяхъ прилагалось иногда ко всему періоду. Причины такого ужаснаго паденія заключались въ томъ, что были расшатаны обѣ главныя основы папства: свѣтская власть римскаго епископа и нравственная сила аскетическаго идеала.

Знаменитый даръ Пипина, внесшій такъ много противорѣчій въ понятіе о церкви, поставилъ преемниковъ св. Петра въ чрезвычайно затруднительное положеніе передъ преемниками цезарей.

Отношеніе папъ къ средневѣковой имперіи двоилось: они признавали ее однимъ только принципомъ, простою фикціей, когда дѣло шло о ея правахъ на Римъ и церковныя владѣнія; они хотѣли видѣть ее могучею реальною силой, когда дѣло шло объ обязанности императоровъ защищать патримоніи св. Петра. Могущественный глава политическаго міра, въ одно и то же время, и опасенъ, и необходимъ для церковной независимости. Поэтому папы борятся съ силь-

ными императорами и поддерживаютъ слабыхъ, потому что сознаютъ что пораженіе имперіи повлечетъ за собою и паденіе независимости св. Престола. Николай I искусно вышелъ изъ этого противорѣчія: пусть императоръ будетъ силенъ по отношенію ко всему міру; но пусть онъ употребляетъ свою силу на служеніе церкви въ зависимости отъ ея главы. Политическій владыка міра долженъ получать свою власть отъ папы и быть его послушнымъ орудіемъ. На эту точку зрѣнія и удалось римскимъ епископамъ поставить послѣднихъ Каролинговъ. Людовикъ II прямо выводилъ свою власть изъ „помазанія и возложенія рукъ папы"; его преемники были еще послушнѣе; но римскіе епископы не могли извлечь изъ этого никакой пользы: ихъ защитники сами нуждались въ защитѣ. Папа Іоаннъ VIII короновалъ Карла Лысаго императоромъ и прямо объявилъ его своимъ созданіемъ. Дѣйствительно, жалкій король западныхъ франковъ, который дома дрожалъ и передъ норманами, и передъ вассалами, давалъ всевозможныя обѣщанія папѣ. Іоаннъ VIII сознавалъ необходимость апостольскимъ авторитетомъ помочь своей креатурѣ. На торжественномъ соборѣ онъ провозгласилъ, что избраніе Карла Лысаго было предопредѣлено Богомъ ранѣе сотворенія міра, что новый императоръ спасетъ все человѣчество, какъ нѣкогда Іосифъ спасъ отъ голода Египетъ. Но въ это время распространился слухъ, что приближается другой претендентъ на императорскую корону. Спаситель міра постыдно бѣжалъ, а папа былъ захваченъ въ плѣнъ и цѣлый мѣсяцъ находился подъ арестомъ. Послѣдующіе императоры были еще ничтожнѣе; корона Карла Великаго сдѣлалась игрушкой въ рукахъ мелкихъ честолюбцевъ, да и тѣ цѣнили ее не особенно высоко. Въ первой четверти X вѣка маркграфиня Иврейская безъ малѣйшаго сопротивленія сняла ее съ головы одного изъ своихъ обожателей и отдала сводному брату. Современники называли веселую красавицу и Еленой, и Клеопатрой; но ея любовь была куплена недорогою цѣной, потому что вслѣдъ за этимъ цѣлыхъ 37 лѣтъ не находилось ни одного претендента на императорскій престолъ. Историческая дѣйствительность свела къ нулю грандіозный замыселъ Карла Великаго. Съ паденіемъ имперіи папамъ представлялась, повидимому, полная возможность не только

осуществить теократическую монархію въ церковныхъ владѣніяхъ, но и объединить подъ своею властью около Рима всю Италію. Свѣтская власть не встрѣчала теперь ограниченія со стороны императора; ближайшіе сосѣди не представляли ни малѣйшей опасности, потому что сѣверъ и югъ Италіи принадлежали мелкимъ владѣтелямъ, которые вели между собою непрерывныя войны. Нѣкогда страшный врагъ, арабы ограничивались грабежомъ и, наконецъ, были совсѣмъ вытѣснены изъ Италіи. Казалось, все благопріятствовало усиленію власти римскаго епископа; между тѣмъ, въ дѣйствительности имперія увлекла въ своемъ паденіи и папство.

Процессъ феодализаціи, подрывавшій власть королей, сохранилъ свою силу и во владѣніяхъ св. Петра. Какъ свѣтскіе владѣтели, папы раздѣляли участь тогдашнихъ государей. Происходя по большей части изъ среды римской знати, они раздавали въ наслѣдственную аренду обширныя церковныя патримоніи своимъ родственникамъ и друзьямъ, которые становились потомъ ихъ феодальными владѣльцами съ весьма слабою и чисто номинальною зависимостью отъ св. Престола. При Каролингахъ сдѣлалось обычаемъ отдавать монастыри и церкви въ ленное владѣніе не только епископамъ, но также графамъ и знатнымъ женщинамъ. Позже такая политика становилась неизбѣжной: на Италію начали дѣлать почти непрерывные разбойничьи набѣги то арабы, то венгры, и папы должны были отдавать въ феодальное владѣніе церковную собственность, чтобы обезпечить ей болѣе надежную защиту со стороны сильныхъ бароновъ. Феодализація проникаетъ въ церковь все глубже и глубже. Архіепископы и епископы въ свою очередь вынуждены раздавать съ этою же цѣлью воинственному дворянству замки и помѣстья, которые становятся постепенно ихъ наслѣдственнымъ владѣніемъ. Такимъ образомъ, свѣтская власть св. Престола была окончательно обезсилена феодальнымъ раздробленіемъ. Въ концѣ X в. архіепископъ Равенны, столь долго и тщетно стремившійся къ независимости, безъ особеннаго труда сдѣлался почти самостоятельнымъ государемъ: получилъ право чеканить монету, собирать подати, а также высшую юрисдикцію. Такія права розданы были и еще нѣкоторымъ прелатамъ, такъ что пре-

емнику св. Петра остался почти только Римъ; но и здѣсь онъ утратилъ прежнее значеніе.

Какъ ни слабы были короли этой эпохи, положеніе римской теократіи было несравненно хуже. Престолъ св. Петра не могъ сдѣлаться наслѣдственнымъ, и его замѣщали по выбору. Такая система ставила римскаго епископа въ полную зависимость отъ избирателей, интересы которыхъ не совпадали болѣе съ интересами папства. Въ Римѣ давно уже развилась сильная знать, которая хотѣла такъ же хозяйничать въ священномъ городѣ, какъ другіе бароны хозяйничали въ прочихъ городахъ Италіи. Забота объ усиленіи св. Престола не соотвѣтствовала такимъ стремленіямъ, и знать безъ особеннаго труда сдѣлала преемниковъ св. Петра жалкою игрушкой въ своихъ рукахъ, простымъ орудіемъ своихъ личныхъ стремленій. На папскій престолъ возводили только неопасныхъ для знати людей, т.-е. или совершенныхъ ничтожностей, или лицъ, лишенныхъ всякаго нравственнаго авторитета. Если выборъ почему-нибудь оказывался неудачнымъ, то папу свергали, а еще чаще лишали жизни. Со стороны низшихъ классовъ городского населенія пока незамѣтно никакого протеста: независимая отъ знати толпа не чувствовала уваженія къ дворянскимъ креатурамъ на св. Престолѣ, а, кромѣ того при смерти каждаго папы ей отдавали на разграбленіе его дворецъ. Поэтому смерть преемника св. Петра встрѣчалась съ необычайною радостью и сопровождалась народнымъ праздникомъ вродѣ карнавала. Римская теократія грозила перейти въ аристократическую олигархію; но этому помѣшали непрерывные раздоры среди знатныхъ фамилій, которые чрезвычайно гибельно отзывались на папствѣ. Побѣдители непремѣнно желали имѣть на св. Престолѣ своего сторонника, а такъ какъ побѣды быстро смѣнялись пораженіями, то и каѳедра св. Петра чрезвычайно часто дѣлалась вакантной. Въ началѣ X в., наприм., въ теченіе 8 лѣтъ было 8 папъ, изъ которыхъ большая часть подверглась задушенію. Иногда среди дикой анархіи свирѣпыхъ бароновъ выдѣлялась какая-нибудь личность, которая на болѣе или менѣе продолжительное время захватывала власть въ Римѣ; тогда папы изъ игрушки олигархіи дѣлались орудіемъ тираніи. Такъ, въ X вѣкѣ три женщины — Ѳеодора и ея дочери Марозія и тоже Ѳеодора,

благодаря родственнымъ и другимъ связямъ, пріобрѣтаютъ огромное вліяніе въ Римѣ. Это были безграмотныя красавицы, не скрывавшія своего легкомыслія, что не мѣшало имъ произвольно распоряжаться престоломъ св. Петра. Папа Сергій III принадлежалъ къ числу поклонниковъ Марозіи, а послѣ его смерти старшая Ѳеодора возвела въ Христовы намѣстники 20-тилѣтняго красавца Іоанна X. Но этому фавориту не посчастливилось: Марозія приказала его задушить и сдѣлала папой своего сына отъ Сергія III, которому тогда было тоже только 20 лѣтъ. Новый преемникъ св. Петра во всемъ слушался своей матери, и западною церковью открыто управляла недостойная женщина. Дальнѣйшій ходъ дѣла мало измѣнилъ положеніе св. Престола. Другой сынъ Марозіи, Альберихъ, захвативши въ свои руки господство надъ Римомъ, посадилъ въ тюрьму мать и лишилъ свѣтской власти своего брата-папу. Около 20 лѣтъ римскій епископъ оставался только духовнымъ главой церкви, потому что Альберихъ былъ настоящимъ государемъ Рима и правилъ отъ своего имени. Папство вернулось къ тому состоянію, въ которомъ оно находилось до половины VIII столѣтія, и это было не въ ущербъ св. Престолу. Правда, преемники св. Петра были креатурами тирана; но Альберихъ въ нравственномъ отношеніи стоялъ нѣсколько выше моральнаго уровня римской знати, и на апостольской каѳедрѣ прекращаются на нѣкоторое время вопіющія безобразія. Передъ смертью Альберихъ посадилъ на папскій престолъ своего 16-тилѣтняго сына, который унаслѣдовалъ отъ отца и свѣтскую власть. Св. Престолъ снова сталъ играть печальную роль пассивнаго орудія тираническихъ и олигархическихъ вожделѣній. Независимость выборовъ, къ которой такъ пламенно стремились римскіе епископы, сдѣлалась одною изъ причинъ паденія ихъ авторитета, и не только политическаго, но и моральнаго.

Тѣсная связь папъ съ одичавшими баронами повела къ одичанію и преемниковъ св. Петра. Чтобы составить себѣ представленіе, до какой грубости доходили политическія страсти на св. Престолѣ, достаточно слѣдующей сцены. Стефанъ VI чувствовалъ непримиримую злобу къ одному изъ своихъ предшественниковъ — Формозу, который уже 9 мѣсяцевъ лежалъ въ могилѣ. Тѣмъ не

менѣе, онъ назначилъ судъ надъ покойникомъ за узурпацію св. Престола. Былъ созванъ торжественный соборъ, въ составъ котораго входили самыя выдающіяся духовныя лица Рима и его окрестностей. Уже загнившій трупъ Формоза вытащили изъ могилы, одѣли въ папское облаченіе и посадили на тронъ въ залѣ соборныхъ засѣданій. Начался формальный судъ; мертвецу назначили адвоката, и представитель папы предъявилъ свои обвиненія, заключавшіяся въ томъ, что Формозъ, вопреки каноническимъ постановленіямъ, перешелъ съ епископской каѳедры въ Порто на престолъ св. Петра. Трепещущій защитникъ не рѣшился привести въ оправданіе своего мертваго кліента примѣръ Стефана VI, который тоже прежде былъ епископомъ въ Ананьи и даже получилъ посвященіе отъ подсудимаго. Мертвеца осудили, сорвали съ него папскія одежды, отрубили три пальца правой руки, которыми онъ раздавалъ благословеніе, съ каннибальскими воплями ногами вытолкали искалѣченный трупъ изъ залы засѣданія, протащили его по улицамъ Рима и бросили въ Тибръ. И современникамъ было ясно, что для спасенія папства необходимо, прежде всего, устранить отъ св. Престола гибельное вліяніе бароновъ. Папскіе выборы нуждались въ коренной реформѣ; но одного этого было недостаточно. Крайній нравственный упадокъ римскихъ епископовъ зависѣлъ отъ болѣе глубокой причины, которая непосредственно дѣйствовала и на преемника св. Петра, и на его свѣтскихъ и духовныхъ избирателей. Расшатались аскетическіе идеалы и временно утратили свое вліяніе на общественное настроеніе.

Идеалы аскетическаго подвижничества только въ исключительныя эпохи глубоко захватывали общество. Когда наружный блескъ и внѣшняя сутолока отживающихъ культурныхъ формъ, уже утратившихъ жизненную силу, создавали пресыщеніе неглубоко захватывающими наслажденіями, то появлялось стремленіе къ отреченію отъ міра съ его утомительнымъ, надоѣвшимъ шумомъ, обнаруживалось тяготѣніе къ спокойному, созерцательному уединенію. Когда съ такимъ настроеніемъ совпадаетъ появленіе новой религіи, оно вызываетъ глубокое одушевленіе, настоящій религіозный энтузіазмъ. Такое же вліяніе имѣли общественныя несчастія, которыя происходили отъ

внѣшнихъ враговъ или отъ внутреннихъ безпорядковъ. Реальныя бѣдствія, которыя и въ будущемъ обѣщали одни безъисходныя страданія, вызывали отвращеніе къ міру, заставляли искать утѣшенія въ надеждахъ на загробное блаженство, которое, по общему вѣрованію, легче всего достигалось аскетическими подвигами. Неувѣренный въ завтрашнемъ днѣ человѣкъ страстно хотѣлъ обезпечить себѣ прочное будущее въ безконечной жизни за гробовою доскою. Спасительное „memento mori“ тогда чрезвычайно ясно держалось въ сознаніи, потому что на эту мысль наталкивала повседневная дѣйствительность. Для Рима и Италіи IX и X столѣтій такое настроеніе было уже пережитымъ состояніемъ. По крайней мѣрѣ, феодальная знать и тѣсно связанное съ нею высшее духовенство чувствовали себя господами положенія среди довольно хаотическаго состоянія тогдашняго общества. Набѣги арабовъ и мадьяръ не представляли и сотой доли той опасности, какою грозило нѣкогда нашествіе варваровъ, а изъ анархіи сильные бароны и епископы извлекали только выгоды. Религіозное одушевленіе ослабѣло, и аскетическое движеніе не могло извлекать болѣе питательныхъ соковъ изъ общественнаго настроенія. Наступила реакція, которая въ духовенствѣ получила крайне рѣзкія формы, благодаря особенностямъ самаго идеала. Монахъ и подражавшій ему епископъ должны были не только подчинять плоть духу, но подавлять въ себѣ всѣ потребности нашей природы. Въ моменты крайняго религіознаго энтузіазма возможно такое напряженіе, когда одна идея, одно стремленіе цѣликомъ поглощаетъ человѣка, заставляетъ умолкать самыя основныя требованія нашего существа. Но въ обычное время подобная борьба непосильна и аскетъ по обязанности начинаетъ уклоняться отъ своего формальнаго идеала. Безсиліе примирить жизнь съ моральными требованіями, рѣзкое противорѣчіе между идеаломъ и дѣйствительностью толкали страстныя натуры среди тогдашняго духовенства въ противоположныя аскетизму крайности, и тѣ люди, которые въ эпоху религіознаго энтузіазма увлекали бы другихъ къ подвижничеству, теперь развращали монашество. Невозможность выполнить суровыя требованія аскетической морали дѣлала ее пустымъ звукомъ, пріучала игнорировать ее въ жизни, и духовенство и монашество за-

бывали свои обѣты и пользовались своимъ положеніемъ для болѣе удобнаго наслажденія тѣми удовольствіями, отъ которыхъ формально отрекались. Вслѣдствіе этого, въ образѣ жизни между епископами и баронами не было никакой разницы. Ратерій, веронскій епископъ X вѣка, хорошо знавшій своихъ сотоварищей, живо рисуетъ ихъ жизнь. Прелаты, —по его словамъ, —живутъ въ княжескихъ дворцахъ, которые блестятъ золотомъ, шелкомъ и пурпуромъ. Они наслаждаются изысканными кушаньями на золотыхъ блюдахъ и цѣнными винами въ дорогихъ кубкахъ. Во время пировъ ихъ слухъ ласкаютъ музыкальныя „симфоніи", ихъ зрѣніе услаждаютъ очаровательныя танцовщицы. Ночи проходятъ въ разгулѣ, а поздно начинающіеся дни прелаты проводятъ на охотѣ. Со шпорами на ногахъ и съ кинжаломъ за поясомъ служатъ они на скорую руку обѣдню, чтобы, не теряя времени, отправиться верхомъ на конѣ на соколиную или псовую охоту. Еще въ худшемъ состояніи находились монастыри. Огромныя богатства, составленныя изъ благочестивыхъ пожертвованій государей и частныхъ лицъ, давали монахамъ полную возможность коротать праздное время необузданнымъ разгуломъ, и нѣкогда святыя обители сдѣлались вертепами невообразимыхъ преступленій. Поражающимъ примѣромъ глубочайшаго паденія монашества можетъ служить исторія монастыря Фарфа, находившагося въ средней Италіи. Это была старинная и богатая обитель, пользовавшаяся обширными привилегіями. Въ половинѣ X вѣка два монаха отравили своего аббата и захватили въ свои руки монастырь. Но одинъ изъ нихъ вынужденъ былъ бѣжать, а другой, по имени Кампо, сдѣлался аббатомъ Фарфы. Тогда началась своеобразная секуляризація иноческой обители. Кампо женился; его примѣру послѣдовали и другіе монахи. Монастырь опустѣлъ. Его прежніе обитатели поселились съ семьями въ сосѣднихъ деревняхъ и только по воскресеньямъ собирались въ обитель, чтобы похитить что нибудь изъ ея драгоцѣнностей. Начался настоящій грабежъ церковной собственности. Постарѣвшій Кампо формально роздалъ монастырскія помѣстья своему многочисленному потомству, а простые монахи расхищали дорогія облаченія и священные сосуды, чтобы сдѣлать изъ нихъ дамскіе наряды и украшенія... Такъ дѣло тянулось десятки

лѣтъ, пока, наконецъ, явился съ войскомъ Альберихъ и разогналъ хищниковъ.

Современники увѣряютъ, что глубокое нравственное паденіе представителей западной церкви X вѣка сопровождалось невѣріемъ и что даже на св. Престолѣ возсѣдали язычники, какъ, наприм., Іоаннъ XII, сынъ Альбериха. Дѣйствительно, поведеніе этого папы могло дать поводъ къ такимъ подозрѣніямъ. Шестнадцатилѣтній преемникъ св. Петра былъ страстный охотникъ и азартный игрокъ. Для игры нужно было много денегъ, и у римскаго епископа было все продажно: наприм., за приличное вознагражденіе Іоаннъ XII посвятилъ въ епископы 10-тилѣтняго ребенка. Къ церковнымъ дѣламъ онъ чувствовалъ глубокое равнодушіе, почти презрѣніе: посвятить дьякона въ конюшнѣ ему не казалось непозволительнымъ; а во время игры въ кости онъ любилъ взывать о помощи къ Юпитеру и Венерѣ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Іоаннъ XII былъ убѣжденнымъ язычникомъ; но едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что папа относился къ религіи съ полнымъ индифферентизмомъ, а, можетъ быть, и съ открытымъ невѣріемъ. Такое настроеніе возможно для тогдашней Италіи и вытекало изъ современныхъ нравовъ. Аскетическій идеалъ тогда понимался какъ сущность христіанскаго ученія, и его практическое отрицаніе естественно влекло за собою религіозный индифферентизмъ и уничтожило живую вѣру. Но это не былъ скептицизмъ развитого ума, который путемъ философской работы пришелъ къ религіознымъ сомнѣніямъ и отрицанію. Невѣріе X вѣка было результатомъ торжествующей чувственности, неумѣнья и безсилія замѣнить аскетизмъ идеалами иной морали, результатомъ полной неспособности къ отвлеченной мысли. Это невѣріе было порождено мракомъ глубочайшаго невѣжества и отлично уживалось съ самыми грубыми суевѣріями.

Въ Италіи и Римѣ давно уже перестало развиваться то церковное просвѣщеніе, основаніе которому положили Левъ I и Григорій I. Но традиціи великихъ папъ еще въ IX столѣтіи находили продолжателей въ Британіи и во Франціи; въ X вѣкѣ такой глубокій мракъ распространяется по всему Западу, что церковная наука не можетъ назвать ни одного выдающагося имени. Твердо усвоено

только отвращеніе Григорія I къ языческимъ писателямъ; но оно распространено теперь и на всякое просвѣщеніе. Проповѣдь невѣжества является открытою доктриной св. Престола. „Намѣстники Петра и его ученики,— говорилъ одинъ папскій легатъ на соборѣ,— не хотятъ имѣть своими учителями ни Платона, ни Виргилія, ни Теренція, ни прочихъ скотовъ-философовъ" (neque ceteros pecudes philosophorum). Апостолъ Петръ—непросвѣщенный человѣкъ, но это не мѣшаетъ ему быть небеснымъ привратникомъ. Вообще, по мнѣнію легата, „Богъ отъ начала міра предъизбралъ не философовъ и ораторовъ, но безграмотныхъ и необразованныхъ". При такомъ отношеніи къ просвѣщенію религія легко извращалась въ самое грубое суевѣріе. Въ Веронѣ, по словамъ современника, распространился однажды слухъ, что въ ближайшій понедѣльникъ самъ архангелъ Михаилъ будетъ служить обѣдню въ одной изъ мѣстныхъ церквей, и нелѣпая басня привлекла на богомолье весь городъ. Опасность крайне матеріальнаго пониманія христіанской святыни, заключавшаяся въ чрезмѣрно развитомъ культѣ реликвій, съ полною наглядностью обнаружилась въ эту эпоху. Такъ, когда св. Ромуальдъ, еще при жизни пользовавшійся репутаціей несомнѣннаго праведника, грозилъ удалиться за Альпы, то имѣли въ виду подослать къ нему убійцъ, чтобы такимъ образомъ сохранить для Италіи его святыя мощи. Болѣе грубое искаженіе высокаго ученія Христа едва ли можно себѣ и представить.

Но среди этого непроницаемаго умственнаго мрака обнаруживаются первыя чрезвычайно слабыя, едва замѣтныя начала того могущественнаго движенія, которое 400 лѣтъ спустя нанесло первый роковой ударъ папству. Пробуждается интересъ къ классической литературѣ и появляются первые признаки раціонализма. Ратерій веронскій и его благочестивые современники утверждаютъ, что многіе епископы стыдились читать житія святыхъ, не хотѣли знать священнаго писанія и церковной литературы, а упивались языческими писателями, считали Виргилія, Горація и Ювенала боговдохновенными поэтами. Къ сожалѣнію, эти извѣстія не вполнѣ надежны и недостаточно ясны. Популярность языческихъ писателей, по всей вѣроятности, сильно преувеличена съ полемическими цѣлями; а кромѣ

того, изъ этихъ показаній не видно, какъ относились и чего искали грѣховные читатели античной литературы. Забавляли ли ихъ языческіе поэты занимательною фабулой и живымъ изображеніемъ подходящихъ чувствъ и настроеній, или они думали найти въ древней литературѣ опору для сознательной борьбы противъ неудовлетворявшихъ ихъ аскетическихъ идеаловъ, какъ это было позже, въ эпоху Ренесанса. Во всякомъ случаѣ, движеніе было очень слабо и захватило весьма немногихъ, потому что никогда не истреблялось столько манускриптовъ древнихъ писателей, какъ въ эту эпоху. Съ покореніемъ арабами Египта, доставлявшаго папирусъ, въ Европѣ наступила скудость въ письменномъ матеріалѣ, и невѣжественные монахи усердно стирали сочиненія классиковъ съ стараго пергамента, чтобы писать на немъ молитвы и легенды. Интересъ къ античной литературѣ не имѣлъ замѣтныхъ результатовъ; то же самое можно сказать и о раціонализмѣ, возникшемъ на почвѣ богословской литературы. Его единственнымъ представителемъ былъ писатель второй половины IX вѣка Іоаннъ Скоттъ Эригена. Культурное значеніе философіи Эригены заключается въ его ученіи о взаимномъ отношеніи разума и религіознаго авторитета. „Истинный авторитетъ, — говоритъ онъ, — не противорѣчитъ истинному разуму, и наоборотъ. Оба они проистекаютъ изъ одного и того же источника — божественной мудрости". По воззрѣнію Эригены, разумъ даже выше авторитета, потому что всякій авторитетъ нуждается въ его подтвержденіи. Такимъ образомъ, разумъ является критеріемъ религіозной истины. Эти воззрѣнія, въ самомъ корнѣ подрывавшія папство и выходившія даже далеко за предѣлы христіанства, не представляли никакой опасности для тогдашней церкви. Эригена не имѣлъ ни послѣдователей, ни противниковъ, такъ какъ его ученіе, весьма сложное и не чуждое противорѣчій, было недоступно современникамъ. Философъ остался непонятымъ, и это избавило его отъ осужденія, потому что онъ проповѣдывалъ несомнѣнную ересь.

Паденіе аскетическаго идеала въ Италіи, сопровождавшееся глубокимъ невѣжествомъ и грубымъ суевѣріемъ, отразилось чрезвычайно гибельно на положеніи папства, грозило окончательно подорвать его авторитетъ. На каѳедрѣ св. Петра за эту эпоху не только

не встрѣчается ни одного свѣтлаго образа, но даже почти совсѣмъ не было и просто нравственно-порядочныхъ людей. Самые вопіющіе пороки сдѣлались обычнымъ явленіемъ на св. Престолѣ и далеко не всегда прикрывались даже лицемѣріемъ. До какого глубокаго паденія доходили тогда римскіе епископы, лучше всего показываетъ примѣръ Бенедикта IX. Бенедиктъ сдѣлался Христовымъ намѣстникомъ 12 лѣтъ отъ роду. Это былъ ребенокъ, богато одаренный порочными наклонностями, которыя съ годами все усиливались. Не говоря уже о томъ, что при папскомъ дворѣ все было продажно, не было ни одного порока, ни одного преступленія, не исключая убійства, которымъ не загрязнилъ бы себя папа. Наконецъ, онъ задумалъ неслыханное дѣло, о которомъ разсказываетъ, однако, почтенный епископъ, одинъ изъ ревностныхъ защитниковъ папства. Бенедиктъ IX влюбился въ свою кузину и порѣшилъ вступить съ ней въ законный бракъ. Формальное препятствіе къ женитьбѣ съ церковной стороны устранялось очень легко: папа далъ самому себѣ, въ силу своой власти, нужное разрѣшеніе, такъ называемую диспенсацію, какія щедро раздавались тогда св. Престоламъ за соотвѣтствующее вознагражденіе. Но отецъ невѣсты не хотѣлъ сдѣлаться тестемъ папы и поставилъ условіемъ свадьбы отреченіе жениха отъ своего сана. Бенедиктъ согласился, продалъ по формальному контракту апостольскую каѳедру и самъ посвятилъ покупателя въ преемники св. Петра. Спустя нѣсколько времени послѣ свадьбы бывшій папа раскаялся въ своемъ поступкѣ и снова предъявилъ притязаніе на св. Престолъ. Болѣе глубокаго нравственнаго паденія римскихъ епископовъ еще не знала тогда исторія папства, и одинъ изъ преемниковъ пылкаго папы, Дезидерій, былъ вполнѣ убѣжденъ, что на каѳедрѣ св. Петра въ образѣ Бенедикта IX возсѣдалъ самъ дьяволъ. Подозрѣніе неосновательное, потому что Бенедиктъ, несмотря на всѣ свои пороки, не былъ лишенъ своеобразнаго благочестія въ тогдашнемъ духѣ: онъ безплатно причислилъ къ лику святыхъ одного благочестиваго монаха изъ Трира.

Непрерывные и грандіозные скандалы на каѳедрѣ св. Петра вызывали опасное броженіе за предѣлами Италіи. Церковный сепаратизмъ, побѣжденный Николаемъ I, получаетъ новую силу подъ

вліяніемъ поведенія римскихъ епископовъ. Такъ, соборъ въ Реймсѣ 991 года называетъ папу Іоанна XII „антихристомъ, который сидитъ въ Божьемъ храмѣ и изображаетъ изъ себя Бога". Предпославши соборнымъ рѣшеніямъ краткое обозрѣніе позорной исторіи современныхъ папъ, французскіе епископы восклицаютъ: „Развѣ существуетъ установленіе, чтобы безчисленные Божіи священники на всей землѣ, знаменитые своею ученостью и достойною жизнью, подчинялись такимъ позорнымъ чудовищамъ, которыя лишены всякихъ свѣдѣній о божественныхъ и человѣческихъ дѣлахъ?! Паденіе папства казалось неизбѣжнымъ; но ближайшее будущее еще разъ засвидѣтельствовало самымъ несомнѣннымъ образомъ его жизненность.

Настроеніе Италіи этой эпохи не заразило всего христіанскаго Запада. Во время политическаго упадка папства изъ Германіи выходитъ новая имперія, которая ставитъ своею задачей реформу св. Престола. Въ моментъ глубочайшаго моральнаго паденія преемниковъ св. Петра во Франціи впервые обнаруживаются начала могущественнаго религіознаго движенія, которое съ необычайною силой охватило весь Западъ. Новыя теченія не только спасли св. Престолъ, но и подняли его на еще небывалую высоту. Въ слѣдующія столѣтія папство становится могущественною, міровою силой.

VI.

Усиленіе папства въ XI вѣкѣ.—Безсиліе нѣмецкихъ императоровъ реформировать папство.—Оттонъ III и Сильвестръ II.—Вліяніе аскетическаго движенія на церковную реформу.—Генрихъ III и Григорій VII.

Исторія папства въ половинѣ XI вѣка поражаетъ своею неожиданностью: за полнымъ упадкомъ св. Престола почти непосредственно слѣдуетъ чрезвычайно быстрый его подъемъ. Преемники св. Петра, около 200 лѣтъ бывшіе жалкимъ орудіемъ въ рукахъ мелкихъ тирановъ, вдругъ заставляютъ дрожать передъ своимъ приговоромъ могущественнаго императора и распоряжаются королевскими коронами. Младшимъ современникомъ Бенедикта IX, который довелъ папство до крайней степени моральнаго паденія, былъ Григорій VII, который быстро возвратилъ ему прежній нравственный

авторитетъ. Этотъ новый переворотъ произведенъ былъ двумя теченіями, вышедшими изъ одного источника. Въ половинѣ X вѣка за Альпами начинается реакція противъ нравственнаго паденія Рима. Это новое религіозное движеніе въ аскетическомъ духѣ было направлено на реформу церкви, но на реформу въ духѣ стараго папства. Тогдашній западный христіанскій міръ, твердо храня традиціи первыхъ миссіонеровъ, не могъ представить себѣ церкви иначе, какъ въ монархической формѣ, съ абсолютнымъ главою въ лицѣ римскаго епископа. Работа раннихъ папъ на этотъ разъ спасла св. Престолъ и направила новое движеніе на реформу папства, а не на революцію противъ него. Но это реформаціонное движеніе съ самаго начала распалось на два теченія. Одно изъ нихъ приняло политическій характеръ и имѣло цѣлью освободить папство отъ порабощенія римскою аристократіей. Оно шло отъ нѣмецкихъ королей, желавшихъ возстановить священную Римскую имперію. Другое теченіе, чисто-религіозное, стремилось, прежде всего, къ нравственному возрожденію папства, а потомъ къ освобожденію его отъ всякаго вліянія какой бы то ни было посторонней силы. Сначала оба направленія дѣйствовали дружно; но затѣмъ, въ силу неразрывной связи и, въ то же время, роковой противоположности интересовъ папства и имперіи, оба теченія столкнулись и вступили въ ожесточенную взаимную борьбу. Впервые это случилось въ половинѣ XI вѣка, но столкновенію предшествовала столѣтняя реформаціонная работа.

Папа Іоаннъ XII, тотъ самый развратный мальчикъ, котораго современники называли язычникомъ, призвалъ себѣ на помощь Оттона Великаго и въ 962 году возложилъ на него корону Карла. Имперія была легко возстановлена, и Оттонъ безъ большихъ затрудненій получилъ права Карла Великаго: римляне поклялись представлять избраннаго папу на утвержденіе императора, и свѣтская власть римскаго епископа была поставлена подъ контроль императорскихъ чиновниковъ. Возстановленіе имперіи было событіемъ всемірно-исторической важности, которое повлекло за собою многочисленныя и весьма важныя послѣдствія въ исторіи Запада. Но до установленія политическаго единства христіанъ теперь было еще дальше, чѣмъ въ началѣ IX вѣка. Оттонова имперія была только

по идеѣ продолженіемъ Карловой, по существу же рѣзко отъ нея отличалась. Прежде всего, это было учрежденіе не космополитическое, а національное, созданное условіями германской жизни. Священная Римская имперія *нѣмецкой націи* представляла собою нѣмецкое королевство, которому Оттонъ придалъ завоеваніемъ Италіи универсальный характеръ, а коронованіемъ рукою Христова намѣстника—религіозное основаніе. Новая имперія—*уже* старой, а кромѣ того она *слабѣе* Карловой монархіи. Правда, французскій король Людовикъ Заморскій принесъ ленную присягу Оттону; Бургундія и Лотарингія признали себя составными частями имперіи; но новый императоръ былъ только сюзеренъ сильныхъ герцоговъ и въ самой Германіи, а зависимость отъ него иностранныхъ державъ была чисто-фиктивная, тогда какъ Карлъ Великій былъ могущественнымъ государемъ въ своей монархіи. Такое положеніе нѣмецкаго императора существенно опредѣляло его отношеніе къ церкви. Стремясь поставить въ зависимость отъ себя папу, Оттонъ встрѣчалъ оппозицію со стороны св. Престола—какъ свѣтскій государь, а со стороны Италіи и Рима—какъ нѣмецъ. Двойное положеніе не обезпечивало побѣды, но усиливало борьбу, которая и началась тотчасъ послѣ коронованія.

Оттонъ Великій, реформировавшій нѣмецкую церковь, искренно стремился къ реформѣ папства, но встрѣчалъ упорное сопротивленіе со стороны Рима. Мѣстная знать не хотѣла отказаться отъ права выбирать себѣ епископа и возводила на престолъ св. Петра отъявленныхъ негодяевъ. Императоръ, опираясь на право и силу, низвергалъ недостойныхъ папъ и возводилъ на ихъ мѣсто благочестивыхъ людей, которыхъ не хотѣли признать римляне. При Оттонѣ и его сынѣ происходитъ упорная, утомительно-однообразная и, повидимому, совершенно безплодная борьба, отъ которой сильно страдалъ авторитетъ св. Престола. Императорскіе папы держатся только до тѣхъ поръ, пока въ Римѣ нѣмецкое войско. Съ удаленіемъ императора его папу низвергаютъ и, если онъ не успѣетъ во-время бѣжать, сажаютъ въ тюрьму, гдѣ его подвергаютъ задушенію или голодной смерти. Возвращается императоръ, и такая же судьба постигаетъ свободно выбраннаго римлянами папу, а его избиратели подверга-

ются жестокимъ репрессіямъ и т. д., и т. д. Кровь льется рѣкой, но св. Престолъ отъ этого ничего не выигрываетъ; папство, попрежнему, остается орудіемъ въ чужихъ рукахъ, а преемники св. Петра, попрежнему, погрязаютъ въ порокахъ. Казалось, для реформы было необходимо, чтобы особенно благочестивый императоръ навсегда поселился въ Римѣ и поставилъ своею жизненною задачей поддерживать на престолѣ св. Петра добродѣтельнаго епископа и выдающагося человѣка. Такого императора и такого папу Западъ получилъ въ Оттонѣ III и Сильвестрѣ II.

Внукъ великаго Оттона отличался пылкою фантазіей и получилъ фантастическое воспитаніе. Сынъ нѣмца и гречанки и ученикъ француза, Оттонъ III не считалъ себя связаннымъ ни съ какою національностью. Его мать, греческая принцесса, рисовала ему волшебную обстановку византійскаго дворца и блестящія картины императорскаго всемогущества. Его учитель, знаменитый Гербертъ, внушилъ ему пламенную любовь къ республиканскимъ добродѣтелямъ античнаго Рима и къ могущественному порядку Августовой имперіи, а въ то же время искреннее благочестіе въ монашескомъ духѣ и глубокое уваженіе къ идеаламъ папства. Оттонъ III усвоилъ всѣ наставленія и составилъ себѣ совершенно фантастическое представленіе о характерѣ своей власти и ея задачахъ. Онъ стремился создать такую имперію, въ которой была бы возможна администрація Траяна, законодательство Юстиніана и деспотизмъ Константина, а въ то же время было бы сохранено республиканское устройство. Въ его политическіе идеалы одинаково входили имперія и республика, римскій народъ и рыцарство, земная жизнь и загробное блаженство. Для характеристики ихъ смутности и фантастичности, достаточно привести предисловіе къ одному закону Оттона III: „Мы издали это распоряженіе для того, чтобы церковь Божія стояла свободно и непоколебимо, чтобы наша имперія благоденствовала, наше рыцарство всюду торжествовало, могущество римскаго народа распространялось и республика была возстановлена и чтобы мы сами послѣ праведной жизни въ суетѣ этого міра были признаны достойными покинуть тюрьму земного существованія и праведно царствовать съ Господомъ“. Для осуществленія этихъ идеаловъ Оттонъ III переселился въ Римъ,

построилъ себѣ дворецъ на Авентинѣ, завелъ гвардію и придворный штатъ въ римско-византійскомъ вкусѣ и назначилъ республиканскихъ чиновниковъ для города. Дворцовый церемоніалъ былъ изложенъ въ особой книгѣ, гдѣ были подробно описаны отдѣльныя части императорскаго одѣянія и объяснено значеніе 10 принадлежащихъ ему коронъ. Но древне-республиканской святынѣ, Капитолію, и здѣсь было оказано уваженіе: на священный холмъ всѣ смертные, не исключая и императора, могли входить только въ бѣломъ одѣяніи. Когда же туда поднимается самъ „монократоръ", какъ называетъ эта книга Оттона III, то его окружаютъ музыканты, свита привѣтствуетъ его по-еврейски, по-гречески, по-латыни, и всѣ трижды кланяются ему до земли. Но вмѣстѣ съ этою страстью къ гордой пышности въ душѣ императора уживалось монашеское смиреніе. Время отъ времени онъ сбрасывалъ съ себя мистически-великолѣпное императорское одѣяніе, облекался въ рубище, по цѣлымъ недѣлямъ запирался въ монашескую келью и подвергалъ себя посту и бичеваніямъ. Оттонъ III былъ вполнѣ подходящимъ человѣкомъ для настойчиваго проведенія церковной реформы, и онъ принялся за нее чрезвычайно рѣшительно. У безнравственнаго папы Іоанна XVI, выбраннаго римскою знатью, онъ приказалъ отрѣзать носъ, языкъ, уши, вырвать глаза и въ такомъ видѣ провезти верхомъ на ослѣ по всему Риму, а затѣмъ возвелъ на св. Престолъ своего бывшаго учителя Герберта, назвавшаго себя Сильвестромъ II.

Такого главы, какъ Сильвестръ II, никогда еще не имѣла западная церковь. Новый папа былъ самый ученый человѣкъ своего времени. Блестящій математикъ и знаменитый философъ, онъ зналъ греческій языкъ и тщательно, съ большимъ интересомъ изучалъ языческую литературу. Разностороннее образованіе значительно выдѣляло его теоретическія воззрѣнія изъ общаго уровня тогдашней науки. Такъ, Гербертъ не раздѣлялъ обычнаго взгляда, что теологія— величайшая изъ наукъ и что философія ея „служанка", какъ тогда говорили; по его мнѣнію богословіе стоитъ въ ряду другихъ наукъ, которыя относятся къ философіи, какъ виды къ роду. Но такія воззрѣнія не мѣшали Герберту быть убѣжденнымъ папистомъ задолго до занятія св. Престола. Это видимое противорѣчіе объясняется

тѣмъ, что знаменитый ученый былъ хорошимъ практикомъ. Новый папа отлично зналъ окружавшую его среду. Французъ по происхожденію, онъ занималъ епископскія каѳедры и на родинѣ, и въ Италіи, и долгое время жилъ при нѣмецкомъ дворѣ. Современные правители ему также хорошо извѣстны: кромѣ императора, его ученикомъ былъ Робертъ I французскій. Пользуясь своимъ положеніемъ, Гербертъ систематично и научно изучалъ дѣйствительность. „Въ практическихъ дѣлахъ, — говоритъ онъ, — самое важное значеніе имѣютъ человѣческія свойства и стремленія". Превосходный наблюдатель, онъ отлично изучилъ этотъ двигатель практической жизни и воспользовался своимъ знаніемъ съ искусствомъ первостепеннаго политика. Гербертъ понималъ могущество папства и, подчинивъ своему вліянію Оттона III, занялъ каѳедру св. Петра. Новому папѣ недоставало, можетъ быть, глубокаго благочестія, и императоръ былъ набожнѣе своего учителя; но Сильвестръ II лучше Оттона понималъ свое положеніе и недостатокъ религіозности возмѣщалъ политическимъ тактомъ и дипломатическою ловкостью. Онъ твердо провозгласилъ необходимость отмѣны симоніи и исправленія нравственной распущенности духовенства, заговорилъ даже о вооруженномъ освобожденіи св. Гроба. Это была существенная часть той программы, исполненіе которой доставило позже торжество папству. Сильвестру не удалось выполнить этихъ плановъ, но св. Престолъ при немъ началъ замѣтно возвышаться. Нѣмецкій ученикъ папы возстановляетъ значительную часть расхищенныхъ владѣній св. Петра, ослабляетъ даже нѣмецкое королевство въ интересахъ папы: венгерскій князь получаетъ королевскую корону за заслуги церкви, а славянскіе епископы — независимость отъ нѣмецкихъ митрополитовъ. Какъ въ доброе старое время папа принудилъ даже своего французскаго ученика подчиниться въ важномъ семейномъ вопросѣ приговору св. Престола. Но всѣ эти успѣхи имѣли чрезвычайно эфемерный характеръ. Нѣмецкіе бароны возстали противъ Оттона III, а римскіе выгнали его изъ новой столицы, и юный императоръ, утратившій реальныя владѣнія въ погонѣ за фантастическою властью, умеръ, не достигши полныхъ 22 лѣтъ. Со смертью Оттона III пало и могущество папы: годъ спустя умеръ Сельвестръ II, оставленный современниками и

оклеветанный потомствомъ. Ученость папы была непонятна одичалому Риму, и Сильвестръ прослылъ за мага, котораго дьяволъ сначала посадилъ на св. Престолъ, а потомъ задушилъ. Но настоящіе дьявольскіе папы появляются только послѣ его смерти. Нѣмецкіе императоры, занятые домашними дѣлами, не могутъ отдавать много времени Риму, и на каѳедрѣ св. Петра появляется цѣлый рядъ воровъ и разбойниковъ, который заканчивается невѣроятною фигурой Бенедикта IX. Ясно, что одни императоры были безсильны реформировать папство. Ихъ стремленія становятся успѣшнѣе только съ тѣхъ поръ, когда на помощь къ нимъ приходитъ усилившееся религіозное движеніе.

Въ половинѣ X вѣка во Франціи начинается аскетическое движеніе, которое къ концу столѣтія охватываетъ съ большею или меньшею силой весь Западъ. Его вызвали тѣ же самыя причины, которыя дѣйствовали и въ VI вѣкѣ. Феодальная анархія съ полной силой господствовала тогда въ Европѣ и въ особенности во Франціи. Королевская власть, окончательно раздробленная, была безсильна установить какой-нибудь порядокъ. Сильный давилъ слабаго; низшіе классы были постоянно угнетены баронами; но и самые угнетатели не были увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. У каждаго феодала могъ отнять его владѣнія болѣе сильный противникъ. Внутренніе безпорядки сопровождались внѣшними насиліями: страну грабили хищные норманны. Тѣ же самыя условія дѣйствовали съ большею или меньшею силой и за предѣлами Франціи, и внѣшній міръ утрачивалъ для человѣка свою привлекательность, а монастырь съ его крѣпкими стѣнами казался надежною защитой противъ невзгодъ этого міра и вѣрнымъ проводникомъ въ загробное блаженство. Къ концу столѣтія эта естественная набожность перешла въ религіозный энтузіазмъ подъ вліяніемъ вѣры въ близкую кончину міра. Христіанство считало 1000-й годъ предѣломъ грѣховнаго существованія вселенной и было твердо убѣждено, что тогда вторично придетъ Спаситель міра судить живыхъ и мертвыхъ. Подъ вліяніемъ страшной мысли за монастырскою стѣной спѣшатъ укрыться не только угнетенные, но и угнетатели. Въ Европѣ возникаетъ масса новыхъ монастырей съ строгимъ уставомъ; снова появляются восторженные

подвижники, самоотверженные миссіонеры, безстрашные мученики. Св. Нилъ изумляетъ своими подвигами южную Италію, св. Ромуальдъ—сѣверную, св. Адальбертъ находитъ мученическую кончину среди языческихъ пруссовъ. Но X вѣкъ миновалъ благополучно, а религіозное движеніе все росло и развивалось. „Христосъ спалъ въ Своей церкви въ теченіе X столѣтія, - говоритъ одинъ церковный писатель,—въ XI Онъ проснулся". Благочестивое настроеніе охватило всѣ классы общества: наряду съ нравственно-распущенными прелатами появляются такіе люди, какъ кардиналъ Даміани; изъ того общества, изъ котораго прежде выходили только Ѳеодоры и Марозіи, выходитъ благочестивая маркграфиня Матильда; даже среди развращенной римской знати встрѣчаются настоящіе праведники, одинъ изъ которыхъ стоитъ нѣкоторое время во главѣ управленія городомъ. Выдающуюся черту въ этомъ новомъ движеніи составляетъ аскетическое покаяніе, усилившееся подъ вліяніемъ страха наступающей кончины міра. Въ западной церкви давно уже установился обычай исправлять совершонный грѣхъ денежнымъ штрафомъ или постомъ и молитвой. Въ XI вѣкѣ Петръ Даміани прибавилъ еще бичеваніе и создалъ цѣлую систему покаянія, разсчитанную строго-ариѳметически. Каждому грѣху, по этой системѣ, соотвѣтствуетъ извѣстный періодъ покаянія; но такъ какъ количество грѣховъ у всякаго человѣка такъ велико, что для ихъ очищенія потребовались бы цѣлыя столѣтія, то набожнымъ людямъ предоставлялось усиливать количество благочестивыхъ дѣйствій. Такъ, нормальный годъ покаянія равнялся для богатыхъ 36, а для бѣдныхъ 4 талерамъ или 3,000 ударовъ розгами въ сопровожденіи пѣнія 30 псалмовъ. Благочестивые люди, жертвуя громадными суммами или нанося себѣ колоссальное число ударовъ, усиливали норму. Самъ Даміани въ теченіе года продѣлывалъ столѣтіе покаянія, т. е. наносилъ себѣ 300,000 ударовъ и пѣлъ 3,000 псалмовъ, а его другъ, подвижникъ Доминикъ, исполнялъ такую порцію въ 6 дней. Для этого онъ бралъ въ обѣ руки по розгѣ и съ пѣніемъ псалмовъ цѣлыми днями подвергалъ себя тѣлесному наказанію. Даміани придавалъ чрезвычайно важное значеніе бичеванію. Слова 150-го псалма „хвалите Господа въ тимпанѣхъ" онъ комменти-

руетъ слѣдующимъ образомъ: „Такъ какъ тимпанъ—сухая кожа, то по словамъ пророка, тотъ истинно хвалитъ Господа въ тимпанѣ, кто подвергаетъ бичеванію свое истомленное постомъ тѣло“. Эта дѣтски-наивная система покаянія приходилась по вкусу той эпохѣ, и бичеванію подвергали себя люди всѣхъ классовъ общества, начиная отъ императора и аристократическихъ дамъ.

Новое религіозное движеніе особенно сильно отразилось въ монастырѣ, гдѣ прежняя распущенность замѣнилась строгою дисциплиной. И эта реформа вышла изъ Франціи: ея исходнымъ пунктомъ былъ монастырь Клюни около Макона. Въ половинѣ X вѣка аббатъ Одонъ возстановилъ тамъ во всей строгости забытый уставъ св. Бенедикта: отъ монаховъ требовалось безусловное повиновеніе, жизнь, посвященная труду, благочестивымъ упражненіямъ и подвигамъ милосердія. Въ монастырь допускались съ разборомъ: несовершеннолѣтнихъ и людей съ плохою нравственною репутаціей туда совсѣмъ не принимали. Реформированное монашество быстро получило обширную извѣстность и Клюнійская обитель не была въ состояніи вмѣстить всѣхъ желающихъ. Вскорѣ во Франціи былъ основанъ цѣлый рядъ филіальныхъ монастырей, которые были подчинены клюнійскому аббату. Реформа нашла массу подражаній и за границей, а въ Италіи образовалось два новыхъ монастырскихъ ордена (Camaldoli и Vallombrosa) съ такимъ же направленіемъ. Папы освободили новые монастыри отъ власти мѣстныхъ епископовъ, и реформированное монашество поставило своею задачей возстановить подорванный авторитетъ папства и сдѣлать св. Престолъ сосредоточіемъ той нравственной силы, которая должна была управлять міромъ. Реформаціонная партія въ Римѣ получила новую армію, превосходно дисциплинированную и полную боевого одушевленія. Клюнійскіе монахи въ XI вѣкѣ играли ту же роль, какая позже досталась іезуитамъ, и оказали папству не меньшія услуги, чѣмъ ихъ позднѣйшіе соратники. Благодаря ихъ стараніямъ, реставрація папства пошла быстрѣе, въ особенности когда во главѣ политическаго движенія къ церковной реформѣ сталъ Генрихъ III, а душой религіознаго сдѣлался Гильдебрандъ.

Ожесточеннымъ врагомъ реформаціоннаго движенія была рим-

ская знать, весьма мало затронутая религіознымъ движеніемъ, и Генрихъ III рѣшилъ нанести ей окончательный ударъ, навсегда и принципіально лишить ее правъ выбирать папу. Другъ клюнійцевъ, воспитанный духовенствомъ, императоръ искренно хотѣлъ реформировать св. Престолъ въ духѣ новаго движенія. Говорятъ даже, что только ради этой цѣли онъ согласился отказаться отъ своего намѣренія поступить въ монахи и сдѣлался государемъ. По его мысли, каѳедра св. Петра, обновленная нравственно, должна порвать національныя связи съ Римомъ и сдѣлаться космополитическимъ, міровымъ центромъ. На св. Престолѣ должны возсѣдать самые лучшіе прелаты, къ какой бы они національности ни принадлежали, и римскіе епископы должны объѣзжать всю свою паству и созывать соборы во всѣхъ странахъ католическаго міра. Совершенно послѣдовательно съ этой точки зрѣнія и выборы преемниковъ св. Петра должны быть отняты у мѣстнаго населенія. До сихъ поръ планы Генриха совершенно совпадали съ стремленіями чистыхъ церковниковъ. Но неудавшійся монахъ хорошо понималъ интересы своего положенія и рѣшилъ произвести церковную реформу въ интересахъ свѣтской власти. По его мнѣнію, императоръ, какъ представитель всѣхъ христіанскихъ избирателей Христова намѣстника, долженъ назначать папу. Это значило поставить римскаго епископа въ полную зависимость отъ нѣмецкаго императора, и съ такимъ рѣшеніемъ церковнаго вопроса не желали и не могли согласиться представители чисто-религіознаго направленія церковной реформы, во главѣ которыхъ сталъ Гильдебрандъ.

Сынъ тосканскаго мужика, лангобардъ по происхожденію, Гильдебрандъ принадлежитъ къ числу величайшихъ государственныхъ людей, какіе встрѣчаются во всемірной исторіи. Его грандіознѣйшіе церковно-политическіе идеалы по ясности, послѣдовательности и продуманности представляютъ собою настоящую практическую программу, которую онъ проводилъ въ жизнь съ поразительною мудростью. Геній Гильдебранда заключался не въ теоретическомъ творчествѣ,—основная мысль его программы была давно уже выработана римскими епископами,—но въ необычайной логичности, съ которой онъ вывелъ изъ прежней идеи ея неизбѣжныя, хотя ранѣе и

незамѣченныя, послѣдствія, и въ удивительной дальновидности, съ которой онъ приступилъ къ ея осуществленію. Одинъ современный памятникъ очень хорошо выражаетъ сущность дѣятельности Гильдебранда: „Богъ посадилъ на престолъ папу Григорія, который, будучи вскормленъ и воспитанъ въ Римѣ, самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдовалъ всѣ апостольскія традиціи и чрезвычайно усердно старался привести въ дѣйствіе то, что изслѣдовалъ". Эти „апостольскія традиціи" составляла теократія, которую Гильдебрандъ понималъ не какъ мѣстное, римское явленіе, а какъ міровую силу. Основаніемъ ея авторитета служитъ вѣчная, неизмѣнная религіозная истина. „Римская церковь, — говоритъ онъ, — никогда не заблуждалась и не будетъ заблуждаться во вѣки вѣковъ". Эта теократія должна быть организована строго-монархически: духовенство господствуетъ надъ свѣтскимъ обществомъ, но само оно представляетъ изъ себя только могущественную бюрократію, которая слѣпо и безусловно подчинена папѣ. „Одинъ только папа, — говоритъ Гильдебрандъ, — имѣетъ право издавать законы и смѣщать епископовъ. Безъ его авторитета никакая книга не можетъ быть признана каноническою, а его приговоръ не допускаетъ возраженій. Судить его никто не смѣетъ, и канонически посвященный римскій епископъ святъ заслугою св. Петра". До такихъ смѣлыхъ положеній не доходилъ еще ни одинъ папа; но они были только логическимъ выводомъ изъ основной идеи папской власти. Съ такою же неумолимою послѣдовательностью выводитъ Гильдебрандъ ученіе объ отношеніи папы къ свѣтскимъ государямъ. Задача земного существованія — подготовленіе къ загробному блаженству, ключи отъ котораго у папы. Онъ несетъ отвѣтственность передъ Богомъ за всю паству, поэтому ему принадлежитъ право давать такую организацію земной жизни, при которой люди лучше всего достигаютъ конечной цѣли своего существованія. У свѣтской власти не должно быть никакихъ своихъ неотъемлемыхъ правъ, никакихъ независимыхъ отъ церкви задачъ, потому что спасеніе души, которое цѣликомъ зависитъ отъ церкви, должно быть единственною задачей человѣческой дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія, свѣтскій государь только несамостоятельный уполномоченный папы, и Гильдебрандъ прямо

заявлялъ, что „одинъ только папа имѣетъ право пользоваться императорскими отличіями, имѣетъ право низвергнуть императора, можетъ освободить подданныхъ отъ вѣрности своему государю". Папа, по мысли Гильдебранда, настоящій вице-богъ, и это названіе дѣйствительно встрѣчается въ памятникахъ.

Но всемогущая теократія, господствуя надъ свѣтскимъ обществомъ, должна быть отъ него совершенно независима, должна опираться на свои собственныя постоянныя силы, и въ созданіи этихъ силъ изъ наличныхъ элементовъ въ самой церкви съ особенною яркостью проявился геній Гильдебранда. Прежде всего, само духовенство должно быть поставлено надъ свѣтскимъ обществомъ, поэтому должно уничтожить всякую зависимость его отъ свѣтской власти и отъ окружающей среды. У духовнаго лица не должно быть никакого государя, кромѣ папы, никакой семьи, кромѣ церкви. Такой совершенно независимый клиръ долженъ самъ, одинъ, безъ всякихъ постороннихъ вліяній избирать своихъ властей и самаго папу. Теократія Гильдебранда представляла собою изолированную отъ мірскихъ вліяній, космополитическую, самодовлѣющую силу.

Съ такою программой Гильдебрандъ приступилъ къ церковной реформѣ и показалъ себя блестящимъ практическимъ политикомъ. Глубоко вѣрующій, страстный идеалистъ соединился въ немъ съ благоразумнымъ дѣльцомъ, какъ это часто бывало на св. Престолѣ. Гильдебрандъ искренно считаетъ себя пророкомъ, глубоко убѣжденъ, что всѣ его идеи и планы внушены ему св. Петромъ. Какъ древній поэтъ, онъ смотритъ на себя какъ на простое орудіе божественной музы и доходитъ иногда до сильно дѣйствующаго поэтическаго одушевленія. Не будучи еще папой, онъ съ такою страстностью говорилъ однажды на соборѣ противъ симоніи, что нѣсколько прелатовъ, почувствовавъ угрызеніе совѣсти, добровольно сложили свой санъ. Но съ глубокою вѣрой въ правоту своего дѣла Гильдебрандъ соединялъ и тонкій разсчетъ, и такое соединеніе было необходимо въ виду колоссальныхъ затрудненій, которыя представлялись реформатору.

Гильдебрандъ молодымъ монахомъ впервые вступаетъ въ общественную дѣятельность въ качествѣ капеллана Григорія VI, того

самаго папы, который съ формальной квитанціей купилъ св. Престолъ у Бенедикта IX. Тогдашнее положеніе папства было ужасно: въ Римѣ жило одновременно трое Христовыхъ намѣстниковъ, которые усердно проклинали другъ друга и съ неменьшимъ усердіемъ извлекали денежныя выгоды изъ своего эфемернаго положенія. Нравственный упадокъ дошелъ до крайней степени. Въ самомъ соборѣ св. Петра сторожа переодѣвались кардиналами и служили мессы для наивныхъ иностранцевъ, а по ночамъ тамъ происходили оргіи, причемъ у самыхъ алтарей совершались всевозможныя преступленія. Но вскорѣ пришелъ Генрихъ III, подвергъ суду несудимыхъ преемниковъ св. Петра, прогналъ ихъ всѣхъ съ св. Престола и послѣдовательно назначалъ на ихъ мѣсто своихъ нѣмецкихъ любимцевъ. Гильдебрандъ съ своимъ папой отправился въ ссылку въ Германію, и оттуда съ болью въ сердцѣ наблюдалъ, какъ каѳедра св. Петра превращалась въ обыкновенное епископское мѣсто, которымъ произвольно распоряжался нѣмецкій императоръ. Но его бездѣйствіе продолжалось недолго. Папа Левъ IX, назначенный Генрихомъ III, пригласилъ его съ собою въ Римъ, и съ этихъ поръ Гильдебрандъ сдѣлался душою пяти папъ, послѣдовательно занимавшихъ св. Престолъ. Левъ IX, человѣкъ простой и благочестивый, весь принадлежалъ церковной партіи реформы, и самъ былъ расположенъ дѣйствовать въ духѣ Гильдебранда, поэтому первый абрисъ реформъ Григорія VII обозначился уже при этомъ папѣ. Прежде всего, онъ отказался занять св. Престолъ по императорскому назначенію и въ скромной одеждѣ кающагося богомольца явился передъ воротами Рима, соглашаясь занять каѳедру св. Петра только подъ условіемъ единогласнаго выбора. Весьма возможно, что это было сдѣлано по совѣту Гильдебранда. Правда, его точкѣ зрѣнія одинаково противорѣчили и римскіе выборы папы, и его назначеніе императоромъ; но дальновидный политикъ понималъ, что первый противникъ его теорій менѣе опасенъ, чѣмъ второй. Сила римскихъ бароновъ была подорвана взаимною борьбой и въ особенности императорами; а, кромѣ того, имъ можно было противопоставить населеніе, въ которомъ замѣчались слѣды общаго религіознаго движенія, и Гильдебрандъ сравнительно мало обращаетъ вни-

манія на мѣстную знать. Единогласно выбранный Левъ IX на первомъ же соборѣ 1049 года запретилъ симонію и бракъ для бѣлаго духовенства. Это были первые шаги къ осуществленію идеаловъ Гильдебранда. Подъ симоніей разумѣли не только покупку духовнаго сана, но и всякое вліяніе свѣтской власти на замѣщеніе церковныхъ должностей, и широко задуманная реформа сразу достигла двухъ цѣлей: возвышала нравственный авторитетъ духовенства, доступъ въ ряды котораго открывали не деньги, а духовныя достоинства, и освобождала клиръ отъ вліянія постороннихъ силъ. Еще болѣе глубокій переворотъ намѣчала вторая реформа. Отнимая семью у духовенства, она уничтожала самую прочную связь духовнаго лица съ свѣтскимъ обществомъ, вырывала его изъ окружающей среды, дѣлала его настоящимъ янычаромъ церкви, у котораго не должно быть никакихъ мірскихъ привязанностей. Но пока реформы были только провозглашены; для ихъ полнаго проведенія въ жизнь не представлялось возможности, такъ какъ иначе пришлось бы смѣстить сразу значительную часть духовенства, особенно въ Италіи. Соборными рѣшеніями пользовались только для того, чтобы низвергнуть особенно порочныхъ прелатовъ и замѣнить ихъ сторонниками реформы, которыхъ папа возводилъ въ санъ кардиналовъ. Созданіе изъ этихъ князей церкви особой коллегіи при св. Престолѣ, въ составъ которой входили всѣ выдающіеся прелаты, также было дѣломъ Льва IX и стояло въ неразрывной связи съ планами Гильдебранда. Новая коллегія представляла собою государственный совѣтъ папы, имъ назначенный и проникнутый тѣмъ же самымъ духомъ, тѣми же самыми стремленіями, какъ и глава церкви. Дѣло реформы пріобрѣтало, такимъ образомъ, большую прочность, потому что если бы папа былъ захваченъ въ плѣнъ или выгнанъ изъ Рима, его политику продолжало бы высшее послѣ папы церковное учрежденіе. Болѣе того, священная коллегія устраняла до извѣстной степени недостатки, происходящіе изъ отсутствія наслѣдственности въ римской теократіи. Она сдѣлалась постоянною хранительницей папскихъ традицій и придавала послѣдовательность и единство мѣропріятіямъ св. Престола. Правленіе Льва IX заключилось окончательнымъ разрывомъ съ Визан-

тіей. Восточная церковь, недоступная папскому вліянію, была объявлена еретическою и болѣе не входила въ объемъ римскаго понятія о христіанскомъ мірѣ. Со смертію этого папы всемогущій Гильдебрандъ стоялъ во главѣ реформированнаго клира и легко могъ бы занять св. Престолъ; но онъ лично отправился къ императору и выпросилъ въ римскіе епископы нѣмца Виктора II, одного изъ ближайшихъ друзей Генриха III.

Гильдебрандъ страстно ненавидѣлъ вмѣшательство императоровъ въ папскіе выборы, потому что оно подчиняло св. Престолъ свѣтской власти. „Короли,—говоритъ онъ,—по наущенію дьявола стараются господствовать надъ себѣ подобными. Средствами для остиженія такой цѣли служатъ имъ грабежъ, вѣроломство, убійство и всевозможныя преступленія. И эти-то грязные люди стремятся повергнуть къ ногамъ своимъ помазанниковъ Господа!“. Но тяжелое положеніе св. Престола вынуждало обратиться къ содѣйствію императора. Папская казна была пуста, церковныя патримоніи расхищены, съ юга грозили норманны. Викторъ II поправилъ нѣсколько дѣла св. Престола съ помощью своего друга Генриха III; но вскорѣ папа и императоръ умерли, и Гильдебрандъ попытался освободить каѳедру св. Петра отъ нѣмецкаго вліянія. На св. Престолъ послѣдовательно возводятся двѣ его кредатуры, и ихъ политика принимаетъ болѣе рѣшительный характеръ. Прежде всего, былъ установленъ новый законъ о папскихъ выборахъ, которые были предоставлены коллегіи кардиналовъ, гдѣ бы она ни собралась. Эта мѣра представляла собою логическое завершеніе развитія римской теократіи. Престолъ св. Петра освобожденъ былъ отъ всякаго вліянія какъ Рима такъ и императора, и пріобрѣлъ полную независимость. Но избирательный законъ существенно нарушалъ старыя права міровой столицы и привилегіи императоровъ. Римская знать и нѣмцы, представители двухъ еще недавно враждебныхъ направленій, соединились вмѣстѣ для борьбы съ новою реформой, и Римъ, а вмѣстѣ съ нимъ вся Италія, впервые раздѣлились на двѣ партіи—императорскую и папскую. Положеніе становилось опаснымъ, но Гильдебрандъ нашелъ союзника въ норманнахъ. Папы пытались сначала прогнать этихъ хищниковъ изъ южной Италіи, но без-

успѣшно; тогда порѣшили санкціонировать ихъ грабежъ, и преемникъ св. Петра уступилъ имъ право на непринадлежащія ему владѣнія подъ условіемъ ленной зависимости отъ св. Престола. Гильдебрандъ побѣдилъ и тотчасъ же началъ новую борьбу противъ женатаго духовенства и симоніи и въ ней преимущественно показалъ себя блестящимъ политикомъ. Прежде всего, онъ искусно соединилъ вмѣстѣ двѣ различныхъ по характеру реформы; симонія была вопіющимъ злоупотребленіемъ и не имѣла защитниковъ; другое дѣло — бракъ. Даже сторонники целибата признавали, что семейное духовенство ведетъ лучшій образъ жизни, чѣмъ безсемейное, и въ защиту женатыхъ священниковъ писались цѣлые трактаты, гдѣ выставлялась на первый планъ святость признаннаго церковью брачнаго союза. Гильдебрандъ съ боевыми цѣлями связалъ обѣ реформы и поднялъ на ихъ защиту самыя разнообразныя силы, объединенныя аскетизмомъ. На бой двинулись и монахи, и женщины, и дворяне, и проповѣдники, и писатели, и простонародная масса. Кардиналъ Даміани, пламенный аскетъ самой чистой воды, чуждый всякой политики, осуждавшій съ поэтическимъ одушевленіемъ свѣтскую власть папы, писалъ памфлеты въ защиту целибата. Онъ чувствовалъ существенное различіе своихъ идеаловъ отъ тогдашнихъ стремленій св. Престола, называлъ Гильдебранда „святымъ сатаной“, но самъ признавалъ, что слушается его болѣе, чѣмъ Бога и св. Петра. Могущественная маркграфиня Матильда, образованная, энергичная, восторженная, вполнѣ посвятила себя на служеніе идеаламъ Гильдебранда. Въ то время, какъ ея мужъ съ оружіемъ въ рукахъ за Альпами защищалъ интересы имперіи, Матильда сдѣлала изъ своихъ владѣній одинъ изъ самыхъ надежныхъ оплотовъ папства противъ нѣмцевъ. Съ особеннымъ искусствомъ воспользовался Гильдебрандъ настроеніемъ народныхъ массъ. Такъ, самымъ сильнымъ и опаснымъ противникомъ целибата явилось богатое и могущественное духовенство Милана. Чтобы побѣдить его сопротивленіе, Гильдебрандъ поднялъ толпу, фанатизированную аскетическими проповѣдниками; началось движеніе такъ называемой *патаріи*, т. е. оборванцевъ; его вожди получили отъ церкви священное знамя, и сопротивленіе было сломлено.

Въ разгаръ этой борьбы, охватившей весь христіанскій міръ, Гильдебрандъ самъ сдѣлался, наконецъ, папой и провозгласилъ послѣднюю свою реформу, которая должна была завершить задуманное имъ гордое зданіе теократіи. Это было запрещеніе инвеституры. Духовные вассалы императоровъ, королей и вообще свѣтскихъ лицъ получали полную независимость отъ свѣтской власти и подчинялись только папѣ, а ихъ владѣнія становились церковнымъ достояніемъ. Такъ какъ церковныя земли составляли на Западѣ почти половину территоріи, то по одному слову папы государи теряли половину своихъ владѣній, а церковь пріобрѣтала полъ-Европы. Григорій VII декретировалъ свѣтской власти политическое самоубійство, и началась жестокая полувѣковая борьба. Папа приступилъ къ ней съ широкими планами. Опираясь на фальшивый даръ Константина, онъ потребовалъ отъ Англіи и Испаніи признанія ленной зависимости отъ св. Престола и потомъ подъ разными предлогами распространилъ эти требованія на Богемію, Венгрію, Скандинавію, Польшу и даже Россію. Когда была запрещена инвеститура, Григорій VII потребовалъ немедленнаго ея исполненія отъ Филиппа I, Вильгельма Завоевателя и Генриха IV, и повсюду получилъ отказъ. Не желая одновременно бороться со всѣми противниками, папа пригрозилъ анаѳемой слабому французскому королю, оставилъ въ покоѣ Вильгельма и сосредоточилъ свои удары на имперіи. Перипетіи этой борьбы всѣмъ извѣстны. Въ ней былъ моментъ, когда отлученный отъ церкви императоръ, въ одеждѣ кающагося грѣшника босой въ зимнюю пору умолялъ о прощеніи папу, были и другіе моменты, когда только хищные норманны вмѣстѣ съ магометанскими арабами могли спасти Христова намѣстника отъ нѣмецкаго плѣна цѣною разграбленія христіанскихъ церквей священнаго города. Въ самый разгаръ борьбы умеръ въ Салерно Григорій VII съ глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла. „Я любилъ справедливость и ненавидѣлъ неправду, поэтому я умираю въ изгнаніи“,—говорилъ папа на смертномъ одрѣ; но исторія не согласилась съ Григоріемъ VII, не признала его страдальцемъ за правду, не дала ему названія „великаго“, несмотря на грандіозность его замысловъ и на выдающіяся свойства его личности. Самая

идея положить въ основаніе политическаго строя нравственную силу, построить общество на началахъ справедливости всегда будетъ составлять высокій идеалъ человѣческихъ стремленій. Но Григорій VII проповѣдовалъ теократическій деспотизмъ, самый ужасный изъ всѣхъ деспотизмовъ, потому что онъ порабощаетъ самое священное, самое дорогое для человѣка—его разумъ и чувство. Когда идеалы Григорія VII осуществились, къ счастью для человѣчества, не надолго и не вполнѣ, то свобода совѣсти была объявлена ересью, а свобода слова – безбожіемъ. Борцы за истину и правду тогда сожигались папами на кострахъ, и та справедливость, за которую умеръ въ изгнаніи Григорій VII, оказалась великою неправдой.

VII.

Осуществленіе іерархическихъ идеаловъ Григорія VII.—Борьба за инвеституру и ограниченіе свѣтской власти папъ городскимъ движеніемъ.—Крестовые походы и новыя силы католицизма.—Торжество средневѣкового папства и его историческая заслуга.

Аскетическое движеніе XI вѣка вдохнуло новую жизнь въ папство, а реформы Григорія VII придали ему новыя реальныя силы; но осуществленіе іерархической программы Гильдебранда произошло только сто лѣтъ спустя послѣ его смерти, да и то не вполнѣ. Причина этой медленности заключалась въ свѣтской власти римскаго епископа, которая искажала аскетическій принципъ, лежавшій въ основаніи притязаній, и ставила теперь непреодолимыя преграды для ихъ осуществленія. Іерархическіе идеалы Григорія VII носили двойственный характеръ. Прежде всего, это было абсолютное господство надъ всѣми сторонами жизни духовной силы во имя религіознаго идеала. Папа и та церковь, во главѣ которой онъ стоялъ, должны были опираться только на свой божественный авторитетъ и нравственною силой управлять міромъ, стоя внѣ его и выше его. Христосъ говорилъ, что царство Его не отъ міра сего, и, тѣмъ не менѣе, Онъ — владыка вселенной, въ такомъ же смыслѣ долженъ быть главой міра и Его викарій. Этотъ выводъ логично вытекалъ изъ основного положенія папской теоріи. Но онъ не удо-

влетворялъ Григорія, и его іерархія была, кромѣ того, формальною теократіей, т.-е. реальнымъ, настоящимъ государствомъ. Намѣстникъ Христа хотѣлъ имѣть свою собственную территорію, свою администрацію, свою военную силу, и, притомъ, въ такихъ размѣрахъ, какъ никакой другой государь. Папа желалъ повелѣвать, во-первыхъ, всѣмъ міромъ на правахъ земного бога и, во-вторыхъ, половиной Западной Европы на правахъ свѣтскаго государя. Этого было уже слишкомъ много, и папы въ XII столѣтіи отказались отъ второй половины своихъ притязаній, чтобы осуществить первую.

Неисполнимость во всей полнотѣ идеаловъ Григорія VII обнаружилась тотчасъ же послѣ его смерти въ вопросѣ объ инвеститурѣ. Вопросъ этотъ имѣлъ огромное значеніе и для церкви, и для государства. Предоставить королямъ право назначать епископовъ значило отказаться отъ церковной независимости; отнятіе у нихъ инвеституры въ корень подрывало самое существованіе тогдашнихъ государствъ, образовывало внутри каждаго изъ нихъ цѣлую массу самостоятельныхъ владѣній. Первое рѣшеніе вопроса уничтожало всю стройную іерархическую систему, второе было просто невозможно фактически. Тѣмъ не менѣе, преемники Григорія VII попытались выполнить и эту часть его программы. Началась жестокая борьба, въ которой оба противника пустили въ ходъ всѣ свои силы. Престолъ св. Петра занимали тогда люди рѣшительные, которые твердо усвоили себѣ принципы Григорія VII и не стѣснялись въ средствахъ для ихъ проведенія въ жизнь. Урбанъ II устроилъ фиктивный бракъ: отдалъ старушку Матильду замужъ за юнаго Вельфа, чтобы усилить свою партію въ Германіи, и соблазнилъ сына императора измѣнить своему отцу. Тѣло главнаго противника реформы, Генриха IV, оставалось безъ христіанскаго погребенія цѣлыхъ 6 лѣтъ, и папы не разъ пытались возмутить подданныхъ противъ его преемниковъ. Императоры въ свою очередь поддерживали непрерывный расколъ въ церкви, выбирая анти-папу, такъ что западная церковь почти постоянно имѣла двѣ главы. Но борьба не приводила къ цѣли, и римскіе епископы убѣдились въ необходимости покончить ее какимъ-нибудь соглашеніемъ. Францію и Англію оставили въ покоѣ; венграмъ и норманнамъ была предо-

ставлена инвеститура и ради соблюденія формы ихъ королямъ даны были права апостольскихъ легатовъ. Упорнѣе всего держалась борьба въ Германіи; но и здѣсь попытались помирить противоположные интересы. Первая и чрезвычайно замѣчательная попытка въ этомъ родѣ принадлежала папѣ Пасхалію II, который предложилъ императору отказаться отъ инвеституры, а епископамъ — отъ принадлежавшихъ имъ свѣтскихъ владѣній. Такое рѣшеніе вопроса представляло чрезвычайно важное и радикальное измѣненіе іерархической системы Григорія VII. Церковь освобождалась отъ всякихъ свѣтскихъ обязанностей и ея служители оставались подчиненными только папѣ. Но Пасхалій II плохо зналъ положеніе дѣлъ въ Германіи. Нѣмецкіе прелаты были настоящими князьями въ своихъ владѣніяхъ, вели войны, чеканили монету, чинили судъ и расправу. Возвращеніе къ апостольской простотѣ, хотя бы она и связана была съ апостольскою чистотой, было для нихъ немыслимо. Кромѣ того, сами императоры не хотѣли потерять своихъ духовныхъ вассаловъ, потому что ихъ пришлось бы замѣнить свѣтскими, а, слѣдовательно, наслѣдственными и болѣе опасными. Реформа Пасхалія совершенно не удалась, и борьба возгорѣлась съ новою силой на цѣлое десятилѣтіе.

Окончательное рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ Калликсту II. Знаменитый Вормскій конкордатъ 1122 года, въ сущности, былъ полумѣрой, компромиссомъ, который значительно нарушилъ программу Григорія VII. Правда, епископа выбиралъ теперь капитулъ, т.-е. коллегія мѣстнаго духовенства, какъ монахи выбирали аббата, кардиналы папу. Старинный вопросъ о свободѣ епископскихъ выборовъ теоретически рѣшенъ былъ въ интересахъ церкви, но только теоретически; на практикѣ же выбранный кандидатъ получалъ посвященіе только послѣ того, какъ его утверждалъ императоръ. Посвященіе могло состояться и противъ воли свѣтской власти, но такой епископъ не получалъ феодальныхъ владѣній, такъ что фактически послѣднее слово въ замѣщеніи каѳедры принадлежало императору. Сравнительно съ прежнимъ положеніемъ дѣла конкордатъ былъ побѣдою папства, но программѣ Григорія VII имъ нанесенъ былъ чувствительный ударъ. Теоретическое противорѣчіе системы дѣлало ее

не осуществимой на практикѣ. Такое же значеніе имѣла и свѣтская власть самого римскаго епископа.

Рѣшеніе Вормсскаго конкордата не распространялось на Римъ и на патримоніи св. Петра. Хотя верховная власть надъ ними принадлежала императору, но папамъ съ помощью подложнаго Константинова дара удалось замѣнить эту непріятную истину ученіемъ, что папскія владѣнія принадлежатъ только св. Петру и что его преемники совершенно свободны отъ всякаго вліянія свѣтской власти. Тѣмъ не менѣе, теократія Григорія VII не могла осуществиться въ полной мѣрѣ даже въ узкихъ предѣлахъ Церковной области. Какъ свѣтскіе государи, римскіе епископы зависѣли отъ мѣстныхъ политическихъ силъ: въ IX и X вѣкахъ свѣтскую власть папы стѣсняли бароны; въ эту эпоху ей пришлось выдержать упорную борьбу съ городскимъ движеніемъ.

Въ XI столѣтіи въ Италіи, особенно въ Сѣверной, начинаютъ быстро развиваться города. Императоры, всегда предпочитавшіе духовныхъ вассаловъ свѣтскимъ, передавали обыкновенно права графа въ городѣ епископамъ. Во время борьбы изъ-за целибата, папы, встрѣтивши сопротивленіе со стороны богатаго итальянскаго духовенства, вооружали противъ него населеніе, и, опираясь на апостольскій авторитетъ, города освободились отъ власти епископовъ. Во время борьбы римскихъ епископовъ съ нѣмецкими императорами освободительное движеніе итальянскихъ городовъ достигло полнаго успѣха, и въ XII столѣтіи они становятся вполнѣ самостоятельными политическими общинами и управляются выборною магистратурой. Папы отлично понимали духъ времени и съумѣли воспользоваться имъ для своихъ цѣлей: итальянскіе города они противопоставили нѣмецкимъ императорамъ. Борьба съ императорами не прекращалась и послѣ заключенія Вормсскаго конкордата: теократическія стремленія римскихъ епископовъ не имѣли опредѣленныхъ границъ, а ихъ свѣтская власть давала тысячи поводовъ для столкновенія. Со вступленіемъ на престолъ Фридриха I борьба чрезвычайно обострилась. Императоръ, могущественный въ Германіи, хотѣлъ пользоваться такою же властью и въ Италіи. Его политическіе идеалы заимствованы были изъ античной имперіи, а образцомъ для практиче-

ской дѣятельности по отношенію къ церкви онъ выбралъ Карла Великаго, который былъ канонизированъ по его приказанію. Такая точка зрѣнія шла въ разрѣзъ и съ притязаніями папъ, и съ стремленіями итальянскихъ городовъ. Оба противника Фридриха I соединились вмѣстѣ, и Барбаросса потерпѣлъ жестокое пораженіе. Въ венеціанскомъ соборѣ св. Марка до послѣдняго времени показывали мраморную плиту на полу, гдѣ Фридрихъ на колѣняхъ умолялъ о пощадѣ Александра III. Говорятъ, что папа при этомъ поставилъ ногу на голову императора и произнесъ стихъ изъ псалма: „на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змія". По всей вѣроятности, это легенда; но, во всякомъ случаѣ, венеціанское свиданіе было однимъ изъ самыхъ блестящихъ тріумфовъ средневѣкового папства, и за эту побѣду преемники св. Петра обязаны не своей свѣтской власти, а духовному авторитету, ставшему на сторону народныхъ стремленій къ политической свободѣ и національной независимости. Поддержка папами городского движенія создало такъ называемую гвельфскую идею, чрезвычайно живучую мечту о федераціи независимыхъ итальянскихъ городовъ подъ гегемоніей св. Престола. Но союзъ средневѣкового папства съ свободой и патріотизмомъ былъ явленіемъ случайнымъ и скоропреходящимъ. Поддерживая освободительныя стремленія въ Ломбардіи, папы вели съ ними ожесточенную борьбу въ Римѣ. Движеніе сѣверно-итальянскихъ городовъ захватило и папскую столицу, но сравнительно поздно, только въ XII столѣтіи. Священный городъ былъ гораздо бѣднѣе своихъ сѣверныхъ сосѣдей: тамъ промышляли больше реликвіями и спекулировали насчетъ благочестія богомольцевъ; не купецъ и промышленникъ стояли тамъ на первомъ планѣ, а монахъ и священникъ, и римское населеніе пользовалось весьма дурною репутаціей за свою хищность, грубость и продажность. Съ другой стороны, высшіе классы папской столицы не представляли изъ себя замкнутаго сословія, сплоченнаго общими интересами. Папскій или императорскій ленъ могли сдѣлать барономъ всякаго гражданина, и бывали случаи, что крещеный еврей занималъ видное мѣсто среди римской знати, а его ближайшій потомокъ возводился на престолъ св. Петра. Эта аристократія, весьма обезсиленная внутренними рас-

прями, а также борьбой съ папами и императорами, и правила Римомъ, пока революція 1143 года не уничтожила аристократическій режимъ. Папская столица организовалась въ самостоятельную городскую коммуну, во главѣ которой былъ поставленъ „священный сенатъ“ изъ простыхъ гражданъ на Капитоліи. Съ гражданами соединилось мелкое дворянство, и новое правительство декретировало отмѣну свѣтской власти папы въ священномъ городѣ. Папа Люцій II соединился съ знатью и попытался силою овладѣть революціоннымъ сенатомъ, но былъ убитъ при осадѣ Капитоліи. Началась долгая и ожесточенная борьба, которая не повела, однако, къ полной побѣдѣ римскихъ епископовъ. Могущественный Иннокентій III заставилъ римлянъ признать свою верховную власть; но община сохранила право имѣть свое особое войско, финансы и постановлять самостоятельныя рѣшенія по вопросу о войнѣ и мирѣ. Папство и здѣсь, какъ въ спорѣ за инвеституру, пошло на компромиссъ и значительно поступилось своею свѣтскою властью; но это не помѣшало ему теперь впервые осуществить первую половину іерархической программы Григорія VII. Въ XIII столѣтіи римскіе епископы восторжествовали надъ высшими представителями свѣтской власти, и церковь подчинила себѣ государство и общество. Новая побѣда одержана была съ помощью старой силы—аскетическаго движенія, которое чрезвычайно возросло благодаря крестовымъ походамъ.

Во всемірной исторіи найдется немного событій, которыя такъ соотвѣтствовали бы общественнымъ потребностямъ и настроенію, какъ крестовые походы. Они стояли въ тѣснѣйшей связи почти со всѣми сторонами духовнаго и матеріальнаго существованія средневѣкового общества. Прежде всего, это было движеніе религіозное, вѣрное средство снискать душевное спасеніе; но оно имѣло такую форму, въ которую укладывались всѣ земныя потребности, въ которой примирялось непримиримое противорѣчіе между земнымъ наслажденіемъ и загробнымъ блаженствомъ. Въ Западной Европѣ тогда еще не улеглось окончательно великое переселеніе народовъ: норманны въ XI вѣкѣ завоевали Англію, южную Италію, дѣлали нападенія на сѣверную Африку. Теперь это стремленіе получало самое желательное удовлетвореніе, потому что походъ обѣщалъ

новыя владѣнія на землѣ и вѣрное мѣсто въ раю, и норманны составили значительный контингентъ крестоноснаго ополченія. Старинная борьба съ магометанскимъ Востокомъ, который нѣкогда имѣлъ въ виду покорить христіанскій Западъ, вызывала реакцію, и крестовые походы удовлетворяли этому неясному, инстинктивному чувству. Еще болѣе соотвѣтствовало новое движеніе яснымъ и сознательнымъ потребностямъ тогдашняго настроенія. Религіозное одушевленіе XI вѣка обостряло сознаніе грѣховности и требовало подвиговъ. Путешествіе къ святымъ мѣстамъ считалось тогда дѣйствительнымъ средствомъ спасенія, и въ Палестину на богомолье отправлялись массами всѣ представители обезпеченныхъ классовъ общества: духовенство, знать, купцы и даже коронованныя особы. Пилигримы считались не десятками, не сотнями, а тысячами. Въ 1064 году, подъ предводительствомъ майнцскаго архіепископа, въ Палестину отправилось 7,000 богомольцевъ. Не мало горя, оскорбленій и опасностей приходилось переживать благочестивымъ пилигримамъ, и замѣна скорбнаго путешествія побѣдоноснымъ походомъ съ одинаковымъ результатомъ для души должна была представляться чрезвычайно привлекательной. Кромѣ того, крестовый походъ, какъ спасительное средство, замѣнялъ монастырь, и это имѣло огромную важность какъ для рыцаря, такъ и для крестьянина. Феодальный дворянинъ съ своими вкусами и образомъ жизни стоялъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ церковными требованіями, а, слѣдовательно, и съ самимъ собою, потому что онъ былъ человѣкъ вѣрующій. Все, чѣмъ онъ жилъ, церковь осуждала и проклинала. Его любимымъ, почти единственнымъ занятіемъ была война, а церковь запрещала даже и турниры и лишала христіанскаго погребенія убитыхъ на такомъ состязаніи. Рыцари проводили жизнь въ пирахъ, не хотѣли знать никакихъ ограниченій своему произволу; ихъ поэты еретически ставили даже земную любовь выше загробнаго блаженства, а церковь требовала отъ нихъ поста, послушанія и всяческаго воздержанія, указывая на монаха какъ на идеалъ для подражанія. Рыцарь считалъ эти требованія справедливыми, страшно боялся ада, и сплошь да рядомъ подъ конецъ жизни шелъ въ монастырь; но крутая дисциплина реформированнаго монашества была не подъ

силу дворянину, состарѣвшемуся въ противоположныхъ привычкахъ, и старый грѣшникъ рѣдко умиралъ благочестивымъ инокомъ. Крестовые походы давали возможность спастись войной, т. е. тѣмъ, что́ рыцарь любилъ болѣе всего на свѣтѣ, а, кромѣ того, избавляли отъ кредиторовъ и давали надежду на обильную денежную и земельную добычу. Заработать загробное блаженство тѣмъ, что еще недавно считалось соблазнительнымъ грѣхомъ,— это было удивительно привлекательное средство разрѣшить самую трудную проблему жизни, и рыцарство двинулось на освобожденіе св. Гроба. Для низшихъ классовъ крестовые походы были еще заманчивѣе. Бѣдный вилланъ не имѣлъ средствъ на далекое богомолье, ему и въ монастырь попасть было очень трудно, и въ монахахъ жилось особенно тяжело, а участіе въ крестоносномъ ополченіи сразу избавляло его отъ рабства при жизни и отъ ада послѣ смерти. Папы съумѣли создать такую необычайную войну и хорошо разсчитали дѣйствіе своей проповѣди. Урбанъ II, въ мастерской рѣчи на Клермонскомъ соборѣ, обращался не столько къ благочестивымъ религіознымъ энтузіастамъ, которые и безъ того были готовы на всякій подвигъ, сколько къ грѣшникамъ, которымъ онъ краснорѣчиво изображалъ легкое средство къ спасенію: „Возстаньте,— говорилъ онъ имъ,—обратите противъ враговъ христіанской вѣры ваше оружіе, запятнанное братоубійствомъ. Вы, угнетатели вдовъ и сиротъ, вы, убійцы и святотатцы, вы, которые за жалованье проливаете христіанскую кровь и которыхъ, какъ коршуновъ, привлекаетъ запахъ боевого поля, поспѣшите, если любите свою душу, выступить на защиту Іерусалима подъ предводительствомъ Христа. Вы всѣ, виновные въ такихъ преступленіяхъ, которыя отлучаютъ васъ отъ Христова царства, выкупайте себя этою цѣною, ибо такова воля Божія“. Каковы бы ни были политическія соображенія, заставившія Урбана II проповѣдовать крестовый походъ, не они создали это движеніе, и самъ папа хорошо понималъ ихъ безсиліе.

Ставши во главѣ столь популярнаго движенія, которое охватило вскорѣ всю Европу, папы сдѣлались въ силу одного этого факта верховными руководителями христіанскаго міра даже въ той сферѣ, которая принадлежала императору. Недаромъ

Клермонскій соборъ начался провозглашеніемъ превосходства духовной власти надъ свѣтскою и властнымъ отлученіемъ отъ церкви непослушнаго французскаго короля, а кончился торжественнымъ признаніемъ, что слова намѣстника Христа составляютъ несомнѣнное выраженіе воли Божіей. Духовный авторитетъ папы стоялъ теперь незыблемо, и идеалы Григорія VII сильно двинулись къ осуществленію. Но крестовые походы создали, кромѣ того, для папства новыя силы, которыя цѣлое XII столѣтіе поддерживали римскихъ епископовъ въ тяжелой борьбѣ съ могущественною династіей на императорскомъ престолѣ, а въ XIII вѣкѣ доставили почти полное торжество іерархической системѣ Григорія VII. Прежде всего, усиленное ими религіозное одушевленіе сдѣлало невозможнымъ появленіе на престолѣ св. Петра такихъ нравственныхъ уродовъ, какими богаты были предшествовавшія столѣтія; далѣе оно создало такіе монашескіе ордена, какихъ еще не бывало на Западѣ, и вполнѣ подчинило ихъ св. Престолу. Наконецъ, крестовые походы усилили и матеріальныя средства папы.

Никогда еще монашескій духъ не былъ такъ силенъ въ Западной Европѣ, какъ въ XII и въ началѣ XIII столѣтія. Строгая дисциплина Клюни, нѣсколько ослабѣвшая въ это время, перестаетъ удовлетворять благочестивыхъ людей, вслѣдствіе чего образуется цѣлый рядъ новыхъ орденовъ, въ которыхъ аскетическія требованія выполнялись съ необычайною строгостью. Такъ, уставъ картезіанскаго ордена абсолютно запрещалъ не только говорить, но даже громко молиться, не позволялъ иной пищи, кромѣ хлѣба, воды и овощей, не допускалъ и при богослуженіи употреблять сосуды, сдѣланные изъ драгоцѣнныхъ металловъ, и обстоятельно опредѣлялъ, на что долженъ употреблять монахъ каждый часъ дня и ночи. Но особенною извѣстностью пользовался орденъ цистерціенскій, монахамъ котораго запрещалось, между прочимъ, заниматься свѣтскою наукой. Его основатель, Бернардъ Клервальскій, учредилъ при своей жизни 160 новыхъ монастырей. Но на ряду съ крайнимъ аскетизмомъ въ монашествѣ этой эпохи обнаруживается сознательное и опредѣленное стремленіе быть полезнымъ міру, вмѣшиваться въ толпу и дѣйствовать на нее. Прежніе ордена и новые,

основанные по ихъ образцу, никогда не ставили себѣ подобныхъ задачъ, кромѣ развѣ миссіонерства. Отъ христіанскаго міра они удалялись и только выдающіяся лица, какъ Бернардъ, а не простые монахи оказывали вліяніе на свѣтское общество. Прежніе монастыри были слишкомъ богаты, чтобы сдѣлаться популярными; новые иногда налагали на своихъ членовъ обѣтъ безусловнаго безмолвія. Въ эту эпоху образуются ордена или съ филантропическою цѣлью, или для защиты оружіемъ вѣры и вѣрующихъ, какъ палестинскіе рыцари, или съ цѣлью дѣйствовать на христіанскій міръ проповѣдью и примѣромъ, какъ нищенствующіе монахи. Эта послѣдняя категорія и составила главную армію папства.

Рыцарскіе ордена Іерусалимскаго королевства имѣли необыкновенный успѣхъ и быстро распространялись на Западѣ, потому что ихъ организація весьма искусно соединяла въ одномъ лицѣ монаха и солдата, два противоположныхъ идеала средневѣкового общества. Сословныя перегородки, существовавшія въ феодальномъ мірѣ, сохранялись и здѣсь: члены ордена дѣлились на три категоріи, изъ которыхъ двѣ первыя—священники и рыцари—были исключительно благороднаго происхожденія, а простая братія состояла изъ лицъ городского и сельскаго сословія, которыя служили солдатами или употреблялись на работы въ орденскихъ владѣніяхъ. Эти конгрегаціи, находившіяся подъ исключительною властью римскаго епископа, составляли новую опору папства. Но колоссальныя средства орденовъ и свѣтскія привычки монашествующихъ рыцарей весьма рано подорвали ихъ авторитетъ въ свѣтскомъ обществѣ, и уже въ началѣ XIII столѣтія папы дѣлаютъ предостереженія и замѣчанія какъ тамплиерамъ, такъ и іоаннитамъ. Гораздо надежнѣе были нищенствующіе францисканцы и доминиканцы, самая могучая армія средневѣкового папства. Одному папѣ было видѣніе, что резиденція римскихъ епископовъ въ Латеранѣ дважды разваливалась, но ее невидимо поддержали одинъ разъ св. Францискъ, другой св. Доминикъ, и, дѣйствительно, заслуга обоихъ праведниковъ передъ св. Престоломъ неоцѣнима. Сынъ богатаго купца изъ Ассизи, Францискъ былъ пламенный религіозный энтузіастъ, одушевленіе котораго доходило до галлюцинацій. Евангельскій текстъ, требующій безусловнаго от-

реченія отъ собственности и полнаго подражанія Христу, произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Двадцатилѣтнимъ юношей оставилъ онъ роскошный отцовскій домъ и въ лохмотьяхъ сталъ бродить изъ города въ городъ, добывая себѣ скудное пропитаніе нищенствомъ или самою грязною работой и повсюду проповѣдуя слово Божіе, какъ тогда его понимали. Св. Францискъ получилъ весьма посредственное образованіе и былъ болѣе поэтъ, чѣмъ теологъ; тѣмъ не менѣе, его проповѣдь имѣла колоссальный успѣхъ. Религіозное одушевленіе всегда заразительно, а св. Францискъ былъ восторженный проповѣдникъ, который обращался не только къ людямъ въ городахъ и селеніяхъ, но и къ птицамъ въ полѣ, убѣждая ихъ непрерывно воспѣвать хвалу Творцу. Новый учитель быстро пріобрѣлъ репутацію великаго праведника; о его чудесахъ передавали много подробностей, и очевидцы утверждали, что на его тѣлѣ находились такія же раны, какія были у Христа, и что онѣ были нанесены ему рукою ангела. Совершенно естественно, что св. Францискъ нашелъ массу подражателей, которые составили особый монашескій орденъ миноритовъ. Папа Григорій IX утвердилъ статутъ новаго ордена и канонизировалъ Франциска только два года спустя послѣ его смерти. Въ томъ же духѣ, только съ инымъ оттѣнкомъ, дѣйствовалъ современникъ Франциска, св. Доминикъ, основатель ордена нищенствующихъ проповѣдниковъ. Это былъ ученый испанецъ, мрачный фанатикъ, менѣе экспансивный, чѣмъ св. Францискъ, но столь же пламенный и энергичный. Поэтическое одушевленіе итальянскаго праведника въ св. Доминикѣ замѣнялось жестокою религіозною ревностью, безпощадною злобой ко всему, что враждебно церкви. Св. Францискъ былъ религіозный мечтатель, въ сущности, беззавѣтно любившій міръ и человѣка, несмотря на свой аскетизмъ; св. Доминикъ—страстный формалистъ-церковникъ, глубоко ненавидѣвшій все, что нарушало традиціонныя ученія. Св. Франциска воспламенило евангеліе, св. Доминика нечеловѣческія жестокости надъ альбигойцами, которыхъ онъ былъ очевидцемъ. Изъ послѣдователей перваго вышли мистики, изъ послѣдователей второго – Торквемада и инквизиторы. Но по отношенію къ папству оба праведника и ихъ ордена дополняли другъ друга: св. Францискъ вербовалъ ему

новыхъ друзей, св. Доминикъ истреблялъ его враговъ, и нищенствующіе монахи сдѣлались страшною силой.

Духовенство, реформированное Григоріемъ VII, потеряло семью, но сохранило одну сильную связь съ обществомъ—собственность. Стремленіе къ пріобрѣтенію богатства ставило его въ зависимость отъ окружающей среды, заставляло раздѣлять свѣтскіе интересы паствы, участвовать въ ея промышленной и торговой дѣятельности. Новое монашество, презиравшее собственность, нищее по статуту, являлось полнымъ воплощеніемъ того идеала чисто-духовной силы, который носился передъ глазами Григорія VII. Совершенно независимые отъ міра, новые аскеты шли въ міръ не для того, чтобы жить его жизнью, но чтобы облегчать его бремя, чтобы истреблять въ немъ грѣхъ и заблужденіе и, въ концѣ-концовъ, чтобы управлять имъ въ духѣ тогдашняго католицизма. Эта огромная толпа, пока еще страстно и слѣпо преданная папству, по мановенію св. Престола съ одинаковымъ усердіемъ шла проповѣдовать крестовый походъ противъ его враговъ, возстановлять подданныхъ противъ непослушнаго церкви государя, ловить, судить и сожигать еретиковъ, а также собирать подати и подаянія на нужды римскаго епископа. Босой монахъ быстро проникъ во всѣ классы общества и овладѣлъ всѣми сторонами духовной жизни. Онъ былъ своимъ человѣкомъ деревенскому бѣдняку, а, въ то же время, скоро сталъ совѣтникомъ и другомъ у великихъ міра сего и повсюду проповѣдовалъ о правахъ папства то съ поэтическимъ одушевленіемъ истаго францисканца, то съ суровымъ фанатизмомъ настоящаго доминиканца. Римскіе епископы рано оцѣнили значеніе новыхъ орденовъ и предоставили имъ массу привилегій и, между прочимъ, право исповѣди, которое прежде принадлежало приходскому духовенству, и нищенствующіе монахи быстро овладѣли совѣстью вѣрующихъ, а вслѣдъ затѣмъ и ихъ разумомъ. При новыхъ монастыряхъ основывались школы, изъ которыхъ наиболѣе способные ученики посылались въ университеты. Благодаря этому, просвѣщеніе и наука попали въ руки миноритовъ и проповѣдниковъ. Они занимали большую часть университетскихъ каѳедръ, и изъ ихъ среды вышли самыя блестя-

щія свѣтила схоластики: Альбертъ Великій, Ѳома Аквинскій, Бонавентура и Роджеръ Бэконъ.

Благодаря удачному компромиссу въ рѣшеніи вопроса о свѣтскихъ владѣніяхъ церкви и новымъ силамъ, созданнымъ крестовыми походами, папство въ первой половинѣ XIII в. достигло апогея своего могущества. Иннокентій III осуществилъ всѣ идеалы Григорія VII, кромѣ инвеституры, и осуществилъ ихъ съ невиданнымъ блескомъ. Сцена въ Каннсѣ повторилась со всею Европой, и св. Престолъ распоряжался королевскими коронами, какъ своимъ неотемлемымъ достояніемъ, и облагалъ податями самостоятельныя государства, какъ свои ленныя владѣнія. Каѳедра св. Петра стояла теперь на недосягаемой высотѣ, удержаться на которой не могли его преемники. Средневѣковое папство достигло полнаго тріумфа, получило его по заслугамъ, но только въ концѣ своей культурно-исторической миссіи. Это былъ апоѳеозъ учрежденія, уже отслужившаго свою историческую службу.

До XIII столѣтія папство въ цѣломъ и общемъ было благотворною силой. Въ ранніе періоды средневѣковой исторіи оно воспитывало умственно и нравственно тогдашнее общество. Каково бы ни было тогдашнее просвѣщеніе, оно вышло изъ церкви; какъ ни мало-содержательна была церковная наука, она будила мысль, вызывала теоретическіе интересы, развивала способности къ отвлеченному мышленію. Схоластика—не наука въ нашемъ смыслѣ этого слова, но она—первые, тяжелые, иногда смѣшные шаги къ научной работѣ. Папство было первымъ учителемъ грамотности средневѣкового человѣчества и превосходнымъ педагогомъ для варваровъ, потому что поставило религію стимуломъ къ просвѣщенію. Стремленіе къ знанію—ради него самого—признакъ высокой культуры, результатъ долговременнаго развитія; средневѣковой Европѣ оно было совершенно чуждо. Ансельмъ Кентерберійскій, основатель новой эры въ схоластикѣ, еще въ XI столѣтіи ставилъ вѣру источникомъ стремленія къ знанію. Понять то, во что вѣруешь—такова цѣль тогдашней науки, и только могущественною силой вѣры можно объяснить то страшное напряженіе ума, съ которымъ рѣшались недоступные для него вопросы о религіозныхъ догматахъ. Съ помощью

этой же силы воспитало папство и искусство. Христіанство—религія духа по преимуществу—поставило художнику задачи, противоположныя тѣмъ, которыя предъявлялъ искусству античный міръ. Греческій художникъ стремился создать тѣло, идеализированное красотой; христіанскій, не заботясь о тѣлесныхъ формахъ, долженъ былъ наглядно выразить могучую силу духа. Но религія ставила не только идеальныя задачи искусству: католицизмъ съ его пышнымъ культомъ предъявлялъ ему реальныя требованія—построить грандіозный храмъ, изобразить идеальнаго героя духовной силы—аскета. Въ результатѣ получился готическій соборъ и средневѣковая иконографія, которая стоитъ въ такомъ же отношеніи къ новой живописи, какъ схоластика къ современной наукѣ. Тѣ же самые результаты въ морали и политикѣ. Аскетизмъ содѣйствовалъ культурному обузданію незнавшихъ удержу страстей варвара, и папскій авторитетъ пріучилъ его повиноваться закону, а не силѣ. Св. Престолъ выставилъ даже великій принципъ христіанскаго братства народовъ на почвѣ ихъ политическаго объединенія. Правда, объединеніе не состоялось и братство осталось мечтательнымъ идеаломъ, если не просто мечтой; но папство сблизило народы Запада, создавши для нихъ культурное единство. Римскіе епископы установили на всемъ протяженіи католической Европы одинаковыя вѣрованія, одинаковый богослужебный ритуалъ, языкъ, и, слѣдовательно, общее направленіе въ наукѣ и однообразное искусство, создали даже интернаціональный, космополитическій общественный классъ, который во всѣхъ національностяхъ одушевляли одни и тѣ же стремленія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что папство въ свое время было великою культурною, объединяющею силой, но и оно, какъ всѣ человѣческія учрежденія, не абсолютно. Если посмотрѣть на св. Престолъ издалека, откуда не видно мелкаго и низкаго, а выдается только возвышенное и грандіозное, то средневѣковое папство легко идеализировать, легко представить себѣ, какъ наисправедливѣйшую форму общежитія. На самомъ дѣлѣ намѣстникъ Христа управляетъ объединеннымъ въ братствѣ человѣчествомъ нравственною силой высокаго евангельскаго ученія. Но въ дѣйствительности намѣстники Христа весьма рѣдко заслуживали названіе даже преемника апостола; и, кромѣ того,

самая основа ихъ власти — абсолютный религіозный авторитетъ — держалась только на такомъ вѣрованіи, которое обусловливается культурнымъ состояніемъ общества. Безусловная власть одного человѣка надъ мыслью и чувствомъ людей возможна только въ младенческихъ обществахъ; но народы не вѣчно остаются въ младенчествѣ и, вмѣстѣ съ духовнымъ ростомъ, у нихъ появляется стремленіе къ свободѣ и развивается критическое отношеніе къ авторитету.

Весьма рано, еще въ XII вѣкѣ, папству пришлось столкнуться съ такимъ настроеніемъ, и преемники св. Петра отвѣчали на него проклятіемъ, а потомъ инквизиціей. Но насиліемъ нельзя поддержать нравственнаго авторитета, и оппозиція противъ папства все росла и росла, а намѣстники Христа становились все менѣе и менѣе достойными своего высокаго званія. Во второй половинѣ XIX вѣка явилась отчаянная попытка возродить отжившее учрежденіе, и католическій соборъ возвелъ папскую непогрѣшимость въ догматъ христіанской религіи. Идея не новая и ея торжественная реставрація не повлекла за собою никакихъ утѣшительныхъ послѣдствій для папства. Громкая фраза такъ и осталась пустымъ звукомъ.

VIII.

Начало паденія средневѣкового папства. — Оппозиція противъ него со стороны науки и религіи. — Инквизиція. — Борьба Григорія IX и Иннокентія IV съ Фридрихомъ II и значеніе ихъ побѣды.

Съ половины XIII в. начинается упадокъ средневѣкового папства, который закончился его полнымъ паденіемъ. Въ теченіе этого столѣтія происходитъ болѣе или менѣе успѣшная борьба противъ всѣхъ отживающихъ свой вѣкъ силъ: королевская власть во Франціи обуздываетъ феодаловъ, города добываютъ себѣ самостоятельность, демократія ведетъ борьбу со знатью и противъ стараго папства начинаютъ оппозицію и научная мысль, и религіозное чувство, и свѣтское государство. *Причины этой послѣдней борьбы заключаются, во-первыхъ, въ деспотизмѣ св. Престола и, во-вторыхъ, во внутреннемъ противорѣчіи аскетическаго*

идеала съ свѣтскою властью папъ, съ мірскою жизнью духовенства и съ черезчуръ матеріальнымъ пониманіемъ религіи.

Въ XIII столѣтіи папскій деспотизмъ доходитъ до крайней степени своего развитія. До этого времени названіе „викарій Бога" не встрѣчается въ оффиціальныхъ документахъ; съ Иннокентія III оно становится титуломъ папы, и юристы выводятъ отсюда цѣлый рядъ заключеній. Такъ, наприм., по ихъ ученію, то, что дѣлаетъ папа, дѣлаетъ самъ Богъ; поэтому онъ можетъ измѣнять природу вещей, дѣлать неправду справедливостью. Канонисты XIII в. утверждали, что такіе поступки, которые заслуживаютъ осужденія во всякомъ человѣкѣ, утрачиваютъ предосудительный характеръ, если они совершены папой. „При римскомъ дворѣ не можетъ быть симоніи", — говорили они, хотя бы тамъ и продавали за деньги духовныя должности. Отъ папы, какъ отъ Бога, нельзя требовать основанія для его дѣйствій, и его воля — достаточное оправданіе для всякаго акта. Законы церкви и даже собственные декреты римскаго епископа обязательны для всѣхъ, кромѣ папы, который стоитъ выше закона. При такомъ, доходящемъ до богохульства, деспотизмѣ немыслимо существованіе никакой науки, невозможно проявленіе никакого свободнаго религіознаго чувства, и науки и религія столкнулись съ папствомъ. Средневѣковая схоластика опиралась на церковное ученіе, которое она считала незыблемымъ основаніемъ философіи и науки. Она не ставила своею задачей отысканіе новыхъ истинъ, а старалась только объяснить разумомъ тѣ, которыя даны церковною догмой. Тѣмъ не менѣе, и эта благочестивая философія вышла за предѣлы католической ортодоксальности. Въ ней существовали два направленія: реалистическое, которое подъ вліяніемъ Платона признавало реальное существованіе общихъ идей, отвлеченныхъ понятій и доказывало, что они существуютъ ранѣе предметовъ и явленій чувственнаго міра, и номиналистическое, которое видѣло въ этихъ идеяхъ только логическія понятія. Эти теоретическія ученія были приложены къ догмѣ, и номиналистъ Росцелинъ былъ осужденъ за ересь, точно такъ же, какъ реалистъ Гильбертъ. Такая же участь постигла и нѣкоторыхъ другихъ по-

слѣдователей обѣихъ школъ. Средневѣковой католицизмъ не признавалъ за философіей права на самостоятельное существованіе, требовалъ, чтобы она служила богословію, и, въ то же время, не допускалъ ни малѣйшей свободы изслѣдованія. Движеніе философской мысли не прекращалось, потому что она сдѣлалась уже непреодолимою потребностью времени, но ея представители страдали отъ отсутствія всякой свободы и впадали сплошь и рядомъ въ ересь. Самъ Ѳома Аквинатъ, котораго еще недавно Левъ XIII рекомендовалъ вѣрующимъ, какъ лучшаго представителя истинной философіи, не былъ чуждъ заблужденій. По крайней мѣрѣ, въ концѣ XIII столѣтія строгіе ревнители католической ортодоксальности торжественно осудили цѣлый рядъ тезисовъ, заимствованныхъ изъ его произведеній.

Такое порабощеніе разума не могло не вызвать оппозиціи противъ деспотизма, и ея слѣды замѣчаются въ XII и въ XIII столѣтіяхъ. Знаменитый Абеляръ доказывалъ, что разумъ долженъ предшествовать вѣрѣ, и отмѣчалъ противорѣчія въ твореніяхъ Отцовъ церкви; въ XIII вѣкѣ нищенствующій монахъ Рожеръ Бэконъ отвергалъ абсолютную обязательность церковныхъ авторитетовъ вслѣдствіе ихъ взаимнаго противорѣчія и подвергалъ сомнѣнію даже вѣрность самой Вульгаты. Но эта оппозиція не представляла пока опасности для папства. Критическая мысль только зарождалась, и средневѣковые философы не имѣли смѣлости подвергнуть систематической критикѣ всю церковную систему, потому что не могли противопоставить ей никакой другой, которая обладала бы такою же стройностью и законченностью. Гораздо опаснѣе для папства была религіозная оппозиція.

До XII столѣтія всѣ религіозныя движенія направлялись по готовому руслу, проложенному прежними папами, вслѣдствіе чего всякій новый взрывъ религіознаго энтузіазма только содѣйствовалъ возвышенію св. Престола. Съ этой эпохи положеніе дѣла измѣняется. Въ цѣломъ и общемъ религіозное одушевленіе все еще дѣйствуетъ въ союзѣ съ папствомъ и помогаетъ ему достигнуть окончательнаго торжества; но на ряду съ главнымъ теченіемъ появляется цѣлый рядъ побочныхъ, которыя направляются или про-

тивъ злоупотребленій св. Престола, или даже противъ самаго основанія не только свѣтскаго, но и духовнаго авторитета римскихъ епископовъ. Религіозная оппозиція противъ папства, самая опасная для учрежденія, основаннаго на религіи, шла въ самыхъ разнообразныхъ и даже противоположныхъ направленіяхъ. Она вызывалась и сомнѣніями противъ аскетическаго принципа, и возставала противъ церкви за его нарушеніе. Провансальскій священникъ Пьеръ де-Брюи, ученикъ Абеляра, преувеличивая скептицизмъ своего наставника, отвергалъ всякій религіозный авторитетъ, кромѣ четырехъ евангелій. Построенная имъ на основаніи своеобразнаго пониманія священнаго писанія религіозная система отвергала посты, целибатъ и весь внѣшній культъ. Несмотря на крайній радикализмъ своего ученія, де-Брюи нашелъ послѣдователей на югѣ Франціи, которые разрушали храмы и подвергали истязаніямъ монаховъ. Крайности ученія, теоретическія основанія котораго были мало доступны массѣ, и насилія его партизановъ облегчили церкви побѣду надъ опаснымъ еретикомъ, и де-Брюи былъ сожженъ въ 1126 г. Гораздо труднѣе было справиться св. Престолу съ оппозиціоннымъ движеніемъ во имя аскетическаго идеала противъ мірского характера папства и церкви. Глубокое противорѣчіе между основаніями духовной и свѣтской власти папы и духовенства чувствовалось самими защитниками папства. Кардиналъ Даміани не одобрялъ политической стороны іерархическихъ принциповъ своего друга Григорія VII. Св. Бернардъ Клервальскій открыто писалъ противъ свѣтской власти римскаго епископа, утверждая, „что апостоламъ запрещено свѣтское господство“ и что папы, благодаря своему политическому положенію, являются „преемниками не Петра, а Константина“. Въ принципѣ самыхъ нищенствующихъ орденовъ, которые оказали такую могущественную поддержку побѣдамъ папства, лежало косвенное осужденіе его мірского характера. Римскіе епископы съ поразительною ловкостью съумѣли овладѣть новымъ аскетическимъ движеніемъ и такимъ образомъ замаскировать его противорѣчіе съ своимъ положеніемъ и съ своею политикой. Изъ исторіи вальденцевъ видно, что вышло бы изъ аскетическаго движенія, если бы папы во-время не направили его въ своихъ интересахъ. Вальдусъ проповѣдовалъ

сначала то-же, что св. Францискъ, и папа Люцій III отлучилъ его отъ церкви только за то, что онъ выступилъ на проповѣдь безъ надлежащаго разрѣшенія. Но его послѣдователи, вытолкнутые изъ церковнаго общенія, логически пришли къ отрицанію свѣтской власти папы, а потомъ его духовнаго авторитета. Точно также огромный успѣхъ катарровъ или альбигойцевъ объясняется не ихъ догматическою ересью, а практическою моралью въ духѣ св. Франциска.

Въ еретическихъ движеніяхъ, а также въ нищенствующихъ орденахъ обнаруживается протестъ противъ слишкомъ матеріальнаго пониманія христіанской религіи. Римское папство еще со временъ Григорія I, стараясь приспособить тогда еще новое ученіе къ языческимъ привычкамъ варваровъ, выдвигало на первый планъ обрядъ и культъ. Такое направленіе, возвышавшее роль и значеніе духовенства въ глазахъ простого народа, съ теченіемъ времени все укрѣплялось, такъ что обрядъ заслонилъ моральную сторону религіи, и клиръ исключалъ возможность непосредственнаго сношенія между вѣрующимъ и предметомъ его вѣры. Римскіе епископы, весьма чуткіе ко всякимъ средствамъ, способнымъ усилить ихъ могущество, не замедлили извлечь всевозможныя выгоды изъ такого настроенія, и изобрѣтенныя ими индульгенціи представляютъ собою образецъ грубой и доходной матеріализаціи христіанства. Папы присвоили себѣ исключительное право отпускать подъ извѣстнымъ условіемъ всякій грѣхъ, и такія *полныя* индульгенціи, обѣщанныя Урбаномъ II за участіе въ крестовомъ походѣ, много содѣйствовали напряженности этого движенія. Но здѣсь еще предполагалось сокрушеніе грѣшника о своихъ проступкахъ, потому что онъ, оставляя все дорогое, шелъ на святое дѣло. Позже прощеніе грѣховъ связывалось не съ настроеніемъ, а съ чисто-формальными дѣйствіями. Достаточно было присутствовать при освященіи храма, принять участіе въ праздникѣ въ честь святого или даже прослушать мессу въ извѣстной церкви, чтобы получить частичную индульгенцію, т.-е. прощеніе всѣхъ или нѣкоторыхъ грѣховъ за извѣстный періодъ времени. Наконецъ, въ XII и XIII столѣтіяхъ отпущеніе грѣховъ папы прямо продавали за деньги: не желавшій принимать участія въ крестовомъ походѣ

могъ за извѣстную сумму денегъ получить такую же индульгенцію, какъ и настоящій крестоносецъ. Какъ ни противорѣчилъ такой грубый формализмъ духу Христова ученія, средневѣковые философы, для которыхъ всякое церковное ученіе было безспорною истиной, составили для него чрезвычайно характерное объясненіе, совершенно въ духѣ того времени. Въ XIII столѣтіи Александръ Галесъ изобрѣлъ, а Альбертъ Великій и Ѳома Аквинскій развили и усовершенствовали знаменитое ученіе о сокровищницѣ благодати. По ихъ словамъ, одной капли крови Христа было достаточно для искупленія грѣховъ всего міра, а Онъ пострадалъ и умеръ, вслѣдствіе чего остался неисчерпаемый запасъ благодати, который еще увеличился заслугами святыхъ, такъ какъ они совершили гораздо болѣе подвиговъ, чѣмъ было нужно для ихъ личнаго спасенія. Папа, какъ намѣстникъ Христа, вправѣ произвольно распоряжаться этимъ открывающимъ рай запасомъ. Но такой матеріальный способъ пріобрѣтать оправданіе не вполнѣ удовлетворялъ даже народную массу, которой гораздо понятнѣе была теорія бичеваній Даміана, потому что она заставляла выстрадать совершонный грѣхъ. Какъ бы въ отвѣтъ на индульгенціи, въ 1260 г. въ Перуджіи начинается движеніе флагеллантовъ, которое быстро распространилось по другимъ городамъ Италіи, а также и за Альпами. Это былъ странный, почти болѣзненный взрывъ религіознаго энтузіазма. Сознаніе грѣховности охватило всѣ возрасты и состоянія. Мужчины, женщины и даже пятилѣтнія дѣти, босыя, съ обнаженными плечами, несмотря на суровую зиму, ходили длинною процессіей парами изъ одной церкви въ другую со свѣчами въ рукахъ и съ пѣніемъ покаянныхъ гимновъ. Эта толпа грѣшниковъ, которые то подвергали себя взаимному бичеванію, то съ воплями бросались на землю, производила страшное впечатлѣніе. Преступники добровольно заявлялись властямъ, убійцы давали мечъ въ руки своимъ врагамъ съ просьбою смертью наказать ихъ за преступленіе, но тѣ кидали оружіе и сами бросались къ ногамъ виновниковъ ихъ несчастія. Папы не безъ основанія увидѣли въ этомъ движеніи опасные элементы и скоро его запретили.

Болѣе общая, болѣе глубокая и интенсивная оппозиція противъ

матеріализаціи церкви шла со стороны средневѣковыхъ мистиковъ. Мистическое направленіе, стремленіе не понять божество холоднымъ разумомъ, а непосредственно соединиться съ нимъ чувствомъ, чтобы, въ концѣ-концовъ, слиться съ нимъ, въ большей или меньшей степени свойственно всѣмъ средневѣковымъ богословамъ. Но съ XIII столѣтія оно усиливается и принимаетъ опасные для папства размѣры.

Аббатъ Іоахимъ въ концѣ XII вѣка (умеръ 1202 г.) дѣлилъ исторію на 3 періода: періодъ Бога Отца или закона — эпоха свѣтскихъ, женатыхъ людей; періодъ Сына или евангелія буквы — эпоха бѣлаго духовенства, и будущій періодъ Св. Духа — эпоха монаховъ. Францисканецъ Герардино въ серединѣ XIII вѣка, принимая это дѣленіе, уже утверждаетъ, что папа знаетъ только букву и не имѣетъ власти судить о духѣ; а въ концѣ этого столѣтія Іоаннъ Олива, раздѣливши исторію церкви на 6 періодовъ, заявляетъ, что римская церковь въ 6-мъ періодѣ достигла всемірнаго главенства и сдѣлалась великою блудницей, о которой говорится въ Апокалипсисѣ. Папы усердно запрещали эти ученія, но они продолжали развиваться и въ XVI вѣкѣ вступили въ союзъ съ реформаціей.

Религіозная оппозиція, опасная и сама по себѣ, соединялась иногда съ политическимъ движеніемъ и вступала въ дѣятельную борьбу съ св. Престоломъ. Такъ было въ XII столѣтіи, когда папы на время потеряли всю свѣтскую власть надъ своею столицей и потомъ долго оставались въ ней весьма и весьма ограниченными государями. Тогда во главѣ городского движенія стоялъ еретикъ Арнольдъ изъ Брешіи. Арнольдъ представляетъ собою перваго мученика за тотъ идеалъ независимости священнаго города отъ папы, который осуществился только во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія. Ученикъ и близкій другъ Абеляра, онъ приложилъ принципы своего учителя къ политическимъ вопросамъ и пришелъ къ глубокому убѣжденію, что обладаніе духовенствомъ не только свѣтскою властью, но и поземельною собственностью противорѣчитъ христіанству. Краснорѣчивый ораторъ и добродѣтельный человѣкъ, Арнольдъ смѣло проповѣдовалъ свое ученіе по городамъ Италіи и

производилъ повсюду сильное впечатлѣніе. Родная Брешія подъ вліяніемъ его проповѣди прогнала своего епископа; тогда папа объявилъ Арнольда еретикомъ и осудилъ его на изгнаніе. Народное движеніе въ Брешіи было подавлено, и Арнольдъ отправился во Францію защищать своего учителя отъ обвиненій въ ереси и вмѣстѣ съ нимъ вторично подвергся анаѳемѣ. Долгое время блуждалъ онъ за Альпами подъ неутомимымъ преслѣдованіемъ церкви. Такъ, когда онъ поселился въ Цюрихѣ, Бернардъ Клервальскій требовалъ отъ мѣстнаго митрополита его изгнанія, хотя въ весьма своеобразной формѣ призналъ его аскетическій образъ жизни. „Онъ не ѣстъ, не пьетъ, — писалъ Бернардъ, — а голодаетъ съ дьяволомъ и жаждетъ крови христіанскихъ душъ". Арнольдъ нашелъ пріютъ у папскаго легата въ Германіи, тоже нѣкогда слушавшаго Абеляра, но церковь и здѣсь лишила его убѣжища, и осужденный еретикъ продолжалъ свои скитанія. Въ это время началось движеніе въ Римѣ, и друзья свободы призвали себѣ на помощь Арнольда. Теперь ему представлялась грандіозная задача возстановить римскую республику, и онъ съ жаромъ принялся за ея осуществленіе. Живымъ изображеніемъ добродѣтелей ранняго христіанства Арнольдъ увлекъ низшее духовенство, которое примкнуло къ народному движенію, а краснорѣчиво нарисованныя величественныя картины античной республики съ ея господствомъ надъ міромъ, съ ея высокими доблестями усиливали энтузіазмъ римскаго населенія. Ставши во главѣ движенія, Арнольдъ реставрировалъ Капитолій, возстановилъ сенатъ и всадническое сословіе, и римскій народъ гордо предложилъ императорскую корону „швабу" Фридриху I. Во всемъ этомъ было много поэтическаго увлеченія, и фантазіи новаго трибуна были гораздо выше и грандіознѣе дѣйствительности. Барбаросса съ пренебреженіемъ отнесся къ посламъ римскаго народа, а когда папа наложилъ интердиктъ на свою столицу передъ самою Пасхой, то граждане и сенатъ выгнали своего трибуна, чтобы не лишиться пышныхъ пасхальныхъ церемоній, и Арнольдъ, попавши въ руки Фридриха I, былъ выданъ папѣ и покончилъ жизнь на кострѣ. Но въ народномъ движеніи къ политической самостоятельности были жизненные элементы, и папы не только не могли

вполнѣ подчинить себѣ Рима, но цѣлыхъ 9 лѣтъ тщетно боролись противъ осужденнаго еретика, котораго поддерживалъ возставшій народъ.

Римскіе епископы хорошо понимали опасность научной и религіозной оппозиціи и принимали противъ нея самыя рѣшительныя мѣры, въ которыхъ съ полною ясностью обнаружились наиболѣе опасныя для культуры послѣдствія папскаго деспотизма. Безчеловѣчная жестокость экстраординарныхъ предпріятій противъ еретиковъ хорошо извѣстна изъ исторіи знаменитаго крестоваго похода на альбигойцевъ; но и постоянныя мѣры для этой цѣли были немногимъ мягче. На Веронскомъ соборѣ 1184 года папа Люцій III постановилъ, чтобы каждый епископъ разъ или два раза въ годъ визитировалъ свои епархіи для розыска тамъ еретиковъ. При проѣздѣ епископа созывали важнѣйшихъ жителей каждаго прихода, которые должны были подъ клятвою назвать людей, посѣщающихъ тайныя собранія или отличающихся своеобразными обычаями. Заподозрѣнные должны были тоже поклясться, что они не принадлежатъ къ еретикамъ, въ противномъ случаѣ ихъ обвиняли. Въ началѣ XIII вѣка, во время борьбы съ альбигойцами, для юга Франціи были приняты чрезвычайныя мѣры. Соборъ въ Нарбоннѣ 1227 года назначилъ въ каждой коммунѣ нѣсколько членовъ, на обязанности которыхъ лежало разыскивать еретиковъ и доносить на нихъ. Два года спустя Тулузскій соборъ назначилъ для этой цѣли въ каждомъ приходѣ постоянную комиссію изъ священника и свѣтскаго лица, которые должны были искать еретиковъ всюду—въ домахъ, въ ригахъ, въ погребахъ, въ лѣсахъ. Въ 1232 году Григорій IX обобщилъ эти мѣры въ постоянное учрежденіе, которое потомъ было поручено въ исключительное вѣдѣніе доминиканцевъ. Такъ возникла знаменитая инквизиція, самое жестокое, самое несправедливое судилище, какое только знаетъ исторія. Чтобы поощрить доносъ, доносчику предоставлена часть собственности жертвы; чтобы оградить его отъ всякихъ опасностей, отъ обвиняемаго скрывали его имя и не допускали очныхъ ставокъ. Чтобы вынудить признаніе у подсудимаго, его подвергали пыткѣ, причемъ врачу запрещалось подавать ему помощь, а адвокату защищать его дѣло.

Наказанія поражаютъ своею жестокостью. Добровольно отрекшійся отъ ереси всю жизнь носилъ на платьѣ красный крестъ, не смѣлъ надѣть никакого украшенія и долженъ былъ каждое воскресенье являться съ розгами въ церковь, чтобы священникъ подвергалъ его бичеванію. Если отреченіе вынуждено пыткою, виновнаго подвергали пожизненному заключенію; если обвиняемый оставался твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, его сожигали, причемъ эта послѣдняя операція поручалась свѣтской власти, которая, однако, не имѣла права производить какого бы то ни было допроса. Имущество еретика конфисковалось, а иногда его семья подвергалась и другимъ наказаніямъ. Въ эпоху своего торжества надъ свѣтскою властью папство привило этотъ инквизиціонный ядъ и государству, и высокая религія любви подверглась такому искаженію, что ею прикрывали сатанинскую злобу. Благодаря этимъ мѣрамъ, папы временно справились съ оппозиціей, но наложили вѣчное, несмываемое пятно на св. Престолъ. Неудивительно поэтому, что когда въ XVI столѣтіи намѣстникъ Христа былъ объявленъ антихристомъ, большая часть Запада чрезвычайно быстро согласилась съ такимъ наименованіемъ: оно было подготовлено предшествующею исторіей.

Наряду съ оппозиціей научной и религіозной шла непрерывная политическая борьба противъ средневѣкового папства со стороны свѣтской власти, которая и нанесла первый роковой ударъ св. Престолу. Замѣтные признаки начинающагося окончательнаго паденія устарѣвшаго института обнаруживаются въ его послѣдней и самой блестящей побѣдѣ. Преемники Иннокентія III сокрушили вмѣстѣ съ Гогенштауфенами средневѣковую имперію, и эта борьба имѣетъ всемірно-историческое значеніе.

Императорскій престолъ занималъ тогда Фридрихъ II, воспитанникъ Иннокентія III, одна изъ самыхъ интересныхъ фигуръ отживающей эпохи. Клевета и легенда сильно исказили образъ Фридриха II, его друзья и противники между современниками и въ потомствѣ діаметрально противоположно изображаютъ его характеръ. Но и несомнѣнные факты его біографіи показываютъ, что это была странная, полная противорѣчій личность. Талантъ поэта уживался въ немъ съ холоднымъ разсчетомъ законодателя и полководца, по-

литическія фантазіи съ здравымъ и глубокимъ пониманіемъ реальныхъ нуждъ государства, монашескій духъ съ религіозною терпимостью, строгій принципъ легитимизма съ демократическимъ пониманіемъ монархической власти. Средневѣковой Римъ съ городскою чернью представляется ему народомъ античныхъ квиритовъ, которымъ онъ сообщаетъ о каждой своей побѣдѣ; а въ наслѣдственномъ неаполитанскомъ королевствѣ онъ опережаетъ многихъ новыхъ государей, напоминаетъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ своего прусскаго тезку. Въ своихъ доменахъ онъ отпускаетъ на волю рабовъ и высказываетъ такой взглядъ на государственное значеніе науки и просвѣщенія, который сдѣлалъ бы честь и новымъ государямъ. „Знаніе должно идти рука объ руку съ законами и оружіемъ,— пишетъ онъ профессорамъ Болонскаго университета.—Сила духа укрѣпляется пріобрѣтеніемъ знанія, этого блага, безъ котораго нельзя достойно пользоваться жизнью". „Мы думаемъ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—что намъ выгодно дать нашимъ подданнымъ средства для просвѣщенія: знаніе сдѣлаетъ ихъ болѣе способными управлять собою и служить государству". Въ религіозномъ отношеніи Фридрихъ II стоитъ на средневѣковой почвѣ: онъ дружитъ съ монахами цистерціенскаго ордена и собственноручно возлагаетъ вѣнецъ на голову св. Елизаветы; говорятъ даже передъ смертью онъ принялъ монашеское постриженіе. А, въ то же время, онъ не только раздѣляетъ идеи Арнольда изъ Брешіи о церковной реформѣ, но и заключаетъ неслыханный въ средніе вѣка союзъ съ мусульманскимъ государемъ и съ большимъ уваженіемъ относится къ сарацынамъ. За его столомъ католическіе епископы не разъ обѣдали съ арабскими магометанами. Такое же противорѣчіе во взглядѣ Фридриха II на основу королевской власти. Всю жизнь боролся онъ за легитимный принципъ средневѣковой имперіи и наслѣдственной монархіи, а въ поученіи къ сыну говоритъ: „Государи рождаются и умираютъ, какъ прочіе люди; ихъ должны отличать не природа, а добродѣтель, мудрость и величіе души. Знаки королевскаго достоинства не дѣлаютъ тебя королемъ, если ты не украшенъ королевскими качествами. Мы достойны титула короля настолько, насколько мы умѣемъ управлять подданными. Если у

насъ нѣтъ этой способности, мы перестаемъ быть государями". Въ Фридрихѣ II, какъ въ личности, отживающій средневѣковой человѣкъ стоялъ въ непримиримомъ противорѣчіи со взглядами и стремленіями зарождающейся новой исторіи, и это противорѣчіе еще усиливалось отъ его общественнаго положенія. Какъ императоръ, онъ считалъ своею обязанностью распространять Христову вѣру и защищать церковь, своимъ правомъ—владѣть всею Италіей. Поэтому онъ идетъ въ крестовый походъ, позоритъ свое имя сожженіемъ еретиковъ, вынуждаетъ Римъ подчиниться папѣ и ведетъ ожесточенную борьбу съ итальянскими городами. Какъ сицилійскій король, онъ стремится подчинить себѣ духовенство, сожигаетъ нищенствующихъ монаховъ, окружаетъ себя мусульманскою гвардіей, основываетъ школы, создаетъ новое законодательство. На сѣверѣ Италіи онъ во имя отжившаго принципа воюетъ съ городами, носителями новой культуры, которой принадлежитъ будущее; на югѣ онъ основываетъ новое государство со многими признаками просвѣщеннаго абсолютизма и борется съ дряхлѣющими учрежденіями. Одно только объединяло это противорѣчіе—непримиримость его съ стремленіями папства. Папы ненавидѣли Фридриха какъ человѣка, боялись его какъ сицилійскаго короля и не могли допустить осуществленія его идеаловъ какъ императора. Стремленія Фридриха II были несовмѣстимы ни съ духовнымъ деспотизмомъ преемниковъ св. Петра, ни съ свѣтскою властью римскаго епископа. Ожесточенная борьба была неизбѣжна, и Фридрихъ II нашелъ себѣ замѣчательныхъ противниковъ въ лицѣ Григорія IX и Иннокентія IV.

Григорій IX восьмидесятилѣтнимъ старикомъ занялъ каѳедру св. Петра. Родственникъ Иннокентія III и другъ доминиканцевъ, онъ соединилъ въ себѣ теоріи своего предшественника и настроеніе св. Доминика. Желѣзный старикъ обладалъ несокрушимою энергіей, и годы только закалили его религіозный фанатизмъ и развили деспотическую жестокость. Авторъ инквизиціи, Григорій IX съ нечеловѣческою свирѣпостью пустилъ въ ходъ свое любимое дѣтище, массами сожигалъ еретиковъ и объявилъ ихъ отыскиваніе и сожиганіе главною обязанностью свѣтской власти. Такое же настроеніе обнаружилъ онъ въ отношеніи къ Фридриху II. Императоръ былъ

отлученъ по ничтожному поводу, за то, что по болѣзни отложилъ обѣщанный имъ при коронованіи крестовый походъ, и папа не снялъ отлученія, когда Фридрихъ II приступилъ къ исполненію своего обѣщанія. Передъ глазами христіанскаго міра развертывалась странная картина. Намѣстникъ Христа запрещаетъ вѣрующимъ принимать участіе въ крестовомъ походѣ; апостольскій легатъ сопровождаетъ христіанское войско, идущее на освобожденіе Св. Гроба для того, чтобы налагать интердиктъ на всѣ мѣста, куда вступаетъ его предводитель; свѣтскій государь безъ капли крови добываетъ у мусульманъ Іерусалимъ, а глава церкви проповѣдуетъ въ это время крестовый походъ противъ его христіанскихъ владѣній и проливаетъ кровь ни въ чемъ неповиннаго населенія. Императоръ вернулся, разбилъ папскія войска, вынудилъ Григорія IX заключить миръ, весьма, впрочемъ, выгодный для св. Престола: Фридрихъ II помогъ даже папѣ усмирить своихъ сторонниковъ въ Римѣ и подчинить себѣ столицу. Отлученіе снято, но только для того, чтобы замѣнить его новымъ. Умѣренность императора по отношенію къ папѣ не могла удовлетворить Григорія IX: онъ требовалъ рабской покорности. „Короли и князья склоняются къ ногамъ священниковъ,—писалъ папа,—и христіанскій императоръ долженъ подчиняться не только римскому епископу, но и другимъ духовнымъ лицамъ". Новый интердиктъ былъ наложенъ на императора за то, что онъ мѣшалъ поправить какую-то церковь, держалъ въ тюрьмѣ римскаго гражданина и т. п. проступки. Фридрихъ II обратился къ общественному мнѣнію и разослалъ государямъ замѣчательный манифестъ, въ которомъ онъ доказывалъ, что его дѣло касается всѣхъ представителей свѣтской власти, что папскій деспотизмъ достигъ невозможныхъ размѣровъ. Глухой гулъ негодованія разнесся по Европѣ, но Григорій IX усмирилъ его на время вымышленными обвиненіями императора. Папа объявилъ Фридриха авторомъ памфлета *De tribus impostoribus*, въ которомъ Магометъ, Моисей и Христосъ ставились на одну доску, и всѣ трое объявлялись обманщиками, утверждалъ, что императоръ опровергаетъ ученіе о рожденіи Христа отъ Дѣвы Маріи, что онъ признаетъ только то, что объясняется законами природы и здравымъ смысломъ, что онъ считаетъ причащеніе фарсомъ и предпочитаетъ Магомета

Христу. Григорій IX изображалъ міру Фридриха II апокалипсическимъ звѣремъ. „Со дна моря вышло чудовище, — писалъ онъ вѣрующимъ, — съ лапами медвѣдя, съ пастью льва, съ туловищемъ леопарда. Его зѣвъ открывается только для того, чтобы изрыгать богохульства противъ имени Божія. Непрерывно нападаетъ оно на скинію Завѣта и на святыхъ, обитающихъ на небесахъ; но прежде оно дѣлало тайныя козни церкви, теперь открыто возстало противъ Искупителя рода человѣческаго". Обвиненія были ложью, или голой, или съ незначительною примѣсью истины, но св. Престолу еще вѣрили на Западѣ, и слова папы, по выраженію современника, „наполнили ужасомъ сердца" вѣрующихъ. Борьба все разгоралась, и ея напряженность еще усилилась, когда на престолъ вступилъ Иннокентій IV.

Иннокентій IV былъ послѣднимъ средневѣковымъ побѣдоноснымъ папой изъ школы Григорія VII; но по личному характеру онъ представляетъ собою злостную каррикатуру на своего знаменитаго предшественника. Каковы бы ни были стремленія Григорія VII, онъ былъ убѣжденный идеалистъ, не лишенный величія, несмотря на свои ошибки и заблужденія. Въ Иннокентіи IV, кромѣ умственныхъ способностей, нельзя найти ни одной привлекательной черты. Безсовѣстный и корыстолюбивый деспотъ, онъ дѣйствовалъ на самыя дурныя стороны человѣка, чтобы пріобрѣсти себѣ союзниковъ. Обѣщанія онъ не ставилъ ни во что, вѣроломно смѣялся надъ трактатами и съ необычайнымъ цинизмомъ грабилъ даже самую церковь, отбирая монастырскія имущества, оставляя незанятыми епископскія каѳедры, чтобы воспользоваться ихъ доходами. Позорно собранныя деньги онъ употреблялъ на подкупъ друзей своего противника. Повидимому, Иннокентій IV считалъ золото если не исключительнымъ, то главнымъ стимуломъ человѣческой дѣятельности. Уже на смертномъ одрѣ, слѣдовательно, съ неподдѣльнымъ цинизмомъ онъ говорилъ огорченнымъ родственникамъ: „О чемъ вы плачете? Развѣ не оставляю я васъ всѣхъ богатыми? Чего же больше вамъ нужно?" Къ Фридриху II Иннокентій относился съ дьявольскою злобой. Современный ихъ борьбѣ историкъ заявляетъ, что онъ перечиталъ историческія лѣтописи и нигдѣ не нашелъ такой упорной, такой

ожесточенной ненависти, какая была между обоими противниками. Императоръ понималъ неизбѣжность борьбы, хотя Иннокентій IV до своего вступленія на престолъ и находился въ дружественныхъ къ нему отношеніяхъ. Онъ сказалъ, говорятъ, узнавши о его выборѣ: „я потерялъ друга между кардиналами, потому что папа не можетъ быть гибеллиномъ". Но онъ все еще надѣялся на возможность примиренія. Когда папа на соборѣ въ Ліонѣ предъявилъ противъ него различныя обвиненія, Фридрихъ представилъ подробныя объясненія и, чтобы примириться съ св. Престоломъ, обѣщалъ присоединить Византію къ папскимъ владѣніямъ, лично пойти въ Палестину и совершенно подчинить Римскую область Иннокентію. Онъ заявилъ, что французскій и англійскій короли поручатся, что онъ исполнитъ эти обѣщанія. Но это не удовлетворило папу. Иннокентій IV не скрывалъ болѣе, что онъ желаетъ совершеннаго уничтоженія Гогенштауфеновъ и въ Германіи, и въ Италіи. Тогда Фридрихъ издалъ новый манифестъ къ государямъ, въ которомъ онъ выставилъ цѣлью своей борьбы возвращеніе церкви къ апостольской простотѣ и бѣдности, а папа объявилъ его лишеннымъ трона, нанялъ ландграфа Тюрингенскаго въ императоры, потому что даромъ никто не хотѣлъ принимать этого званія, и отправилъ въ Германію и Италію массу денегъ, чтобы подкупать предателей и толпу нищенствующихъ монаховъ, чтобы во имя религіи склонять подданныхъ къ измѣнѣ противъ законнаго государя. Преступная дѣятельность Христова намѣстника увѣнчалась успѣхомъ. Фридрихъ умеръ въ разгарѣ борьбы; за его гробомъ съ громкимъ плачемъ шли не только христіане, но и мусульмане, а глава римской церкви съ безобразнымъ торжествомъ кровожаднаго дикаря восклицалъ по этому случаю: „да возрадуются небеса и пусть трепещетъ отъ восторга вселенная", и съ неутомимою энергіей продолжалъ преслѣдовать Гогенштауфеновъ, которыхъ онъ называлъ „змѣинымъ отродьемъ". Средневѣковое папство окончательно восторжествовало надъ средневѣковою имперіей, которая пала вмѣстѣ съ Гогенштауфенами.

Причины пораженія Фридриха II объясняютъ его двойственнымъ положеніемъ въ Европѣ и двойственною политикой въ Италіи. Средневѣковая имперія износилась; ея реальное значеніе, какъ на-

ціональнаго учрежденія, объединяющаго Германію, подрывалось могущественными феодальными князьями, которые стремились сдѣлаться самостоятельными государями. Идея политическаго обдъединенія Германіи, не вполнѣ осуществившаяся и въ наше время, въ XIII столѣтіи не имѣла никакой силы. Идеальная цѣль имперіи—политическое единство христіанскаго міра—сдѣлалась смѣшною, а иногда оскорбительною для народной гордости фикціей, потому что въ европейскихъ государствахъ давно уже обнаруживалось сильное стремленіе къ національной независимости. Могучую поддержку имперіи могла бы оказать церковь; но она боялась ея силы и энергично подрывала всѣ ея основы. Римскіе епископы дразнили національное самолюбіе нѣмцевъ, требуя отъ ихъ императора рабскаго подчиненія св. Престолу, и въ то же время, поддерживали феодальный сепаратизмъ въ Германіи и національный въ итальянскихъ городахъ. Фридрихъ II, какъ императоръ, не имѣлъ ни реальныхъ, ни идеальныхъ силъ для борьбы съ папствомъ, тогда какъ св. Престолъ обладалъ пока тѣмъ и другимъ. Разъединенной, неорганизованной, утратившей авторитетъ имперіи папы противопоставилъ превосходно организованную церковь съ могучею центральною властью въ Римѣ, съ прекрасно дисциплинированною международною арміей нищенствующихъ монаховъ. Та же имперія, которая помѣшала Фридриху II быть національнымъ нѣмецкимъ королемъ, погубила его, какъ свѣтскаго государя Италіи. Во имя отжившихъ принциповъ боролся онъ съ итальянскими республиками, и его противники возненавидѣли его, какъ нѣмца и какъ тирана, и группировались вокругъ св. Престола. Въ концѣ-концовъ, послѣдній крупный средневѣковый императоръ, столь ненавистный гвельфамъ, не возбуждалъ большихъ симпатій и у ихъ противниковъ. Великій гибеллинъ Данте помѣстилъ въ аду Фридриха II, одного только изъ всѣхъ императоровъ. Папство вполнѣ восторжествовало; но это была побѣда не духовной власти надъ свѣтскою, но старѣющаго института надъ учрежденіемъ совершенно одряхлѣвшимъ.

Торжество Иннокентія IV было началомъ пораженія средневѣкового папства, и это чувствовалось современниками. По смерти этого папы одному кардиналу было видѣніе: около Христа стояла

Богородица и еще одна почтенная матрона, олицетворявшая собою церковь, а у Его ногъ умолялъ о прощеніи своихъ грѣховъ Иннокентій IV. Но обвинительницею папы явилась сама церковь, которая возводила на него три главныхъ преступленія: онъ сдѣлалъ ее рабою, онъ превратилъ храмъ Божій въ банкирскую контору, онъ потрясъ три главныя основы церкви: вѣру, справедливость и истину. И эти обвиненія были справедливы, хотя отвѣтственность за нихъ падаетъ не на одного Иннокентія IV. Пораженіе Фридриха II было только послѣднимъ актомъ 200-лѣтней драмы, которая постепенно, понемногу подрывала силы папства и воспитывала противъ него оппозицію. Прежде всего, та церковь, которая считала своимъ основаніемъ ученіе любви, внесла въ міръ этою борьбой столько злобы и ненависти, что можно только изумляться могучей силѣ духовнаго авторитета, который такъ долго прикрывалъ и освящалъ это противорѣчіе. Никакая другая борьба никогда не проникала такъ глубоко въ общество: ожесточенная вражда раздѣляла не только людей одной національности, не только гражданъ одного государства, не только населеніе одного города, но даже членовъ одной семьи, и мало-по-малу становилось ясно, что виновниками этого великаго зла служитъ тотъ, кто дерзко называетъ себя Христовымъ викаріемъ. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ борьбы противники ясно и обстоятельно формулировали свои стремленія; папы договорились до богохульственнаго деспотизма, ихъ противники провозгласили принципъ независимости государства отъ римскаго епископа, возвращеніе церкви къ апостольской чистотѣ, освобожденіе мысли отъ духовнаго деспотизма. Борцы за эти новыя начала — государи и города — все усиливались: королевская власть одерживала побѣду за побѣдой надъ феодализмомъ, торговля и промышленность развивались болѣе и болѣе, а престолъ св. Петра постепенно утрачивалъ реальныя силы, главнымъ образомъ — идеальное обаяніе, самую прочную опору своей власти. Самые крестовые походы, столь высоко поднявшіе папство въ концѣ XI вѣка, съ теченіемъ времени принесли св. Престолу только вредъ и огромную пользу его противникамъ. Вина за это падаетъ въ значительной степени на самихъ римскихъ епископовъ.

Уже въ концѣ XII столѣтія Ричардъ Львиное Сердце, отправляясь въ крестовый походъ черезъ Италію, былъ въ 20 верстахъ отъ Рима, но не принялъ приглашенія папы посѣтить священный городъ, потому что тамъ царствуютъ жадность и развратъ. Во время борьбы съ Фридрихомъ II преемники св. Петра окончательно опозорили самую идею крестоваго похода: въ 1241 г., когда Западу угрожали монголы, Григорій IX созывалъ крестоносное ополченіе не противъ нихъ, а на христіанскаго императора. Иннокентій IV пошелъ еще далѣе. Проповѣдуя крестовый походъ противъ Фридриха II, онъ не только обѣщалъ прощеніе даже такихъ грѣховъ, какъ отцеубійство, но объявилъ владѣнія противника внѣ закона, приказывалъ грабить и разорять ихъ и грозилъ за отказъ отъ такого предпріятія адскими мученіями за гробомъ и жестокимъ наказаніемъ на этомъ свѣтѣ. „Города,—писалъ папа,— потеряютъ свои привилегіи и вольности, дворянство - владѣнія, духовенство—санъ; отказавшіеся отъ похода не могутъ быть свидѣтелями въ судѣ, давать присягу, получать наслѣдство“. Наконецъ, чтобы не отвлекать силъ отъ этой дикой борьбы, папа запретилъ проповѣдовать крестовый походъ въ Палестину и приказалъ уже отправившимся туда крестоносцамъ вернуться назадъ и принять участіе въ новомъ походѣ. Такія проповѣди повторялись не разъ, причемъ деньги, собранныя для борьбы съ невѣрными, расходовались на подкупы и интриги противъ христіанскихъ государей. Крестовые походы сдѣлались орудіемъ разбоя и средствомъ для грабежа.

Такая политика не могла не подрывать авторитета св. Престола. Папскіе интердикты, въ XI вѣкѣ бывшіе большою рѣдкостью, въ два слѣдующія столѣтія сдѣлались почти повседневнымъ явленіемъ и весьма часто на нихъ не обращали никакого вниманія. Съ другой стороны, жестокій деспотизмъ римскихъ епископовъ и ихъ беззастѣнчивая борьба самыми непозволительными средствами за интересы, не имѣющіе ничего общаго съ религіей, вызывали негодованіе во всѣхъ странахъ католическаго міра. „Римская церковь навлекла на себя гнѣвъ Божій,—писалъ англійскій историкъ XIII вѣка,—потому что ея правители заботятся не о духовномъ благѣ народа, а только о наполненіи своего собственнаго кошелька“.

Французскіе бароны открыто выражали свое сочувствіе гонимому папой Фридриху II и отвергали его право низвергать свѣтскаго государя. Въ Германіи недовольные голоса слышатся даже со стороны представителей церкви. „Пусть папа стрижетъ сколько угодно своихъ овецъ въ Италіи,—говорили они,—а мы защитимъ своихъ отъ волка, скрытаго подъ одеждой пастыря". Какъ нѣкогда классическіе греки морально переросли гомеровскихъ боговъ, такъ и западное христіанство начинало замѣчать глубокое нравственное паденіе того, кто во имя нравственнаго авторитета претендовалъ управлять всѣмъ міромъ, и въ XIII столѣтіи надъ св. Престоломъ со всѣхъ сторонъ начинаютъ собираться грозныя тучи.

IX.

Результаты борьбы папства съ имперіей.—Целестинъ V и Бонифацій VIII.—Состояніе св. Престола въ Авиньонѣ.—Литературная и практическая оппозиція папству въ XIV столѣтіи.—Борьба папъ за свѣтскую власть въ Италіи.—Урбанъ VI.—Значеніе «Великой схизмы».

Исторія средневѣкового папства въ XIV в. напоминаетъ его положеніе въ X и XI столѣтіяхъ. Та же самая зависимость римскихъ епископовъ отъ внѣшней силы, то же моральное паденіе св. Престола, такое же сознаніе у религіозныхъ людей необходимости церковной реформы. Но за наружнымъ сходствомъ скрывалось глубокое различіе. Упадокъ папства передъ Григоріемъ VII былъ болѣзнью роста жизненнаго учрежденія; его тяжелое состояніе въ XIV в. представляло собою старческую слабость, начало окончательнаго разложенія. Тогда временно страдала только голова здороваго организма; теперь требуютъ реформы церкви не только въ „ея главѣ", но и „въ членахъ". Тогдашнія реформаціонныя стремленія имѣли цѣлью поставить св. Престолъ выше всего существующаго и восторжествовали, благодаря религіозному порыву; теперешніе реформаторы хотятъ подчинить св. Престолъ собору, а религіозное одушевленіе стремится къ еще болѣе коренной реформѣ, которая окончательно разрушила средневѣковое папство. Тогда оно переживало временную болѣзнь, теперь начиналась предсмертная агонія.

Перемѣну положенія болѣзненно почувствовали ближайшіе преемники побѣдоноснаго Иннокентія IV. Результаты блестящей побѣды папства надъ имперіей равнялись его тяжкому пораженію. Папы думали найти себѣ, вмѣсто послѣдняго Гогенштауфена, болѣе послушнаго императора, но нѣмецкій тронъ пустовалъ цѣлыхъ 19 лѣтъ, и св. Престолъ оставался беззащитнымъ. Римъ вернулъ себѣ независимость, и папа Урбанъ IV умеръ, не побывавши въ своей столицѣ. Карлъ Анжуйскій, французъ, которому епископъ Итальянскаго Рима отдалъ Неаполь, часть своей родины, держалъ св. Престолъ подъ своимъ вліяніемъ и, въ сущности, произвольно распоряжался преемниками св. Петра. Одновременно съ утратою политическихъ средствъ и духовный авторитетъ теряетъ свое обаяніе и доходность. Когда Александръ IV наложилъ интердиктъ на Болонью, жители этого города остались къ нему совершенно равнодушны, а нѣсколько позже папа Климентъ IV писалъ французскому королю: „Моя казна совершенно пуста. Англія противится, Германія не хочетъ повиноваться, у Испаніи у самой довольно дѣла, Италія не платитъ, а поглощаетъ деньги. Какъ можетъ папа, не прибѣгая къ безбожнымъ средствамъ, доставить себѣ или другому войско и деньги?“ Та самая имперія, о которой еще недавно говорили со злобой и высокомѣріемъ, представлялась теперь папамъ спасительнымъ учрежденіемъ, и они усердно стараются о прекращеніи нѣмецкаго междуцарствія. Прошло только 20 лѣтъ послѣ смерти Иннокентія IV, и папа Григорій X пишетъ объ имперіи уже совсѣмъ въ иномъ тонѣ: „Священство и имперія различны по характеру, но ихъ связываетъ тождество цѣли. Что ихъ единство необходимо, видно изъ того бѣдствія, которое возникаетъ при отсутствіи того или другого. Если не занятъ св. Престолъ, то имперіи недостаетъ руководителя къ спасенію; если пустуетъ императорскій тронъ, то беззащитная церковь дѣлается жертвой ея гонителей. На обязанности императоровъ и королей лежитъ защищать свободу и права церкви и не отнимать у нея временныхъ благъ; долгъ правителей церкви—поддерживать королевскую власть во всей ея неприкосновенности“.

Желанія папъ осуществились: на императорскій престолъ, по

ихъ настоянію, былъ выбранъ Рудольфъ Габсбургскій. Повидимому, это былъ такой императоръ, лучше котораго и желать не могли римскіе епископы. Онъ съ полною готовностью призналъ всѣ ихъ теоретическія притязанія и давалъ всевозможныя обѣщанія на благо церкви. Но все это оставалось пустыми словами. Слабый Рудольфъ не могъ помочь церкви, если бы и хотѣлъ; но онъ и не имѣлъ такого намѣренія. Трезвый и разсудительный, Рудольфъ хорошо понималъ, что идеалы старой имперіи безпощадно отвергнуты исторіей и хотѣлъ только воспользоваться саномъ для возвышенія своей фамиліи. О походѣ въ Италію онъ и не помышлялъ и въ самой Германіи далъ юридическую санкцію всѣмъ правамъ, которыя узурпировали крупные феодалы въ эпоху борьбы папъ съ императорами и въ періодъ междуцарствія. Римскіе епископы пожинали теперь горькіе плоды двухвѣковой борьбы съ имперіей. Тѣмъ не менѣе, они сдѣлали отчаянную попытку поправить положеніе св. Престола мѣстными средствами и, опираясь только на свои силы, покорить себѣ свѣтскую власть. Попытка на минуту увѣнчалась успѣхомъ, но это была послѣдняя, моментальная вспышка угасающей жизни. Торжество послѣдняго успѣха средневѣкового папства и горечь перваго жестокаго пораженія пришлось пережить Бонифацію VIII.

Бонифацій VIII былъ послѣднею крупною личностью между средневѣковыми намѣстниками Христа и типичнымъ представителемъ учрежденія, которое утратило прежнее значеніе и извратило свой первоначальный смыслъ. Говорятъ, что его предшественникъ пророчески сказалъ о Бонифаціи, что „онъ вступитъ на престолъ какъ лисица, будетъ править какъ левъ и умретъ какъ собака“ — сравненія чрезвычайно мѣткія, потому что въ его характерѣ была и лисья хитрость, и львиная гордость, и собачья злоба. Бонифацій VIII не лишенъ былъ умственныхъ достоинствъ: краснорѣчивый и ловкій дипломатъ, глубокій знатокъ права, онъ умѣлъ импонировать своею изящною и внушительною наружностью и былъ бы хорошимъ политикомъ, если бы его не ослѣпляли высокомѣріе и властолюбіе. Но въ немъ не было ни одной нравственной черты, необходимой не только главѣ церкви, но и простому христіанину.

Къ людямъ онъ чувствовалъ глубокое презрѣніе, а неумолимая злоба, насиліе и безсовѣстное вѣроломство составляли отличительныя черты его политики. Изъ прошлаго папства Бонифацій VIII заимствовалъ только его безмѣрныя притязанія и деспотическіе пріемы и увеличилъ это наслѣдство новыми злоупотребленіями. Свою карьеру онъ началъ ловкимъ устраненіемъ предшественника, Целестина V, который, дѣйствительно, не подходилъ къ тогдашнему положенію св. Престола. Это былъ неотесанный пустынникъ крестьянскаго происхожденія, который всю жизнь провелъ въ уединенней пещерѣ среди молитвъ и бичеваній. Его выборъ въ папы былъ неожиданною случайностью: кардиналы остановились на праведникѣ за неимѣніемъ болѣе подходящаго кандидата и весьма скоро раскаялись въ своей ошибкѣ. Самъ Целестинъ не хотѣлъ надѣвать папской тіары; его уговорили монахи, истолковавши ему эту неожиданность, какъ несомнѣнный знакъ божественнаго предопредѣленія. Пустынникъ согласился и сдѣлался глубоко-несчастнымъ человѣкомъ. Его вывели изъ убогой кельи, посадили на осла, котораго вели подъ уздцы Карлъ Анжуйскій съ своимъ сыномъ, привезли въ Неаполь и посвятили въ преемники св. Петра. Но изможденный постомъ, обросшій волосами, праведникъ чувствовалъ себя нестерпимо тяжело среди неизвѣстной ему обстановки. Правда, простой народъ относился къ нему съ глубокимъ благоговѣніемъ: его считали чудотворцемъ, потому что, по словамъ благочестиваго современника, онъ однажды передъ глазами Григорія X повѣсилъ въ воздухѣ свое монашеское одѣяніе. Но изящные кардиналы и ловкіе придворные не придавали значенія чудесамъ и смотрѣли съ презрѣніемъ на необычнаго папу: первые чувствовали всю ошибочность своего выбора, вторые спѣшили воспользоваться неопытностью Христова намѣстника и заставляли его подписывать все, что хотѣли. Несчастный Целестинъ V сталъ жалкою игрушкой въ рукахъ Карла Анжуйскаго, который самъ управлялъ церковью, устроивши для папы привычную ему келью въ отдаленной части неаполитанскаго дворца. Заговорили о необходимости отреченія; но для этого, прежде всего, нужно было разубѣдить папу въ божественности его миссіи, и кардиналъ Гаэтани, будущій Бонифацій

VIII, какъ говорятъ современники, произвелъ шарлатанскій фокусъ, воспользовавшись простодушною набожностью Целестина V. Глубокою ночью, посредствомъ рупора, изобразилъ онъ небесный голосъ, требовавшій немедленнаго отреченія. Папа сложилъ свою корону, скрылся изъ Неаполя и хотѣлъ удалиться въ дебри Далмаціи, чтобы тамъ продолжать дѣло своего спасенія; но агенты выбраннаго на его мѣсто Бонифація поймали его, и Целестинъ V умеръ подъ крѣпкимъ арестомъ. Монахи основаннаго имъ ордена послѣ показывали, какъ священною реликвію, гвоздь, вбитый будто бы въ голову праведника по приказанію его преемника на св. Престолѣ. Можетъ быть, это легенда; но остается несомнѣннымъ тотъ характерный для тогдашняго папства фактъ, что праведникъ и чудотворецъ не могъ быть преемникомъ Иннокентія IV. Но на его престолѣ не могъ удержаться и «величественный грѣшникъ», какъ называетъ Бонифація VIII одинъ современникъ.

Бонифацій VIII вступилъ въ Римъ съ необычайною помпой и съ первыхъ же шаговъ обнаружилъ свѣтлыя и темныя стороны своей натуры. Ловко воспользовавшись обстоятельствами, онъ быстро возстановилъ верховную власть папы въ Римской области, такъ какъ республики предоставили ему право назначать высшихъ магистратовъ. Но, какъ настоящій династъ, онъ, прежде всего, одарилъ владѣніями и должностями членовъ своей фамиліи, и, какъ истый деспотъ, не останавливался ни передъ какими мѣрами противъ своихъ противниковъ. Деспотическая политика вызвала оппозицію со стороны Колоннъ, самой могущественной тогда фамиліи въ Римѣ, два члена которой были кардиналами. Бонифацій тотчасъ же смѣшалъ политику съ религіей, отлучилъ отъ церкви своихъ противниковъ, конфисковалъ имущества, объявилъ всю семью лишенной чести и еретиками ихъ сторонниковъ и приказалъ проповѣдовать крестовый походъ противъ ихъ владѣній. Папа одержалъ полную побѣду: крѣпкій городокъ Палестрина, главная опора его противниковъ, былъ разрушенъ до основанія, по его развалинамъ проѣхали плугомъ и посыпали борозды солью въ знакъ окончательнаго уничтоженія. Но для борьбы съ одною фамиліей едва достаточно было всѣхъ средствъ, которыми нѣкогда римскіе епископы подчиняли себѣ могуществен-

ныхъ государей и завоевывали цѣлыя страны. Ясно, что папство мельчало, и его силы были подорваны. Бонифацію пришлось, кромѣ того, успокоивать кардиналовъ, оскорбленныхъ суровою карой своихъ сотоварищей, и папа далъ святой коллегіи общинныя привелегіи и царскій пурпуръ, что сдѣлало ихъ настоящими князьями церкви. Тѣмъ не менѣе, папа, гордый своимъ успѣхомъ дома, хотѣлъ вернуть св. Престолу прежнюю власть и за Альпами. Такому настроенію содѣйствовалъ еще блестящій успѣхъ одного предпріятія, впервые введеннаго въ церковную практику Бонифаціемъ VIII,—такъ называемаго юбилея.

Еще въ древнемъ Римѣ былъ обычай праздновать начало новаго столѣтія торжественными церемоніями и играми; но въ христіанскую эпоху онъ вышелъ изъ употребленія. Бонифацій VIII рѣшилъ возстановить языческую старину и извлечь изъ нея всевозможныя выгоды для св. Престола. Булла отъ 23 февраля 1300 г. возвѣщала, что всѣ тѣ, которые въ теченіе этого года посѣтятъ римскія базилики св. Петра и св. Павла, получатъ полное отпущеніе грѣховъ; исключеніе составляли только поименно названные противники Бонифація. Папское воззваніе имѣло необыкновенный успѣхъ. Вся католическая Европа двинулась въ священный городъ; говорятъ, что ежедневно входило въ Римъ и выходило оттуда 30,000 богомольцевъ, что каждый день въ городѣ ихъ насчитывали 200,000 человѣкъ. Каждый пилигримъ приносилъ посильную жертву на алтарь апостоловъ, и у св. Павла день и ночь стояли два клирика, которые граблями сгребали благочестивыя приношенія. Правда, жертвовали по большей части мѣдную монету, и одинъ изъ современныхъ кардиналовъ горько жалуется, что прошли тѣ времена, когда государи приносили пышные дары Спасителю, тѣмъ не менѣе, церковь и при отсутствіи коронованныхъ богомольцевъ получила хорошій доходъ отъ юбилея. Бонифацій VIII добился блестящаго тріумфа: христіанскій міръ оказался послушнымъ слову своего главы, святыни Рима все еще сохраняли свое обаяніе и мятежная столица была очень довольна вновь изобрѣтеннымъ источникомъ дохода. Средневѣковое папство шумно и торжественно вступало въ XIV столѣтіе, и Бонифацій VIII рѣшительно пошелъ по

слѣдамъ Иннокентія IV. Прежде всего его ударамъ подверглась захудалая имперія. Альбертъ Габсбургскій, осмѣлившійся принять корону безъ папскаго утвержденія, былъ объявленъ измѣнникомъ и вызванъ на судъ къ св. Престолу. Германскихъ пословъ Бонифацій принялъ, сидя на тронѣ съ короною на головѣ и съ мечомъ въ рукахъ и съ грознымъ возгласомъ: „я, я императоръ!“ Жалкій представитель нѣкогда сильнаго учрежденія подчинился всѣмъ требованіямъ св. Престола, и Бонифацій VIII одержалъ новую побѣду. Но это было послѣднее торжество наканунѣ рѣшительнаго пораженія. Первый роковой ударъ средневѣковому папству былъ нанесенъ тою самою Франціей, которая нѣкогда служила наиболѣе прочною опорой св. Престолу.

Бонифацій VIII вступилъ въ борьбу съ Филиппомъ IV. Оба противника стоили другъ друга. Мишле называетъ этого короля, открывающаго новую исторію Франціи, „ненавистною фигурой фальшиваго монетчика“. Дѣйствительно, Филиппъ IV — такой же безсовѣстный деспотъ, какъ и его противникъ, и онъ не останавливался ни передъ какими средствами для достиженія цѣлей своей политики и въ нравственномъ отношеніи представляетъ столь же мало симпатичный образъ, какъ и Бонифацій VIII. Противники и по талантамъ не уступали другъ другу. Но одинъ изъ нихъ защищалъ принципы жизненные, другой—отжившіе; одного поддерживало единодушіе могучей націи, другой не имѣлъ надежныхъ союзниковъ. Самый споръ, въ сущности, не былъ новъ: папа требовалъ подчиненія себѣ свѣтской власти и запрещалъ налагать на церковь какія бы то ни было мірскія повинности; король защищалъ независимость государства и не хотѣлъ отказаться отъ права считать духовныхъ лицъ своими подданными. Новизну заключали въ себѣ только идеи, которыя проповѣдовались при французскомъ дворѣ, и пріемы, которыми пользовался Филиппъ IV въ борьбѣ съ церковью. Когда папа заявилъ, что духовенство свободно отъ всякихъ налоговъ, король запретилъ вывозить деньги изъ Франціи, что лишило св. Престолъ значительной части доходовъ, а, въ то же время, его юристы формулировали совсѣмъ новую теорію. Церковь, говорили они, состоитъ не только изъ духовныхъ, но и свѣт-

скихъ лицъ, и тѣ, и другіе надѣлены Христомъ одинаковою свободой; съ другой стороны, государство составляютъ не только свѣтскіе, но и духовные подданные, и тѣ, и другіе должны нести одинаковыя по отношенію къ нему обязанности. Когда Бонифацій VIII въ знаменитой буллѣ, которая начинается словами: Ausculta fili, вновь формулировалъ старое ученіе о подчиненіи свѣтской власти св. Престолу, Филиппъ IV приказалъ торжественно сжечь папскую грамоту въ парижскомъ соборѣ Богоматери, отдалъ дѣло на рѣшеніе націи, и представители сословій заявили, что „если бы даже король пожелалъ подчиниться папскимъ требованіямъ, то и въ такомъ случаѣ они не сдѣлали бы того же самаго, хотя бы изъ-за этого пришлось лишиться имущества, подвергнуться всевозможнымъ пыткамъ и даже пойти на смерть“. Бонифацій VIII подвергъ Филиппа IV интердикту со всѣми его послѣдствіями, а король, по совѣту юристовъ и съ одобренія университета, послалъ своего канцлера арестовать папу. Знаменитая сцена въ Ананьи всѣмъ извѣстна. Филиппъ IV избралъ суровыхъ исполнителей своего смѣлаго рѣшенія: Шіарра Колонна ненавидѣлъ Бонифація, какъ виновника униженія и разоренія своей фамиліи, легистъ Ногаре ненавидѣлъ самое папство. Пламенный поклонникъ римскаго права, онъ былъ убѣжденнымъ защитникомъ свѣтскаго абсолютизма; уроженецъ альбигойскаго юга и внукъ сожженнаго еретика, онъ съ молокомъ матери всосалъ ненависть къ теократическому деспотизму. Аттрибуты апостольской власти Бонифація и торжественное облаченіе, въ которомъ онъ встрѣтилъ своихъ враговъ, штурмомъ овладѣвшихъ его резиденціей, не произвели на нихъ никакого впечатлѣнія. Пощечину папѣ отрицаютъ весьма основательно, потому что Бонифацій въ глазахъ Ногаре былъ только представителемъ ненавистнаго принципа; но нѣтъ основаній сомнѣваться, что Колонна дѣйствительно стащилъ съ трона преемника св. Петра и пронзилъ бы его шпагой, если бы во-время не удержали его отъ постыднаго насилія надъ беззащитнымъ старикомъ. Бонифація VIII спасли и перевезли въ Римъ, но онъ не оправился отъ пораженія, какъ не оправилось и пострадавшее въ его лицѣ средневѣковое папство, навсегда низвергнутое съ своего до небесъ возвышавшагося трона... Послѣдніе дни

Бонифація VIII были ужасны. Неудовлетворенная жажда мести за неслыханное оскорбленіе и безсильная злоба душили еще недавно могущественнаго деспота; онъ хотѣлъ бы уничтожить Филиппа, какъ нѣкогда уничтоженъ былъ Фридрихъ II, но не только не имѣлъ средствъ для этого, а не былъ даже увѣренъ въ своей безопасности, потому что его держали плѣнникомъ въ собственномъ дворцѣ. Папа умиралъ медленно; онъ заперся въ своей комнатѣ, не хотѣлъ принимать пищи, бился объ стѣну головой... Пророчество Целестина V сбывалось буквально. И Григорій VII нашелъ смерть въ изгнаніи, но онъ умиралъ съ глубокою вѣрой въ святость своего дѣла, а такую вѣру едва ли можно предположить въ человѣкѣ, который игралъ и религіозными вѣрованіями, и нравственными обязательствами. Бонифація VIII сравниваютъ съ королемъ Лиромъ; но у него не было ни любящей дочери, ни преданнаго человѣка. У послѣдняго настоящаго средневѣкового папы были только враги. Личные недостатки общественнаго дѣятеля сглаживаются иногда его культурными заслугами, если онъ стоитъ во главѣ полнаго жизни учрежденія. Пороки Григорія I, напр., совершенно заслоняются крупными задачами тогдашняго папства. Бонифацій VIII находился въ иномъ положеніи. Іерархическіе идеалы въ его время отжили свой вѣкъ и ихъ противорѣчіе съ новыми прогрессивными стремленіями только подчеркивало нравственные недостатки ихъ носителя, и Бонифацій VIII умеръ подъ гнетомъ всеобщей ненависти. Великій Данте, самый крупный представитель средневѣковой интеллигенціи, помѣстилъ этого папу въ аду своей „Божественной Комедіи“ и, въ то же время, простодушный сицилійскій морякъ увѣрялъ, что, будучи у Липарскихъ острововъ, гдѣ, по народному вѣрованію, находится входъ въ пекло, онъ слышалъ голоса дьяволовъ, принимавшихъ душу неудачнаго подражателя Иннокентія IV.

Паденіе Бонифація VIII увлекло за собою и средневѣковое папство. За его пораженіемъ послѣдовалъ гибельный для св. Престола періодъ 70-ти лѣтняго авиньонскаго плѣненія. Авиньонскіе папы съ самаго начала оказались въ крайне фальшивомъ положеніи. Фактически они были въ рабской зависимости отъ французскаго короля, но они не могли отказаться отъ своихъ притязаній, если

хотѣли сохранить хотя бы тѣнь прежняго положенія. Поэтому послушные исполнители королевскихъ повелѣній во Франціи, они требуютъ отъ нѣмецкаго императора полнаго подчиненія; рабы французскаго короля, они хотятъ быть государями въ Италіи. Средневѣковое папство, безопасное отъ внѣшнихъ нападеній въ укромномъ уголкѣ на берегу Роны, дѣлаетъ попытку преобразоваться въ своеобразное теократическое государство подъ эгидою французскаго короля и осуществить въ Авиньонѣ то, что не удалось Бонифацію VIII въ Римѣ. Духовный авторитетъ долженъ былъ служить при этомъ отчасти основою притязаній, отчасти источникомъ финансовъ. Климентъ V формально объявилъ императора своимъ вассаломъ и послѣ смерти Генриха VII назначилъ себя временнымъ правителемъ имперіи. На этой же точкѣ зрѣнія стоялъ и его преемникъ. Еще безцеремоннѣе было злоупотребленіе духовныхъ авторитетовъ для добыванія денежныхъ средствъ. Изобрѣтенные Бонифаціемъ VIII доходные юбилеи учащались; новый юбилей былъ назначенъ въ 1350 году, а Бонифацій IX, нуждаясь въ деньгахъ, повторилъ выгодную операцію за 10 лѣтъ до наступленія XV столѣтія, причемъ для облегченія прощенія грѣховъ можно было и не путешествовать въ Римъ, а купить на мѣстѣ индульгенцію за ту же сумму, какую нужно было издержать на богомолье. Съ неменьшею беззастѣнчивостью обирали папы церковь. Симонія, противъ которой такъ ратовалъ Григорій VII, сдѣлалась постояннымъ финансовымъ источникомъ св. Престола. Папы открыто торговали духовными должностями не только наличными, но и тѣми, которыя пока были еще заняты, продавали ихъ по нѣскольку въ однѣ руки, такъ что на церковную должность смотрѣли только какъ на ренту, которой можно пользоваться, живя въ Авиньонѣ или гдѣ угодно. Чтобы извлекать наиболѣе дохода изъ раздачи мѣстъ пастыря Христова стада, преемники св. Петра изобрѣли такъ называемые аннаты, т.-е. каждый епископъ и аббатъ, по вступленіи на мѣсто, платилъ св. Престолу годичный доходъ съ своей должности. Средневѣковое папство превратилось въ своеобразную биржу, гдѣ намѣстники Христа торговали своими безграничными правами. Результатомъ такого положенія была крайняя нравственная испорченность клира. Правда, на св. Пре-

столѣ еще не встрѣчается такихъ виртуозныхъ преступниковъ, какъ знаменитый Борджіа, но между авиньонскими папами не найдется ни одного, кого можно было бы безъ натяжки назвать истинно-христіанскимъ пастыремъ. Въ лучшемъ случаѣ это были грубые, ограниченные монахи, какъ Иннокентій VI, который считалъ колдуномъ Петрарку, или блестящіе, свѣтскіе люди, не лишенные научныхъ и литературныхъ интересовъ, какъ Климентъ VI, тратившій массу добытыхъ обычнымъ путемъ денегъ на пышную обстановку своей куріи. Но вся глубина нравственнаго паденія католицизма въ XIV и XV столѣтіяхъ обнаруживается на бѣломъ и черномъ духовенствѣ. Главныя силы, посредствомъ которыхъ клиръ господствовалъ надъ свѣтскимъ обществомъ: умственное превосходство, аскетизмъ и культъ были окончательно подорваны. Невѣжество духовенства стало предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ значительно опередившей его свѣтской интеллигенціи, монашескій обѣтъ сдѣлался пустымъ звукомъ, стоявшимъ въ вопіющемъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Наиболѣе священные предметы культа превратились въ грубое орудіе обмана, въ дерзкое средство выманивать деньги у простодушной толпы. Гвозди отъ Креста Христова считались пудами, и современники говорятъ даже о такихъ невѣроятныхъ реликвіяхъ, какъ перо изъ архангельскаго крыла или сѣно изъ виѳлеемскихъ яслей. Между теоріей, на которой держался авторитетъ папства, и дѣйствительностью образовалась такая же глубокая пропасть, какъ между политическими притязаніями св. Престола и его фактическимъ положеніемъ. Оппозиція была неизбѣжна, и ея первымъ успѣхомъ было освобожденіе свѣтской власти отъ папскаго вліянія.

Фактическая зависимость авиньонскихъ папъ отъ свѣтской власти, усилившая притязанія св. Престола, наталкивала на рѣзкую критику всего института въ виду крайней несообразности безмѣрныхъ претензій при полномъ реальномъ безсиліи. Въ XIV столѣтіи во всѣхъ странахъ Запада появляются писатели, которые сначала требуютъ независимости для свѣтскаго государства отъ св. Престола, а потомъ возстаютъ даже противъ духовнаго авторитета папы. Прежде всего, Данте въ своемъ знаменитомъ трактатѣ *О монархіи*

далъ философское обоснованіе политическимъ идеаламъ гиббелиновъ; но его книга настаиваетъ только на независимости императора отъ папы, на непосредственной преемственности его власти отъ цезарей и на божественности ея происхожденія; безграничный духовный авторитетъ св. Престола она вполнѣ признаетъ, такъ что Данте стоитъ на чисто-средневѣковой точкѣ зрѣнія, хотя и отрицаетъ теократію Григорія VII. Гораздо далѣе идутъ его младшіе современники, представителемъ которыхъ можетъ служить Марсилій Падуанскій, авторъ знаменитаго трактата *Защитникъ міра*. По его ученію, источникомъ всякой политической власти является народъ; но онъ весь, во всей своей совокупности не можетъ отправлять законодательныхъ и правительственныхъ функцій, поэтому поручаетъ ихъ людямъ, которыхъ считаетъ способными къ такой должности. Точно также и въ церкви религіозное законодательство принадлежитъ всей совокупности христіанъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; но они не могутъ непосредственно пользоваться своими правами и уступаютъ ихъ выборнымъ депутатамъ, которые составляютъ вселенскій соборъ. Соборъ опредѣляетъ догмы и назначаетъ сановниковъ церкви, начиная съ папы. Такимъ образомъ, папа намѣстникъ не Бога, а собора, которому онъ и подчиненъ. Марсилій подвергаетъ рѣзкой критикѣ папскую легенду о св. Петрѣ и доказываетъ, что этотъ апостолъ не былъ поставленъ главою надъ другими и что онъ никогда не занималъ епископской каѳедры въ Римѣ и даже никогда не былъ въ этомъ городѣ. Поэтому всѣ священники равны, и папа не имѣетъ надъ ними никакой власти. Издаваемые соборомъ законы касаются совѣсти и этимъ существенно отличаются отъ внѣшнихъ государственныхъ законовъ; послѣдніе обязательны для всѣхъ, не исключая и папы, котораго свѣтская власть вправѣ принудить къ ихъ исполненію, какъ всякаго другого гражданина. Но совѣсть человѣка свободна, поэтому церковные законы не могутъ имѣть принудительной силы, и папскій интердиктъ, какъ и всякая духовная юрисдикція, является насиліемъ и беззаконіемъ.

Ученіе Марсилія Падуанскаго не только ниспровергало всю іерархическую систему папства, но и представляло собою проповѣдь

полной религіозной свободы, унаслѣдованную новою исторіей. Тѣмъ не менѣе, несмотря на радикализмъ его доктринъ, онѣ нашли отголосокъ во всей Европѣ. Аналогичныя ученія о св. Престолѣ проповѣдовалъ англичанинъ Оккамъ, французъ Jean de Jandun и нѣмцы Леопольдъ и Генрихъ изъ Галема. Кромѣ того, къ ученію Марсилія примкнули миноритъ, составлявшіе нѣкогда самую надежную опору св. Престола. Наиболѣе послѣдовательные ученики св. Франциска, исходя изъ ученія объ апостольской бѣдности, отдѣлились сначала отъ своего ордена, давно уже покинувшаго этотъ принципъ, а потомъ и отъ папства. Наконецъ, нѣкоторыя изъ положеній противниковъ свѣтской власти св. Престола нашли и практическое осуществленіе. Нѣмецкіе курфюрсты постановили въ 1338 году, что свободно избранный императоръ не нуждается въ папскомъ утвержденіи и, такимъ образомъ, освободили имперію отъ вліянія духовной власти. Въ Англіи Эдуардъ III запретилъ обнародовать папскія буллы, если онѣ причиняютъ ущербъ королевскимъ правамъ или народному благу. Итальянская оппозиція соединяется со всевозможными ученіями противъ папы и прибѣгаетъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ для ихъ осуществленія. Въ 1327 году блестящій съѣздъ гиббелиновъ въ Тріентѣ съ участіемъ миноритовъ судилъ папу и объявилъ его еретикомъ; 4 года спустя Марсилій Падуанскій тоже съ миноритами подъ покровительствомъ императора повторилъ это осужденіе, причемъ папа былъ приговоренъ къ смертной казни, и римская толпа за отсутствіемъ осужденнаго торжественно сожгла изображавшее его соломенное чучело. Чрезъ 20 лѣтъ Римъ возсталъ подъ предводительствомъ своего нотаріуса Кола ди Ріенцо, который съумѣлъ возбудить въ немъ античныя воспоминанія; затѣмъ церковь утратила на нѣкоторое время почти всѣ свои патримоніи. Наконецъ, вся Италія возстала противъ офранцузившагося папства, и преемники св. Петра порѣшили вернуться въ свою исконную столицу; но отъ этого произошли новыя бѣды для св. Престола.

Авиньонскіе папы вели дѣятельную борьбу съ оппозиціей сначала старыми средствами. Марсилію Падуанскому и его единомышленникамъ возражалъ испанецъ Эгидій Альваръ; но его книга пред-

ставляетъ собою безталанное собраніе старыхъ, давно извѣстныхъ притязаній св. Престола и не произвела никакого впечатлѣнія. На сторонѣ папства этой эпохи нѣтъ ни одного литературнаго таланта, ни одной крупной умственной силы, за то инквизиція работала противъ ереси съ необычайнымъ усердіемъ; но ея вліяніе было весьма ограничено, и во многихъ мѣстахъ инквизиторы принуждены были безмолвствовать, чтобы самимъ не подвергнуться участи еретиковъ. Папы пробовали проповѣдовать крестовые походы, но подъ знамена церкви собирались только жалкія шайки разбойниковъ, которые желали не индульгенцій, а денегъ. Они прибѣгали къ интердикту и, желая придать ему болѣе дѣйствительности, дѣлали его преступнымъ. Такъ, на Флоренцію было наложено неслыханное отлученіе: папа объявилъ внѣ закона личность и собственность каждаго гражданина и требовалъ, чтобы флорентіецъ, гдѣ бы онъ ни находился, былъ ограбленъ и обращенъ въ рабство. Граждане богатой республики и тогда уже вели торговыя операціи во всѣхъ государствахъ Запада, и охотники поживиться чужою собственностью нашлись въ Англіи и во Франціи. Но Пиза и Генуя отказались грабить, хотя и по приглашенію св. Престола, и были подвергнуты за это анаѳемѣ. И современникамъ было ясно, что папство стояло ниже свѣтскаго общества и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи и что его абсолютный духовный авторитетъ не имѣетъ болѣе raison d'être. Дѣйствительность дала почувствовать эту горькую истину и самому св. Престолу: старыя средства не дѣйствовали. Прежнее вліяніе на политическія отношенія за Альпами было безвозвратно утрачено и для спасенія своей свѣтской власти въ Италіи папы вынуждены были обратиться къ новымъ силамъ, что также не дѣлало чести нравственной разборчивости преемниковъ св. Петра, потому что этою новою силою былъ организованный разбой.

Долгое время папы держались весьма искусной политики по отношенію къ своей прежней столицѣ. Римъ бѣднѣлъ и дичалъ отъ отсутствія своего епископа; онъ то истреблялъ власть, чтобы установить у себя демократическую республику, то склонялъ императора сдѣлать священный городъ своей резиденціей. Папы въ трудныя

минуты умѣли противопоставить императорамъ неаполитанскаго короля, предоставили гражданамъ избивать аристократію, которая казалась опасной св. Престолу, не вмѣшивались въ ихъ внутреннія дѣла, время отъ времени давали имъ случай поправить свои средства отъ юбилейныхъ богомольцевъ и постоянно манили надеждою на близкое возвращеніе. Въ Римѣ они были увѣрены, потому что папскимъ престоломъ обусловливалось его значеніе; но другіе города Церковной области захватили тираны и не обращали ни малѣйшаго вниманія ни на требованія, ни на анаѳемы св. Престола. Тогда папы обратились къ кондотьерамъ. Въ XIV столѣтіи въ многострадальной Италіи появляются новыя бѣдствія, банды наемныхъ солдатъ, такъ называемыя компаніи. Это былъ космополитическій сбродъ общественныхъ отбросовъ безъ родины, безъ совѣсти, безъ религіи. Ихъ національный и соціальный составъ представлялъ собою невѣроятную пестроту. Италія давно была обѣтованною страной богомольцевъ всѣхъ странъ и народовъ; теперь она сдѣлалась сборнымъ пунктомъ разноплеменныхъ грабителей. Все, что было выбито изъ колеи исторіей: одичалые бароны, обнищавшіе рыцари, разоренный городской и сельскій пролетаріатъ,—вся эта пестрая толпа двинулась въ Италію и соединилась съ соотвѣтствующими мѣстными элементами. Работы здѣсь было много: республики вели между собою непрерывныя войны, города боролись съ знатью и тиранами, тираны воевали другъ съ другомъ, и банды росли и множились съ невѣроятною быстротой. Современники были въ ужасѣ и не понимали причинъ ихъ чрезвычайнаго размноженія: они видѣли въ нихъ или чудесную кару Божію, вродѣ египетскихъ казней, или объясняли ихъ неблагопріятною для земли комбинаціей небесныхъ свѣтилъ. Эти банды представляли собой подвижныя разбойничьи государства съ своимъ монархомъ, съ своими министрами и судьями, съ своимъ рынкомъ изъ награбленнаго имущества, съ своимъ бюджетомъ, главнымъ источникомъ для котораго служилъ грабежъ. Графъ Ландау, предводитель одной изъ этихъ шаекъ, говорилъ посламъ папскаго легата: „Нашъ образъ жизни въ Италіи всѣмъ извѣстенъ: грабить, опустошать, избивать сопротивляющихся—таковъ нашъ обычай. Наши доходы составляетъ имущество тѣхъ провинцій, чрезъ которыя

мы проходимъ. Тѣ, которымъ дорога жизнь, покупаютъ у насъ миръ и спокойствіе хорошими контрибуціями. Итакъ, если господинъ легатъ желаетъ жить съ нами въ согласіи, то онъ долженъ дѣлать то, что дѣлаетъ весь міръ, т.-е. платить и платить". Предводитель другой шайки написалъ на своемъ знамени: „я герцогъ Вернеръ, вождь великой компаніи, врагъ Бога, состраданія и сожалѣнія". Италія стонала отъ этихъ героевъ, и ея бѣдствія вдохновили самыя краснорѣчивыя посланія Петрарки и самыя горячія изъ его стихотвореній. Св. Престолъ съ своей стороны громилъ банды анаѳемой до тѣхъ поръ, пока не понадобились ихъ услуги.

Иннокентій VI поручилъ кардиналу Альборноцу возстановить свѣтскую власть папы въ Церковной области, и тотъ превосходно выполнилъ эту миссію при помощи кондотьеровъ. Этотъ прелатъ, опирающійся на разбойниковъ для возстановленія св. Престола, интересный типъ испанскаго паписта, который перешелъ и въ новую исторію совершенно незатронутый и только ожесточенный реформаціей. Настоящій грандъ своей родины, Альборноцъ — храбрый солдатъ и превосходный государственный дѣятель. Человѣкъ въ высшей степени благочестивый, онъ сосредоточивалъ свое религіозное чувство не на Евангеліи, а на традиціонномъ папствѣ, и служилъ св. Престолу какъ самому Богу. Разсудочный анализъ ученія церкви и нравственный приговоръ надъ ея современными представителями были для него недоступны, потому что святость церковнаго строя, несмотря на всѣ его недостатки, была предметомъ его глубокой вѣры. Такъ слѣпо вѣровать въ папство, такъ безусловно ему повиноваться и такъ самоотверженно ему служить умѣли только въ средніе вѣка, и одна Испанія сохранила эту способность въ новое время... Альборноцъ выгналъ тирановъ, захватившихъ церковныя владѣнія, и посадилъ на ихъ мѣсто духовныхъ правителей, которые потомъ оказались ничѣмъ не лучше своихъ свѣтскихъ предшественниковъ. Вся Италія готовилась возстать противъ церковнаго режима, и римскіе епископы порѣшили вернуться въ священный городъ. Возвращеніе было необходимо и по другой причинѣ: св. Престолъ подвергался опасности утратить прежнее значеніе и превратиться въ французскую епископскую каѳедру. Разлука съ уютнымъ Авиньономъ, гдѣ курія вела жизнь

хотя довольно позорную и безславную, но чрезвычайно спокойную и пріятную, была не особенно тяжела. Во Франціи, истощенной войной съ англичанами, царили голодъ и эпидемія, которые проникали въ папскую резиденцію и свели въ могилу даже нѣсколькихъ кардиналовъ. Но и въ Римѣ непривлекательная судьба ожидала и самый институтъ, и его представителей.

Съ возвращеніемъ въ Италію средневѣковое папство потерпѣло новое измѣненіе. Уже въ Авиньонѣ оно извратилось въ политическое учрежденіе и утратило прежнее вліяніе на христіанскій Западъ; въ Римѣ папы сдѣлались свѣтскими государями, и Урбанъ VI, первый папа, выбранный на итальянской почвѣ и изъ итальянской народности, ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ тирановъ своей родины. Какъ настоящій династъ, онъ проводитъ большую часть своего правленія въ борьбѣ съ Неаполемъ, чтобы добыть корону для своего родственника. Какъ всѣ свѣтскіе властители того времени, онъ стоитъ во главѣ наемныхъ бандъ, и его собственная голова оцѣнена противникомъ въ 10,000 золотыхъ гульденовъ. Этотъ странный намѣстникъ Христа, который во главѣ разбойничьихъ шаекъ старается отнять корону у законнаго государя и по 4 раза въ день подвергаетъ анаѳемѣ его войско, обращается крайне жестоко и съ собственными кардиналами. Заподозривши ихъ въ заговорѣ, онъ бросаетъ шесть ни въ чемъ неповинныхъ прелатовъ въ тюрьму, гдѣ ихъ мучатъ и холодомъ, и голодомъ, а потомъ приказываетъ ихъ убить. Отвѣтомъ на такую политику былъ такъ называемый „великій расколъ". Появленіе одновременно нѣсколькихъ намѣстниковъ Христа не было новостью въ западной церкви; но прежде антипапу, вопреки праву, назначалъ обыкновенно императоръ, теперь же всѣ они канонически избирались кардиналами, и христіанскій міръ находился въ полномъ недоумѣніи, кто изъ двухъ или даже изъ трехъ папъ истинный глава церкви. Скандальная схизма переполнила чашу терпѣнія; наступила эпоха соборовъ, и католической Европѣ предстояло рѣшить трудный вопросъ: кто хуже, развращенные прелаты, желавшіе реформировать папство, или неизлечимые представители умирающаго учрежденія? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ была Реформація.

X.

Соборная реформа и причины ея неудачи. — Констанскій соборъ. — Дѣло Гуса.—Окончательное паденіе средневѣкового папства въ эпоху Возрожденія.— Левъ X.

Въ XV столѣтіи европейскій Западъ вступилъ въ новый періодъ своего историческаго существованія, и средневѣковое папство пришло къ окончательному паденію. Въ началѣ новой исторіи св. Престолъ находился въ такомъ положеніи, что реформа церкви сдѣлалась настоятельною необходимостью, которую живо сознавалъ весь христіанскій міръ, начиная съ свѣтскихъ государей и кардиналовъ. Но средневѣковая теорія папской власти допускала только одну возможность какихъ-либо измѣненій въ церковной сферѣ— добрую волю римскаго епископа. Только абсолютный викарій Бога могъ быть источникомъ церковной реформы, потому что въ его рукахъ находилась безраздѣльно вся полнота апостольской власти, и средневѣковая исторія знаетъ церковныхъ реформаторовъ только на св. Престолѣ, а всѣ остальные были еретики. Между тѣмъ, въ XV столѣтіи требовали реформы церкви посредствомъ общаго собора, а не предоставляли ее на благоусмотрѣніе св. Престола. Такая постановка вопроса заключала въ себѣ и ограниченіе папской власти, потому что ставила соборъ выше преемника св. Петра, и недовѣріе къ ея представителямъ, потому что требовала реформы не только церкви, но и ея главы. Идея соборной реформы, по существу, носила оппозиціонный характеръ, и въ этомъ же направленіи развивалась она исторически. Фридрихъ II впервые аппелировалъ на папу собору, и позднѣйшіе императоры, а также Филиппъ IV, дѣлаютъ это непрерывно во время борьбы съ св. Престоломъ. Эти апелляціи къ высшей власти неизбѣжно вытекали изъ тогдашняго положенія спора между римскими епископами и свѣтскими государями. Притязанія папской теократіи на политическое господство рѣшительно отжили свой вѣкъ и не могли быть болѣе терпимы; но въ теоріи они существовали, и юридически эти фиктивныя права могли быть отмѣнены только папой. Между тѣмъ, св. Престолъ шелъ

лишь на фактическія уступки и крѣпко держался за принципы Григорія VII и Иннокентія III. Подобно всѣмъ отживающимъ свой вѣкъ учрежденіямъ, средневѣковое папство, утративши реальную силу, желало сохранить во что бы то ни стало, хотя бы только на бумагѣ, всѣ свои привилегіи, все еще надѣясь на лучшія времена. Требованія государей оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и они вынуждены были прибѣгать къ насилію. Идея соборной реформы быстрѣе пошла къ осуществленію, когда въ пользу ея раздались голоса со стороны самой церкви. Впервые деспотизмъ Бонифація VIII заставилъ кардиналовъ требовать собора, а во время схизмы это требованіе сдѣлалось общимъ голосомъ церкви.

Дѣйствительно, великій расколъ дѣлалъ неизбѣжнымъ созваніе общаго собора, потому что только при его посредствѣ возможно было возвратить хотя бы наружную благопристойность двухголовому папству. Одновременное существованіе двухъ канонически выбранныхъ Христовыхъ намѣстниковъ, которые взаимными разоблаченіями выставляли на видъ всю вѣками накопившуюся вокругъ св. Престола нравственную грязь, дѣлало необходимость реформы особенно наглядною. Началось сильное литературное движеніе въ пользу собора, во главѣ котораго стала парижская Сорбонна—главная опора средневѣкового богословія и ревностнѣйшая блюстительница католической ортодоксальности. Самыя крупныя свѣтила тогдашней науки, Клеманжъ, Д'Альи и Жерсонъ, обстоятельно формулировали ученіе, что соборъ выше папы и что онъ долженъ произвести реформу церкви „во главѣ и въ членахъ". Кардиналы сначала пытались прекратить скандалъ домашними средствами: при избраніи новаго папы каждый изъ нихъ давалъ торжественную клятву, что если выборъ падаетъ на него, онъ прекратитъ расколъ, хотя бы для этого пришлось сложить высокій санъ. Но кардинальскія клятвы утрачивали цѣну на св. Престолѣ, и преемники св. Петра предпочитали папскую тіару клятвопреступленію. Такъ, Григорій XII при своемъ вступленіи на престолъ торжественно заявилъ: „Я поспѣшу на встрѣчу уніи—даже на рыбацкомъ челнокѣ, если нужно отправиться за море, и съ посохомъ странника, если нужно идти сухимъ путемъ", и вслѣдъ затѣмъ началъ играть запутанную коме-

дію, чтобы отдѣлаться отъ свиданія съ противникомъ, а потомъ совершилъ неслыханный въ лѣтописяхъ папства поступокъ — продалъ Церковную область, чтобы купить себѣ защиту противъ собора. И кардиналамъ стало ясно, что отъ преемниковъ св. Петра нельзя ожидать прекращенія схизмы, и они созвали въ 1409 г. соборъ въ Пизѣ, который отвергъ и осудилъ обоихъ папъ и поставилъ на ихъ мѣсто третьяго. Это была несомнѣнная революція противъ св. Престола: кардиналы не имѣли права ни созывать собора, ни судить Христова викарія; но рѣшительный шагъ имѣлъ только то послѣдствіе, что въ западной церкви къ двумъ наличнымъ главамъ присоединилась третья. Нѣсколько успѣшнѣе была дѣятельность собора въ Констанцѣ: схизма была прекращена, но реформировать средневѣковое папство не удалось ни этому собору, ни послѣдовавшему за нимъ Базельскому. Попытки церковной реформы окончились полною неудачей.

Нѣкоторые изъ современныхъ изслѣдователей сожалѣютъ о печальномъ исходѣ соборной реформы, потому что, по ихъ мнѣнію, она могла бы избавить человѣчество отъ тѣхъ потоковъ крови, которые вызваны были реформаціей. Одни изъ нихъ видятъ въ соборной реформѣ попытку замѣнить папскій абсолютизмъ конституціоннымъ режимомъ въ церковной сферѣ; другіе — намѣреніе создать конфедерацію національныхъ церквей подъ почетнымъ президентствомъ св. Престола. Но составъ и настроеніе соборовъ не даютъ основанія для такихъ розовыхъ надеждъ, а въ ихъ задачахъ совсѣмъ незамѣтно приписываемыхъ имъ стремленій. Прежде всего, далеко не всѣ члены соборовъ были заинтересованы религіозною и моральною реформой; огромное большинство имѣло въ виду исключительно финансовую и политическую сторону вопроса. Такъ, итальянскіе кардиналы заботились только о прекращеніи схизмы, которая уменьшала церковные доходы, оставались совершенно равнодушны къ религіозному деспотизму св. Престола и были прямо заинтересованы въ сохраненіи тѣхъ его злоупотребленій, которыя приносили матеріальныя выгоды. Свѣтскіе государи и ихъ прелаты, можетъ быть, и мечтали о независимыхъ отъ Рима церквахъ съ національными папами, но сводили реальныя требованія, главнымъ

образомъ, къ уменьшенію папскихъ поборовъ и къ участію въ пользованіи ими. Наконецъ, сами вожаки реформаціонной партіи, люди благочестивые и искренніе, не съумѣли отдѣлаться отъ средневѣковой точки зрѣнія на папство и выработали неосуществимую, исполненную непримиримыхъ противорѣчій программу реформы. Они провозгласили, что глава церкви Христосъ, а не папа, а что ея представитель — соборъ, который обладаетъ непогрѣшимостью и можетъ судить и низвергнуть римскаго епископа. Прелаты охотно согласились съ такою точкой зрѣнія, потому что практически вся власть переходила въ ихъ руки, такъ какъ понятіе о церкви исчерпывалось только духовными лицами. Но такая замѣна монархическаго церковнаго строя аристократическимъ казалась слишкомъ радикальною реформой, и реформаторы не только сохранили ненужнаго съ ихъ точки зрѣнія папу, но и объявили его главой внѣшней церкви, уступили ему божественное происхожденіе и сохранили за нимъ всѣ привилегіи, кромѣ стариннаго примата. Это была практическая уступка, которая не вытекала изъ теоріи и вносила непримиримое противорѣчіе въ планъ реформы. На ряду съ Христомъ и соборомъ поставлена ни на что ненужная третья глава церкви въ лицѣ римскаго епископа, положеніе котораго, кромѣ того, было крайне неопредѣленно. Онъ не былъ безотвѣтственнымъ конституціоннымъ государемъ, потому что онъ подчиненъ собору; но его судьи не были его избирателями, потому что выборы папы были, попрежнему, предоставлены кардиналамъ, которыхъ онъ самъ назначалъ.

Это коренное противорѣчіе красною нитью проходитъ черезъ всѣ соборныя реформы. Возставали противъ злоупотребленій, но оставляли ихъ источникъ. Всѣ историческіе наросты средневѣкового папства сохранены; но соборъ требовалъ, чтобъ упрощенъ былъ культъ, чтобы болѣе обращалось вниманія на внутреннее настроеніе при исполненіи внѣшнихъ обрядовъ, чтобы папы сократили нѣсколько свои поборы. Понятно, что всѣ эти постановленія оставались пустымъ звукомъ. Соборная реформа отличалась крайнею поверхносностью, и вопросъ о религіозной свободѣ, самая важная и вполнѣ назрѣвшая потребность времени, былъ рѣшенъ реформаторами отри-

цательно. Гусъ погибъ на кострѣ, и осудившій его соборъ постановилъ, что можно не держать слова, даннаго еретику, что, слѣдовательно, правила элементарной морали обязательны только по отношенію къ ортодоксальнымъ католикамъ. Соборамъ недоставало самаго существеннаго для проведенія религіозной реформы —глубокаго и истинно-христіанскаго религіознаго чувства, и ихъ дѣятельность только расшатала то, что должна была укрѣпить.

Несостоятельность соборной реформы съ особенною наглядностью обнаруживаетъ исторія Констанскаго собора, самаго популярнаго и наиболѣе богатаго послѣдствіями изъ всѣхъ трехъ. Это былъ такой блестящій и обширный конгрессъ всѣхъ народовъ, какого до сихъ поръ не видѣла Европа. Говорятъ, въ Констанцъ съѣхалось 18,000 прелатовъ, 2,400 рыцарей и 80,000 другихъ представителей свѣтскаго общества. На соборѣ присутствовалъ самъ императоръ, уполномоченные отъ всѣхъ государей, депутаты отъ всѣхъ университетовъ и самые блестящіе таланты тогдашней науки. Съѣздъ былъ необыкновенно оживленный и веселый. Церковныхъ реформаторовъ сопровождала огромная толпа артистовъ, музыкантовъ и другихъ менѣе уважаемыхъ спеціалистовъ по доставленію всевозможныхъ удовольствій, и всѣ они получали хорошій заработокъ. Банкеты и турниры смѣнялись торжественными процессіями и обѣднями, причемъ на церковныхъ каѳедрахъ наилучшіе ораторы говорили проповѣди на всевозможныя темы. Иногда громили нравственную распущенность, при чемъ мѣстная скандальная хроника могла дать обильный матеріалъ для пикантныхъ намековъ. Иногда поручали проповѣдь даже свѣтскимъ людямъ, особенно свѣдущимъ въ модной тогда античной литературѣ, и они поражали слушателей то смѣлыми сравненіями Христа съ Юпитеромъ, то глубокимъ пониманіемъ языческихъ авторовъ. Реформа казалась чрезвычайно удачной: одинъ всѣми покинутый папа добровольно сложилъ свой санъ; другого признавала только незначительная испанская крѣпость, за стѣнами которой онъ надѣялся умереть въ тіарѣ; третій явился на соборъ, но потомъ, замѣтивъ неблагопріятное къ себѣ отношеніе, попытался бѣжать, былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Это былъ знаменитый Іоаннъ XXIII, морской разбойникъ въ молодости и отъявленный

злодѣй на св. Престолѣ; его осужденіе могло встрѣтить только всеобщее сочувствіе. Вновь избраннаго папу съ искреннимъ умиленіемъ привѣтствовалъ императоръ и вмѣстѣ съ нимъ вся католическая Европа. Скандальная схизма прекратилась къ всеобщему удовольствію, и соборъ приступилъ къ своимъ поверхностнымъ, но, тѣмъ не менѣе, неосуществимымъ по внутреннему противорѣчію реформамъ. Прежде всего, онъ объявилъ себя представителемъ церкви съ абсолютною властью въ дѣлахъ вѣры, полученною непосредственно отъ самого Христа, но тутъ же было заявлено, что онъ не можетъ отмѣнить папской власти, а имѣетъ право только ограничить пользованіе ею. При этомъ свѣтскіе люди не получили голоса при соборныхъ рѣшеніяхъ и такимъ образомъ были исключены изъ понятія церкви. Они должны были только слѣпо повиноваться, и средневѣковой принципъ абсолютнаго авторитета іерархіи въ религіозныхъ дѣлахъ былъ вновь торжественно провозглашенъ, но тотъ же соборъ обнаружилъ недовѣріе къ духовному большинству своего состава. Оно принадлежало итальянцамъ и не было расположено къ реформамъ, вслѣдствіе чего порѣшили голосовать по націямъ, изъ которыхъ каждая независимо отъ своей численности имѣла только одинъ голосъ. Затѣмъ новому папѣ дана была программа реформъ, состоящая изъ 18 пунктовъ, которые требовали не отмѣны, а только ограниченія наиболѣе вопіющихъ злоупотребленій, и Мартинъ V заключилъ конкордатъ съ каждою націей отдѣльно. Соборъ оказался чрезвычайно сговорчивымъ: аннаты были, попрежнему, предоставлены св. Престолу, и только Франціи на 5 лѣтъ удалось освободиться отъ тяжелаго налога; назначеніе епископовъ, отлученіе отъ церкви, диспенсаціи, попрежнему, оставались въ рукахъ папы; сохранены были даже индульгенціи, и соборъ требовалъ только не пускать въ продажу слишкомъ много этого ничего не стоящаго товара, „чтобы онъ не подешевѣлъ“ (ne vilescant). Словомъ, все осталось попрежнему, и Мартинъ V безъ всякаго сопротивленія объявилъ ученіе о превосходствѣ собора надъ папою ложнымъ и достойнымъ осужденія. Для этого пришлось только заплатить императору его путевыя издержки въ Констанцъ, да предоставить кардиналамъ нѣсколько экстраординарныхъ милостей. Побѣда папы надъ соборомъ

куплена была очень дешево, но этотъ противникъ св. Престола дороже и не стоилъ.

Безсиліе и ничтожность соборной реформы съ полною ясностью обнаружились въ дѣлѣ Гуса. Ученіе Гуса, весьма умѣренное по своему содержанію, было діаметрально противоположно старой церкви по духу и по основнымъ принципамъ. Гусъ обладалъ искреннимъ религіознымъ чувствомъ и глубоко былъ проникнутъ евангельскою моралью. Пороки духовенства и злоупотребленія св. Престола возмущали его нравственное чувство, и онъ смѣло проповѣдовалъ противъ всего, что было развращеннаго въ старой церкви. Папскіе интердикты только заставили его глубже вдуматься въ основы своего ученія, и онъ пришелъ къ убѣжденію, что единственный глава церкви—Христосъ, что единственный авторитетъ въ религіозныхъ вопросахъ—Священное Писаніе и вѣрующая совѣсть, которая не можетъ подчиняться никакой внѣшней силѣ. Свѣтская Европа, у которой сохранилось религіозное чувство, была на сторонѣ уже осужденнаго папою еретика и его путь на соборъ былъ настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. По его собственнымъ словамъ, онъ не встрѣтилъ ни одного врага до Констанца; за то на соборѣ къ нему отнеслись съ одинаково тупою враждой какъ консерваторы, такъ и реформаторы. Гусъ для нихъ былъ упорный еретикъ, настроенія котораго они совершенно не понимали. Привыкши къ признаванію внѣшняго авторитета и представляя его на соборѣ, они не могли понять, что глубокая вѣра въ истину безраздѣльно овладѣваетъ человѣкомъ и что онъ не можетъ подчиниться внѣшней силѣ, если бы и хотѣлъ. Если соборъ утверждаетъ, что у тебя одинъ глазъ, говорили Гусу, то и тогда ты долженъ ему вѣрить безъ всякаго колебанія. „Отрекшись отъ истины, я измѣню совѣсти“,—возражалъ еретикъ, и это не было пустою фразой. Религіозная совѣсть была для него важнѣе самой жизни, и Гусъ не согласился даже на формальное отреченіе, потому что оно было для него тяжелѣе смерти. Такое настроеніе было совершенно чуждо отцамъ собора, и когда Гусъ въ отвѣтъ на осужденіе съ глубокою вѣрой въ Божіе правосудіе апеллировалъ ко Христу, реформаціонное собраніе разразилось дружнымъ хохотомъ. Эти реформаторы были гробы повапленные,

подверженные тому же тлѣнію, какъ и разлагавшееся средневѣковое папство; мертвые, которые, въ сущности, собрались для того, чтобы хоронить своего мертвеца. Дымъ констанскаго костра не могъ задушить великихъ принциповъ, провозглашенныхъ Гусомъ, и только наложилъ новое черное пятно на умиравшее папство.

Судя по наружности, преемники св. Петра вышли изъ соборовъ съ обновленными силами. Схизма прекратилась, и весь Западъ снова признавалъ одного Христова намѣстника. Императоръ пребывалъ въ единеніи съ папой, мѣстное духовенство подчинялось его власти, западное христіанство, исправно платившее церковные налоги, массами шло на богомолье въ Римъ во время юбилея 1450 г., и св. Престолъ находился внѣ всякой зависимости отъ какой-нибудь внѣшней силы. Но это было только наружное благополучіе. Соборныя теоріи и въ католической средѣ подорвали вѣру въ незыблемость средневѣкового папства, а гусситское движеніе охватило всю Богемію и грозило распространиться за ея предѣлы. Абсолютный авторитетъ св. Престола находилъ мало искренно вѣрующихъ поклонниковъ и держался только инертною силой традиціи. Наконецъ, и само папство подверглось существенной перемѣнѣ; церковное учрежденіе окончательно превратилось въ политическій институтъ, и преемники св. Петра сдѣлались настоящими свѣтскими государями. Папы стараго времени видѣли въ свѣтскихъ владѣніяхъ только гарантію церковной независимости, внѣшнее средство для лучшаго исполненія пастырскихъ обязанностей; ихъ преемники XV столѣтія сдѣлали изъ средства цѣль и превратили религію въ простое орудіе для политическаго усиленія. Апостольскій авторитетъ за границей превратился въ финансовый источникъ непрерывныхъ доходовъ, индульгенціи сдѣлались вывознымъ товаромъ, духовныя права св. Престола предметомъ внѣшней торговли. Главныя заботы преемниковъ св. Петра дома — династическіе интересы, и папскій непотизмъ достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ. Мартинъ V устраиваетъ выгодные браки для своихъ родственниковъ; Сикстъ IV съ необыкновенною жестокостью преслѣдуетъ одну цѣль — образованіе княжества для своего племянника; Иннокентій VIII все время правленія занятъ мыслью объ устройствѣ своихъ семерыхъ сыновей; самыя без-

человѣчныя преступленія Борджіа вызваны такими же стремленіями. Для достиженія этихъ цѣлей папы не останавливались ни передъ какими средствами въ борьбѣ съ своими противниками и безъ разбора соединялись со всякими союзниками. Этимъ объясняется и ранняя связь папства съ гуманизмомъ.

Два великія движенія открываютъ новый періодъ въ исторіи человѣчества, и оба они діаметрально противоположны идеаламъ средневѣкового папства, потому что оба имѣли цѣлью освобожденіе личности отъ тѣхъ оковъ, которыя были наложены на нее средневѣковымъ католицизмомъ. Одно началось съ проповѣди религіозной свободы для искренней, глубокой вѣры и сразу вступило на религіозную почву. Здѣсь столкновеніе съ папствомъ было неизбѣжно съ первыхъ же шаговъ, потому что могучее религіозное одушевленіе не способно къ сдѣлкамъ, и вожди реформаціи могли только умереть или побѣдить. Такъ и было въ дѣйствительности: Гусъ погибъ на кострѣ и подготовилъ побѣду Лютеру. Инымъ характеромъ отличалось другое, гуманистическое движеніе. Прежде всего, оно было совершенно свѣтское. Его исходнымъ пунктомъ было не религіозное чувство, а стремленіе личности широко воспользоваться всѣмъ, чѣмъ одарила человѣка природа: опорой для него служило не Евангеліе, а античная литература. Гуманисты ставили на первый планъ свободу чувства и свободу мысли, хотѣли любить, наслаждаться природой и искусствомъ, желали критически относиться ко всякому традиціонному авторитету и свободно отыскивать научную истину. Столкновеніе съ средневѣковымъ католицизмомъ и здѣсь было неизбѣжно, но оно произошло не сразу и въ менѣе рѣзкихъ формахъ. Ранніе гуманисты искренно пытались примирить новое міросозерцаніе съ традиціонною церковью; но оно было непримиримо съ средневѣковымъ католицизмомъ, а къ религіозной реформѣ итальянскіе дѣятели Возрожденія были неспособны по недостатку религіознаго одушевленія. Поэтому неудачныя примирительныя попытки повлекли за собою религіозный индифферентизмъ, а иногда и прямо невѣріе, и лишили гуманистовъ твердаго нравственнаго закала. Католическая мораль шла въ разрѣзъ съ ихъ стремленіями, а эпикурейство, наиболѣе подходящая къ гуманизму языческая

этика, не могло разсчитывать на прочный успѣхъ въ обществѣ, получившемъ многовѣковое христіанское воспитаніе. Въ силу этого гуманисты были лишены способности самоотверженно защищать свои убѣжденія, а предпочитали или маскировать ихъ, или выступать въ борьбу съ противниками подъ чужимъ знаменемъ. Такъ, главныхъ своихъ враговъ, монаховъ, они громили во имя ихъ же идеаловъ, которые тогда рѣзко расходились съ дѣйствительностью, а если иногда въ жару полемики и вырывалась задушевная мысль, что монашество вредный, противоестественный и противообщественный институтъ, то на это папы, занятые болѣе рѣзкою оппозиціей, не обращали вниманія. Вообще, гуманисты пользовались значительною фактическою свободой; ихъ трактаты, написанные почти исключительно по-латыни, были недоступны толпѣ, не могли поэтому произвести массоваго движенія противъ папства и уменьшить церковные доходы. Бывали случаи, что особенно смѣлый гуманистъ попадалъ въ руки инквизиціи, но онъ умѣлъ во-время отречься отъ своихъ воззрѣній или укрыться подъ защитою могущественнаго мецената. Но, несмотря на отсутствіе нравственной устойчивости, а отчасти благодаря ей, представители Ренесанса быстро сдѣлались крупною культурною силой. Тѣ воззрѣнія и то настроеніе, которыя находили свое выраженіе въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ, соотвѣтствовали потребностямъ обезпеченныхъ классовъ, и гуманистическіе трактаты вмѣстѣ съ древними авторами стали любимымъ чтеніемъ образованнаго общества. Гуманизмъ сдѣлался модой, а его представитель необходимымъ человѣкомъ и при дворѣ тирана, и при республиканскихъ правительствахъ. Блестящіе стилисты, опытные ораторы, гуманисты воспитывали свой литературный талантъ на античныхъ образцахъ, и критическое настроеніе особенно развило въ нихъ полемическое искусство. Они выработали особый родъ литературы, такъ называемую инвективу, которая представляетъ собою ученую или политическую полемику, чаще памфлетъ, а иногда пасквиль. Неподражаемые въ этой сферѣ, гуманисты замѣняли современную публицистику и являлись весьма полезными союзниками и весьма опасными врагами. Вскорѣ имъ стали поручать дипломатическія миссіи, потому что онѣ

сопровождались ораторскими рѣчами; гуманисты же стали занимать мѣста республиканскихъ канцлеровъ и княжескихъ секретарей, потому что отъ государственныхъ бумагъ требовался изящный стиль. Наконецъ, безъ гуманистической рѣчи не обходилась ни одна пышная свадьба, ни однѣ торжественныя похороны. Гуманизмъ сдѣлался общественною силой, и св. Престолъ привлекъ ее на свою службу.

Тогдашнее положеніе папства дѣлало гуманистическаго литератора особенно полезнымъ человѣкомъ. Во время схизмы онъ могъ громить противника въ тіарѣ; въ эпоху соборовъ онъ писалъ инвективы противъ реформаціонныхъ прелатовъ. Въ жару спора римскіе епископы не замѣчали, что ихъ противникъ тоже папа, что на соборѣ засѣдаютъ представители католической іерархіи и что нападки ихъ секретарей мѣтятъ иногда далѣе отдѣльныхъ личностей, а касаются самаго учрежденія. Они не обращали вниманія, что ихъ чиновники открыто смѣются надъ тѣмъ, что́ защищаютъ оффиціально. Знаменитый Поджіо записалъ и издалъ собраніе анекдотовъ, которые разсказывались въ канцеляріи монашески-настроеннаго Евгенія IV, и изъ этой книги видно, съ какимъ невѣроятнымъ цинизмомъ осмѣивались тамъ и папы, и соборы, и монахи, и церковная проповѣдь, и самыя таинства. Но папы видѣли сначала въ гуманистахъ только внѣшнюю силу, смотрѣли на нихъ какъ нѣкогда на кондотьеровъ и также мало интересовались ихъ воззрѣніями и нравственностью. Въ половинѣ XV вѣка отношеніе мѣняется. Гуманистическое направленіе проникаетъ въ среду кардиналовъ, и представители Ренесанса занимаютъ св. Престолъ,—явленіе, совершенно противоестественное, потому что папство и гуманизмъ взаимно исключали другъ друга. Преемники Григорія VII сдѣлались не только послѣдователями Боккаччіо, но и друзьями Лоренцо Валлы, который опровергъ Даръ Константина и считалъ удовольствіе высшимъ благомъ. Средневѣковое папство пришло къ самоотрицанію, и вопіющее противорѣчіе между искренними стремленіями и лицемѣрною защитой правъ, надъ основаніями которыхъ открыто смѣялись, повело, прежде всего, къ окончательному моральному паденію св. Престола. Чтобы не возмущать нравственнаго чувства читателя изо-

браженіемъ такихъ преемниковъ св. Петра, какъ Сикстъ IV или Александръ VI, можно показать полное разложеніе папства и на дѣятельности Льва X Медичи, безусловно лучшаго изъ римскихъ епископовъ этого періода.

Джіованни Медичи, второй сынъ Лоренцо Великолѣпнаго, съ дѣтства былъ посвященъ церкви и быстро совершалъ свое служеніе: семи лѣтъ онъ былъ священникомъ и имѣлъ выгодныя синекуры; 13 лѣтъ его сдѣлали кардиналомъ, и семнадцати онъ покинулъ Флоренцію и переселился въ Римъ. Старый Лоренцо, хорошо понимавшій жизнь, далъ юному прелату весьма полезныя напутственныя наставленія. Онъ совѣтовалъ ему имѣть хорошую конюшню и хорошо дисциплинированный домашній штатъ, предпочитать предметамъ роскоши античныя вещи и хорошія книги, больше давать банкетовъ, чѣмъ принимать ихъ, и во время пировъ больше слушать, чѣмъ говорить. О религіозныхъ обязанностяхъ молодого кардинала ничего не было сказано; за то отецъ далъ нѣсколько гигіеническихъ совѣтовъ: раньше вставать, ѣсть простыя кушанья, заниматься физическими упражненіями, чтобы избѣжать обычныхъ въ этомъ санѣ болѣзней. Джіованни хорошо выполнилъ отцовскіе совѣты, за исключеніемъ развѣ только послѣдняго пункта. Онъ любилъ и охоту, и хорошія книги, и монументальные остатки древняго Рима, а вмѣстѣ съ этимъ усвоилъ и всѣ другіе вкусы и наклонности итальянскихъ гуманистовъ. Важнѣе всего въ жизни было для него удовольствіе, и онъ старательно развивалъ всѣ свои способности, чтобы сдѣлать ихъ болѣе воспріимчивыми ко всѣмъ духовнымъ и физическимъ наслажденіямъ. Достаточно образованный для того, чтобы находить удовольствіе въ юридическихъ, философскихъ и историческихъ бесѣдахъ, Медичи былъ, прежде всего, эстетикомъ, пламеннымъ поклонникомъ и довольно тонкимъ цѣнителемъ всяческой красоты. Онъ умѣлъ наслаждаться красивымъ пейзажемъ, любилъ музыку и пластическія искусства, цѣнилъ въ литературномъ произведеніи форму не ниже содержанія и, въ то же время, не забывалъ и чувственныхъ удовольствій. Къ религіознымъ вопросамъ онъ относился съ спокойнымъ равнодушіемъ, а нравственныя правила замѣнялись у него вкусами и инстинктами, которые не были

лишены извѣстной тонкости и благородства, хотя и омрачались чувственностью и необузданнымъ эгоизмомъ. Этотъ совершенно новый человѣкъ сталъ во главѣ средневѣкового учрежденія и принесъ съ собою на св. Престолъ, основанный на аскетическомъ принципѣ, всѣ достоинства и всѣ пороки современныхъ гуманистовъ.

Левъ X вступилъ на престолъ 37 лѣтъ отъ роду; но это былъ уже сильно пожившій человѣкъ, на которомъ черезчуръ весело проведенная молодость оставила замѣтные и даже болѣзненные слѣды. Великій Рафаэль написалъ превосходный портретъ этого папы, и нѣсколько отекшее лицо, тусклые глаза и толстыя губы Льва X выдаютъ чувственную натуру эпикурейца на св. Престолѣ. Когда новый папа въ торжественной процессіи двигался къ Латерану по украшеннымъ коврами, щитами и эмблемами улицамъ, то одинъ римлянинъ выставилъ на своемъ домѣ надпись, которая, намекая на развратнаго Александра VI и на воинственнаго Юлія II, гласила: „нѣкогда были времена Венеры, потомъ Марса, а теперь наступаютъ времена Аѳины". Надпись на другомъ домѣ нѣсколько измѣняла ожиданія: „былъ Марсъ, теперь Аѳина, а Венера всегда останется". Въ дѣйствительности же при Львѣ X продолжали царить въ священномъ городѣ всѣ эти божества, а кромѣ нихъ, Меркурій, Вакхъ и другія еще менѣе почтенныя фигуры языческой миѳологіи. Медичи и папою сохранилъ основной девизъ своей жизни — удовольствія; но теперь стремленія къ нимъ приняли болѣе грандіозный характеръ. Положеніе во главѣ церкви давало такія средства, какими Медичи ранѣе не располагалъ; а кромѣ того, съ годами страсть къ наслажденію все усиливалась, а способность къ нему уменьшалась, и пресыщенное чувство требовало все болѣе и болѣе сильныхъ ощущеній. Прежде всего, поклонникъ искусства и литературы сдѣлался меценатомъ музыкантовъ, художниковъ и писателей. Съ именемъ Льва X связаны величайшія имена и произведенія итальянскаго искусства; со всѣхъ странъ міра созывалъ онъ ученыя, художественныя и литературныя знаменитости. Услыхавъ, что въ Португаліи одинъ математикъ излагаетъ свою науку въ стихахъ, онъ пригласилъ его къ своему двору. Предисловіе къ исторіи Джовіо папа самъ читалъ въ большой компаніи и находилъ эту книгу

лучшимъ сочиненіемъ послѣ Ливія. Иногда онъ пѣлъ съ кѣмъ-нибудь изъ пріѣзжихъ артистовъ и, по словамъ современника, можно было заплатить 100 франковъ за папское пѣніе. Всѣ драматическія произведенія читались или разыгрывались передъ страстнымъ театраломъ въ папской тіарѣ, и даже такія, какъ знаменитая комедія Маккіавелли *Мондрагора*, которую нельзя поставить на современной сценѣ по непристойности содержанія. Импровизаторы, музыканты, буффоны, комедіанты, паяцы толпились при папскомъ дворѣ и развлекали Христова намѣстника. Особенно высоко цѣнилось остроуміе: чтобы вызвать смѣхъ, разрѣшалась грязная острота, кощунственная выходка, издѣвательство надъ Священнымъ Писаніемъ. Страсть къ веселью сдѣлалась господствующимъ стремленіемъ св. Престола. Пиры смѣнялись пикниками, банкеты охотой и рыбною ловлей, и во всемъ этомъ преемникъ св. Петра принималъ дѣятельное участіе. Папскій дворъ съ его изящными кавалерами и красивыми дамами считался самымъ веселымъ въ Европѣ. Даже на улицахъ священнаго города царилъ непрерывный карнавалъ папскихъ потѣшниковъ, которые не стѣснялись ни костюмомъ, ни жестами, ни словами. Все это видѣли своими глазами благочестивые пилигримы изъ-за Альпъ и по возвращеніи на родину становились послѣдователями Лютера, а папа, по словамъ современника, „съ кардиналами, благородными и безъ предразсудковъ воспитанными, весьма свободно проводилъ жизнь на охотѣ, на пирахъ и банкетахъ".

Именемъ Льва X называютъ иногда золотой вѣкъ итальянской культуры; но это названіе характеризуетъ только внѣшнее совпаденіе, а не внутреннюю связь. Веселый папа не создалъ ни одного таланта; то же самое можно сказать и о современной ему церкви. Если папство дѣйствительно воспитало средневѣковую культуру, то новая развивалась вопреки ему и въ противоположность его основамъ. Церковь XV столѣтія являлась только закащицей въ искусствѣ и меценатомъ въ наукѣ и не замѣчала, что глубокочеловѣчная красота мадоннъ не соотвѣтствуетъ ея аскетическимъ воззрѣніямъ и что могучая мускулатура праведниковъ — вліяніе языческаго искусства. Новое искусство, воспроизводившее любовь и

жизнь, противъ которой боролось монашество, новая наука, изучавшая природу человѣка и грѣховный міръ, который отрицалъ аскетъ, подрывали самыя основы средневѣкового папства, и меценатство Льва X было его самоубійствомъ, какъ папы. Кромѣ того, страсть къ наслажденіямъ этого преемника св. Петра подрывала его авторитетъ и по другой причинѣ. Пышныя забавы стоили очень дорого: одна кухня поглощала половину доходовъ Церковной области, и Левъ X постоянно нуждался въ деньгахъ. Обычныхъ доходовъ съ христіанской церкви и съ индульгенцій недоставало, обремененный налогами народъ не могъ покрыть всѣхъ издержекъ. Продажа церковныхъ должностей, а также утвари и сосудовъ, практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и одинъ современный шутникъ съострилъ въ латинскомъ двустишіи, что скоропостижно умершій папа потому умеръ безъ причастія, что заранѣе продалъ всѣ св. дары. Тѣмъ не менѣе, въ затруднительномъ положеніи папѣ приходилось прибѣгать къ экстраординарнымъ финансовымъ операціямъ. Такъ, онъ обвинилъ богатаго кардинала Петруччи въ заговорѣ противъ своей особы, а трехъ другихъ въ соучастіи. Петруччи задушили, его имущество было конфисковано, а остальные кардиналы пыткой были вынуждены заплатить колоссальный штрафъ. Затѣмъ Левъ X сразу продалъ 39 кардинальскихъ шапокъ и выручилъ за нихъ сумму, превышавшую его годовой бюджетъ. Тѣмъ не менѣе, знаменитый меценатъ умеръ неоплатнымъ должникомъ. Его тіара была продана съ молотка, и, несмотря на это, всѣ римскіе банкиры были на половину разорены вслѣдствіе банкротства расточительнаго преемника св. Петра.

Кромѣ пріобрѣтенія денегъ на удовольствія, единственнымъ стремленіемъ Льва X было доставленіе родственникамъ земель и власти. Когда онъ былъ избранъ на престолъ, его племянникъ сказалъ его брату: „насладимся папствомъ, потому что Богъ намъ далъ его“, и самый беззастѣнчивый непотизмъ сдѣлался политическою задачей Льва X. Одного родственника онъ поставилъ правителемъ Флоренціи, другому хотѣлъ доставить Миланъ, третьему неаполитанскую корону, а четвертаго мечталъ даже возвести на императорскій престолъ, и для достиженія этихъ фамильныхъ цѣ-

лей не останавливался ни передъ какими средствами. Союзы за Альпами заключались подъ вліяніемъ минуты съ несомнѣннымъ разсчетомъ не исполнить въ случаѣ надобности ни одного обязательства, потому что папа одновременно обѣщалъ дружбу и поддержку двумъ государямъ, которые находились во взаимной борьбѣ. Преемникъ игралъ святостью договора, и положиться на его слово было слѣпымъ безразсудствомъ. Въ Италіи Левъ X поступалъ еще гнуснѣе и вѣроломнѣе. Владѣтеля Перуджіи онъ пригласилъ въ Римъ, давши ему охранную грамоту, а когда тотъ явился, его подвергли пыткѣ, а потомъ обезглавили. Герцогъ Феррарскій былъ болѣе остороженъ, поэтому папа пытался подкупить начальника его гвардіи отравить своего государя.

Свѣтская политика, столь мало достойная Христова намѣстника, совершенно исчерпывала апостольское служеніе лучшаго папы этой эпохи. Пастырская забота о спасеніи душъ вѣрующихъ считалась только средствомъ къ улучшенію бюджета. Левъ X, котораго не шокировала самая грязная литература, при дворѣ котораго насмѣшка надъ религіей считалась признакомъ хорошаго тона, сохранялъ цензуру и внесъ въ индексъ запрещенныхъ книгъ трактатъ Валлы о подложности Константинова Дара, потому что эта фальсификація составляла одно изъ основаній свѣтской власти св. Престола.

Богословская дѣятельность папы исчерпывалась тѣмъ, что онъ расширилъ значеніе индульгенцій, предоставивъ вѣрующимъ выкупать умершихъ изъ чистилища, потому что такая прибавка увеличивала спросъ на сильно подешевѣвшій товаръ. Его забота о независимости церкви отъ свѣтской власти сводились къ тому, что онъ продалъ французскому королю право назначать въ своей странѣ епископовъ. До сихъ поръ остается недоказаннымъ, дѣйствительно ли Левъ X называлъ христіанство доходною басней, но это изреченіе представляетъ собою наилучшій ключъ къ пониманію его политики. Религіознаго духа больше не было въ средневѣковомъ папствѣ, абсолютная власть римскаго епископа утратила всякій смыслъ въ глазахъ половины Европы, какъ это и доказала реформація. Въ предшествующія столѣтія всякій новый религіозный порывъ воз-

вышалъ св. Престолъ, и теперь за Альпами начиналось религіозное движеніе. За годъ до вступленія на престолъ Льва X благочестивый монахъ Мартинъ Лютеръ съ средневѣковымъ восторгомъ цѣловалъ священную почву Рима; но его поразило католическое нечестіе, и чѣмъ болѣе онъ вдумывался въ современное ему папство, тѣмъ быстрѣе росло его убѣжденіе, что римскій епископъ — не намѣстникъ Христа, а врагъ Его ученія, что онъ — антихристъ. Новое религіозное движеніе съ неудержимою силой направилось противъ св. Престола и въ союзѣ съ гуманизмомъ навсегда разрушило ту культурную форму, которая извѣстна подъ именемъ средневѣкового католицизма.

М 4 08

121-1-0
30/XI 1157
38